

Министерство науки и высшего образования РФ
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

Издается с 2018 года

2020 – № 1 (6)

Ярославль
2020

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Социально-политические исследования = Social and political researches : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. – № 1 (6). – 127 с. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6

Редакционная коллегия

Главный редактор: М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Заместители главного редактора:** О. А. Коряковцева, доктор политических наук, доцент, директор института кадрового потенциала Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Л. Г. Батракова, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Т. Н. Гущина, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; И. Ю. Тарханова, доктор педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Члены редакционной коллегии:** С. А. Бабуркин, доктор политических наук, профессор, уполномоченный по правам человека Ярославской области; Н. А. Баранов, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗИУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; Д. С. Вахрушев, доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; Вейди Чжоу, доктор экономических наук, профессор Института экономики Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; А. В. Волкова, доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; Ю. А. Головин, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; В. А. Гордеев, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Ярославского государственного технического университета; Л. Н. Данилова, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; С. Е. Дубова, доктор экономических наук, профессор департамента финансовых рынков и банков Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва; Ж. А. Захарова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, г. Кострома; А. Е. Кальсин, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; П. Л. Карабуценко, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань; В. А. Кваша, кандидат экономических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, директор Ярославского филиала; Р. В. Колесов, кандидат экономических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, заместитель директора Ярославского филиала; Збигнев Крушевский, доктор педагогических наук, ректор Высшей школы им. П. В. Владковицы, г. Плоцк, Польша; Д. М. Мадиярова, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и предпринимательства Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан; С. А. Панкратов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; В. И. Пейтнев, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; А. П. Опальский, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, г. Москва; Н. Х. Розов, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАО, декан факультета педагогического образования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва; Д. Г. Сельцер, доктор политических наук, профессор, директор Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов; Л. Г. Титова, доктор политических наук, профессор кафедры дополнительного и технологического образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Ирэна Упенице, доктор педагогических наук, профессор Рижского университета им. П. Стралиншя, г. Рига, Латвия; В. А. Фокни, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула; А. П. Чернявская, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогических технологий Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Я. Ю. Шашкова, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул; Г. А. Шмарловская, доктор экономических наук, профессор кафедры международного бизнеса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь; В. А. Ясвин, доктор психологических наук, профессор института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета, г. Москва.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

С апреля 2019 года журнал индексируется в РИНЦ eLIBRARY

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Телефон: +7 (4852) 72-76-15

Телефон издательства: +7 (4852) 72-64-05

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-74000 от 02 ноября 2018 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2020
© Авторы статей, 2020

Founder:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky

Социально-политические исследования = Social and political researches : scientific journal. – Yaroslavl : RIO YSPU, 2020. – № 1 (6). – 127 p. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6

Editorial board

M. V. Novikov, doctor of historical sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, head of the department of theory and methods of professional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor-in-chief); **O. A. Koryakovtseva**, doctor of political sciences, associate professor, director of the institute of human resources development of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. G. Batrakova**, doctor of economical sciences, professor of the department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. N. Gushchina**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **I. Yu. Tarkhanova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **S. A. Baburkin**, doctor of political sciences, professor, commissioner for human rights of the Yaroslavl region; **N. A. Baranov**, doctor of political sciences, professor of the department of international relations of the Russian presidential academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg; **D. S. Vakhrushev**, doctor of economical sciences, professor of the department of finance and credit of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **Wadi Zhou**, doctor of economical sciences, professor of the institute of economics of the Central China normal university, Wuhan, China; **A. V. Volkova**, doctor of political sciences, associate professor, deputy dean of the faculty of political sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg; **Y. A. Golovin**, doctor of political sciences, professor, head of the department of social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **V. A. Gordeev**, doctor of economical sciences, professor of the department of economics and management of Yaroslavl state technical university; **L. N. Danilova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of theory and history of pedagogy of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **S. E. Dubova**, doctor of economical sciences, professor of the department of financial markets and banks of the Financial university under the government of the Russian Federation, Moscow; **Z. A. Zakharova**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma; **A. E. Kalsin**, doctor of economical sciences, professor of the department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **P. L. Karabushchenko**, doctor of philosophical sciences, professor of the department of political science and international relations of Astrakhan state university, Astrakhan; **V. A. Kvasha**, candidate of economical sciences, associate professor, Financial university under the Government of Russian Federation, director of Yaroslavl branch; **R. V. Kolesov**, candidate of economical sciences, associate professor, Financial university under the Government of the Russian Federation, deputy director of Yaroslavl branch; **Zhignev Krushevsky**, doctor of pedagogical sciences, rector of the Higher school named after P. V. Vlatkovic, Plock, Poland; **D. M. Madiyarova**, doctor of economical sciences, professor of department of economical and entrepreneurship of the Eurasian national university named after L. N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan; **S. A. Pankratov**, doctor of political sciences, professor, head of the department of international relations, political science and regional studies of Volgograd state university, Volgograd; **V. I. Pefiev**, doctor of economical sciences, professor of the department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. P. Opalsky**, doctor of economical sciences, professor, chief researcher of the all-Russian research institute of the Ministry of internal affairs of Russia, Moscow; **N. K. Rozov**, doctor of physical and mathematical sciences, professor, corresponding member of RAO, dean of the faculty of pedagogical education of the Moscow state university named after M. V. Lomonosov, Moscow; **D. G. Seltser**, doctor of political sciences, professor, director of the center for political transformation studies, Tambov state university named after G. R. Derzhavin, Tambov; **L. G. Titova**, doctor of political sciences, professor of the department of additional and technological education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Irena Upeniece**, doctor of pedagogical sciences, professor of Riga university named after P. Stradins, Riga, Latvia; **V. A. Fokin**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of social and pedagogical sciences, sociology and political sciences of Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula; **A. P. Chernyavskaya**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of pedagogical technologies of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ya. Yu. Shashkova**, doctor of political sciences, associate professor, head of the department of political sciences of the Altai state university, Barnaul; **G. A. Shmarlovskaya**, doctor of economical sciences, professor of the department of international business of the Belarusian state economic University, Minsk, Belarus; **V. A. Yasvin**, doctor of psychological sciences, professor of the institute of pedagogy and psychology of education, Moscow city pedagogical university, Moscow.

The materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial Board.

Editorial office address: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1.

Phone: +7 (4852) 72-76-15

Publisher's phone: +7 (4852) 72-64-05

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Mass media registration: Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

PI № FS 77-74000 dated from 02 november 2018 g.

© Yaroslavl state pedagogical University
named after K. D. Ushinsky, 2020
© Authors of articles, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

*Политические институты,
процессы и технологии*

Зайцев А. В. Диалог государства и гражданского общества: к вопросу об идентификации и типологизации _____5

Воронкова О. А. Сетевая интериоризация – становление новой мотивационной матрицы социально-политического участия _____17

Страдина Е. А. «Хромающие решения» российской политики _____29

Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)

Воронина Е. А. Формирование инновационной среды региональной экономической системы _____36

Квасникова М. А. Цифровое неравенство и его влияние на социально-экономическое развитие регионов в России _____43

Пефтиев В. И., Титова Л. А. Промышленность в регионах России в среднесрочной перспективе _____59

Теория, методика и организация социально-культурной деятельности

Ясвин В. А. Технология средового проектирования в образовании _____74

Лебедева Н. В. Андрагогическая позиция преподавателя дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы _____94

Макеева Т. В., Гурьянчик В. Н. Особенности развития гражданского образования в России и Германии _____105

Токарева В. Б. Внутриличностная ответственность как ключевая социальная компетенция субъектов образовательного процесса _____116

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ _____124

THE CONTENT

*Political institutions, processes
and technologies*

Zaitsev A. V. Dialogue between the state and civil society: on the issue of identification and typologization _____5

Voronkova O. A. Network interorization – the emergence of a new motivational matrix of social and political participation _____17

Stradina E. A. "Limping decisions" of russian politics _____29

Economy and economic management (regional economics)

Voronina E. A. Formation of the regional innovation environment economic system _____37

Kvasnikova M. A. Digital inequality and its impact on the socio-economic development of regions in Russia _____44

Peftiev V. I., Titova L. A. Industry in Russia's regions in the medium term _____59

Theory, methods and organization of socio-cultural activities

Yasvin W. A. Technology of environmental design in education _____75

Lebedeva N. V. Andragogical position of the teacher of additional professional education of social sphere specialists _____94

Makeeva T. V., Guryanchk V. N. Features of the development of civic education in Russia and Germany _____106

Tokareva V. B. Internal responsibility as a key social competence of subjects educational process _____117

INFORMATION ABOUT AUTHORS _____126

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ,
ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ**

А. В. Зайцев

УДК 321

<https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>

**Диалог государства и гражданского общества:
к вопросу об идентификации и типологизации**

Для цитирования: Зайцев А. В. Диалог государства и гражданского общества: к вопросу об идентификации и типологизации // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 5–16. DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-5-16

В современном социогуманитарном знании существуют огромное количество определений диалога. Однако то, что представляет собой диалог государства и гражданского общества, а так какие кластеры (типы) этого диалога можно вычлени из всего многообразия нарративных практик, остается не достаточно ясным и исследованным не только в политологии, но и в смежных с ней социогуманитарных науках и дисциплинах. В ходе проведения исследования автором работы были применены системный, компаративно-сравнительный, диалектический, исторический, дискурсивный, нарративный и другие общенаучные и специальные методы исследования. Данная публикация, пусть и частично, посвящена ликвидации данной объективно существующей лакуны. В результате проведенного исследования выявляются основные подходы для типологической дифференции и кластеризации схожих по отношению друг к другу интеграций между государством и гражданским обществом в контексте публичной политики современной России. Главным выводом из данного исследования является тезис о том, что для создания научно обоснованной типологии диалога государства и гражданского общества существуют вполне реальные объективные критерии и маркеры.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, диалог, коммуникация, дискурс, кластер, типология.

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

A. V. Zaitsev

**Dialogue between the state and civil society:
on the issue of identification and typologization**

In modern sociohumanitarian knowledge there are a huge number of definitions of dialogue. However, what constitutes a dialogue between the state and civil society, and so which clusters (types) of this dialogue can be distinguished from the whole variety of

---

© Зайцев А. В., 2020

narrative practices, remains not sufficiently clear and studied not only in political science, but also in the related social sciences and disciplines. In the course of the study, the author of the work applied systemic, comparative, comparative, dialectic, historical, discursive, narrative and other general scientific and special research methods. This publication, albeit partially, appears to eliminate this objectively existing gap. As a result of the study, the main approaches to typological for differentiation and clustering of similar interactions between the state and civil society in the context of the public policy of modern Russia are identified. The main conclusion from this study is the thesis that, to create a scientifically based typology of dialogue between the state and civil society, there are quite real objective criteria and markers.

Keywords: state, civil society, dialogue, communication, discourse, cluster, typology.

Утверждение необходимости дискурсивного взаимодействия государства и гражданского общества в режиме диалога превратилось в современной политической науке (и в политической практике также) в формальный ритуал, шаблон, трафарет, штамп. Тем более что понятие «диалог» используется, наряду с политологией, еще и в целом ряде смежных наук. В российской политической науке до сих пор не существует системных и глубоких исследований диалога государства и гражданского общества. Как и гражданского диалога, социального и общественного диалога, диалогических форматов в PR и GR-коммуникациях.

«Распространенность, обычность диалога столь на первый взгляд интуитивно достоверна и очевидна, что это порой ведет к взгляду на диалог, как на нечто недостойное особого исследования», – пишет философ-логик К. Д. Скрипник [Скрипник, 1996, с. 4]. «Термин диалог, – утверждает философ-культуролог А. А. Пелипенко, –

может в известном смысле служить примером того, как современное научное сознание работает с общими понятиями: все примерно представляют, о чем идет речь, но никто ясно не может определить, что же это такое» [Пелипенко, 2010, с. 64].

Сложилась парадоксальная ситуация: к проблеме концептуализации диалога «ближе всего подходят не столько политологи, сколько их коллеги из смежных отраслей знания: философы, лингвисты, социологи, медиаведы» [Поцелуев, 2006, с. 6]. Российская политическая наука, не имеющая, в отличие от целого ряда смежных наук, собственной научной школы изучения диалога, вынуждена обращаться к иным областям научного знания, которые, в той или иной степени, актуальны для выработки политологической парадигмы диалога государства и гражданского общества.

Профессор из США Р. Арнетт, предполагает, что несколько туманные и расплывчатые контуры диалога, больше напоминают картину художника-импрессиониста, чем

четкую и ясную фотографию [Arnett, 2008, p. 3]. Это приводит к тому, что если одни исследователи под диалогом подразумевают только мирное, бесконфликтное и гармоничное взаимодействие между его субъектами, то другие утверждают, что конфликты, дискуссии, споры, борьба точек зрения и мнений являются наиболее существенными признаками диалогических отношений. Данное обстоятельство порождает альтернативные, взаимоисключающие друг друга, теоретико-методологические подходы к классификации и типологии диалогических дискурсов.

«Вопрос о классификации диалогических дискурсов является достаточно сложным, – пишет по этому поводу лингвист Т. Н. Колокольцева, – поскольку «в науке существует большое количество разноречивых точек зрения на этот счет» [Колокольцева, 2001, с. 25]. Многообразие диалогических дискурсов, сложность их организации, продолжающееся расширение границ диалогической коммуникации «ставят исследователей перед необходимостью вновь и вновь обращаться к проблеме классификации диалогов» [Колокольцева, 2006, с. 76].

Д. Таннен, профессор лингвистики и культурологии из Джорджтаунского университета в США, полагает, что главный аргумент культуры современного общества – это всепроникающая воинственная атмосфера, которая побуждает относиться и к миру, и к

людям, живущим в нем, в состязательно-агонистическом наклоне. В связи с этим свою «главную книгу» она назвала «Аргумент культуры: переход от дебатов к диалогу». В современной цивилизации, по мнению Д. Таннен, основным содержанием культуры стало так называемое «критическое мышление». А «главный аргумент» такого рода культуры – это словесные перепалки, вербальные дуэли, конфронтация мнений, ругань, оскорбления, компромат и т. д. Война с наркотиками, война с раком, борьба полов, борьба за сферы влияния в политике – это все аргументы культуры, это военные либо, в лучшем случае, спортивные метафоры, которые буквально пронизывают своей агрессивностью любой дискурс и формируют соответствующее милитаризованное мышление. С точки зрения Д. Таннен, современному обществу нужны иные метафоры для «поиска истины и получения информации посредством интеллектуального обмена». В том числе, как полагает Д. Таннен, и на основе поворота от конфронтационного типа дискурса к конструктивному партнерскому диалогу, пересмотрев существующую точку зрения на то, что «зрители всегда предпочитают драку» [Tannen, p. 63-64].

Г. П. Грайс сформулировал нормативные постулаты ведения спора, дебатов и диалога, которые, по его мнению, должны быть основаны на принципе кооперации. Согласно

принципам Г. П. Грайса, участник кооперативной диалогической коммуникации должен вносить свой вклад в разговор, понимать цель или направление разговора, в который он вовлечен, а высказывания участников должны быть ясными, честными, эффективными и уместными, то есть релевантными коммуникативной ситуации [Грайс, 1985].

Физик Д. Бом – один из наиболее оригинальных теоретиков диалога, который уже в преклонном возрасте пришел к выводу, что многие ученые мирового уровня развивали свои самые креативные идеи через общение и диалог друг с другом. Д. Бом полагает, что понятие диалог довольно «часто используется для обозначения других вещей, например, компромиссов, переговоров или дискуссий» [Bohm, p. 8]. Для Д. Бома, как и для его последователей, полемика, дискуссия, дебаты, споры, обсуждения и даже переговоры – это не диалог. Д. Бом определяет диалог как форму общения, направленную на взаимопонимание индивидов, в процессе которого его участники совместно создают что-то новое.

Для В. Айзекса «диалог – это особая форма общения с возможностью совершенствования процессов совместного познания, координации действий внутри коллектива и достижения подлинных социальных изменений» [Isaacs, 1996, p. 20]. Цель переговоров – достижение согласия между сторонами, у которых есть разногласия. Диалог же

нацелен на достижение инновационного понимания проблемы и, таким образом, на формирование абсолютно новой основы для мышления и действий. В ходе диалога проблемы не только решаются, но и исчезают. Целью диалога, по мнению данного автора, заключается не столько разрешение каких-то возникших проблем, сколько в «растворение их» [Isaacs, 1999, p. 19]. Смысл диалога состоит не в переубеждении оппонента, а в умении слушать другого и в возможности говорить о собственной точке зрения. На этой основе возникает взаимопонимание между участниками коммуникации, и выстраиваются позитивные отношения.

Еще более четко разграничение между диалогом, с одной стороны, и дебатами, с другой, проводит Д. Янкелович, который оценил важность диалога как успешного процесса для построения взаимоотношений. Для него диалог – это узкоспециализированная форма общественного дискурса, который нельзя смешивать ни с полемикой, ни с переговорами, ни с де-libерацией [Yankelovich, p. 41-44].

С. Лондон также отделяет диалог, в том числе делиберативный диалог, от дискуссии и дебатов. Диалог акцентирует внимание на общих интересах, а не на противоречиях и разногласиях [London]. С. Лондон проводит демаркацию между делиберативным диалогом и, как он пишет, «другими формами публичного дискурса – такими как

дебаты, переговоры, мозговой штурм, консенсус». Смысл делиберативного диалога состоит в коллективном размышлении, выслушивании различных точек зрения, мнений, идей и поиске общих точек соприкосновения для решения, вынесенного на совместное обсуждение вопроса. Это не путь к консенсусу, не поиск компромисса, а процесс достижения взаимопонимания. Благодаря этому разногласия нивелируются, конфликты сглаживаются, трансформируются и преобразуются в социальную практику общих действий и совместных дел [London].

По мнению И. А. Кумкина, диалог является формой intersubъективной коммуникации или процессом субъект-субъектного взаимодействия, двустороннего общения, предполагающего наличие общего смысла. Диалог всегда ориентирован на выявление обоюдных интересов, «поиск общей позиции, процесс согласования намерений и выработку целей, действий (стратегии и тактики)» [Кумин, 2006, с. 2]. Диалогу присущи такие черты как открытость, взаимопонимание и поиск согласия, что может найти свое оформление в соглашении, взаимных обязательствах сторон, а так же в каком-либо договоре, пакте и так далее.

Наиболее приемлемый способ ведения диалога предполагает компромисс. Компромисс исключает стремление к победе и предполагает взаимные уступки ради дости-

жения общих интересов. В диалоге большую роль играет толерантность, допускающая «инакомыслие другого лица» и даже «деятельность оппозиции в границах, очерченных общим интересом» [Кумин, 2006, с. 2-3].

Вместе с тем существуют и принципиально иные подходы к соотношению диалога, дебатов, дискуссии, полемики и делиберации. Безусловно, что диалог – это не только сотрудничество, согласие, взаимопонимание и кооперация. Диалог, вместе с тем, – это и борьба мнений, и конкуренция взглядов, и состязательность идей...

Начиная с древнейших времен, диалог представлял собой не только частную мирную беседу между ее участниками. Еще в античном полисе диалог – это публичный спор, общественная дискуссия, открытые дебаты, конкуренция мнений между гражданами полиса. По утверждению Д. В. Джохадзе, характерной чертой диалога в античной философии является то, что он выступает как импровизированная – «арена диспута, «ристалище» спорящих, докапывающихся до последних оснований и значений слов, понятий, категорий» [Джохадзе, 2012, с. 24].

М. М. Бахтин, трактуя диалог предельно широко, выделял такие его эристические (агональные) типы как спор, полемику, пародию и т. д., именуя их «грубыми формами диалогизма» [Бахтин, 1979, с. 300]. В диалоге он, как литературовед и

философ с эстетической специализацией, допускал не только кооперацию, но и «благожелательное размежевание (без драк на меже)» [Бахтин, 1979, с. 341]. При этом под «межой», М. М. Бахтин, скорее всего, подразумевал далекую от его научных интересов насыщенную конфликтами сферу публичной политики, то есть область общественно-политического бытия диалогического дискурса.

В отличие от сторонников кооперативного понимания теории диалога, В. Б. Родос категорично утверждает, что «полемика – самый демократичный вид диалога» [Родос, с. 22, 13]. А. И. Рузавин подразделяет многообразные формы и типы дискурса на две предельно широкие группы: либо на диалог, либо на монолог. К диалогу он относит «активные» типы дискурса. «Спор, дискуссия, полемика и, в принципе, любое обсуждение носят активный характер, так как предполагают столкновение мнений, точек зрения и позиций по обсуждаемому вопросу, – пишет по данному поводу вышеназванный философ. Поэтому они происходят не в форме монолога, а диалога» [Рузавин, 1997, с. 118]. Зарубежный исследователь А. Лайн, рассуждая о конфликтном потенциале диалога, образно сравнивает процесс диалога с ключом к «ящику Пандоры» [Lane].

Диалог, по мнению К. Д. Скрипника, «может определяться различным образом – в терминах действия и противодействия, вопроса и отве-

та, атаки и обороны или контратаки, доказательства и опровержения или критики, вызова и защиты и целого ряда иных терминов» [Скрипник, 1996, с. 5].

Наряду с этими двумя амбивалентными точками зрения, где диалог дихотомически рассматривается либо как сотрудничество (кооперация), либо как конкуренция, борьба мнений или даже как конфликт, существуют и паллиативные подходы. Подобная интерпретация сущности диалога представляет собой более сложный и, одновременно, внутренне дифференцированный методологический подход при помощи метода кластеризации, то есть разграничения и объединения в группы различных классов (типов, видов) диалога. Такой методологический подход позволяет создать отсутствующую в настоящее время типологию диалога, включив в его лоно достаточно широкий кластерный спектр субъект-субъектных интеракций, расположенных в полимодальном диапазоне публичной политики, простирающемся от сотрудничества и до противоборства, от кооперации до конкуренции.

Классификация диалога на основе кластерного подхода позволяет использовать в социальной и политической коммуникации богатый спектр его промежуточных видов, подвидов и разновидностей, простирающихся в дискурсивном континууме между его крайними полюсами. Построенная на кластер-

ном подходе теория диалога позволяет совершенствовать технологию, методы и механизмы связей с общественностью, используя богатый репертуар разнообразных типов диалогических интеракций.

В среде российских лингвистов и социолингвистов наибольшую популярность получила классификация диалогов, предложенная А. К. Соловьевой. Проводя четкое разграничение между диалогом-спором и диалогом-ссорой, она замечает, что момент логической аргументации, свойственный спору, «в диалоге-ссоре уступает место выпадам эмоционального порядка, резким нареканиям его участников друг на друга» [Соловьева, 1965, с. 108]. В отличие от этих двух видов диалога, диалог-унисон более однообразен, поскольку он характерен для ситуации, когда «разговор происходит в объединяющей собеседников атмосфере» [Соловьева, 1965, с. 109]. Именно в таком формате унисонного типа диалога строится коммуникация В. В. Путина со своими сторонниками («Единая Россия», «Общероссийский народный фронт» и др.). В то время как для дискурса с оппонентами используется аргументация, присущая диалогу-спору и даже диалогу-ссоре, как, к примеру, в политической коммуникации российской власти с несистемной либеральной оппозицией.

Мы полагаем, что в публичном пространстве российской политики присутствует достаточно широкий кластерный спектр субъект-

субъектных интеракций государства и гражданского общества, отличающихся своей модальностью, начиная от диалога кооперативно-унисонного типа и до эристического диалога конфликтного типа. Особым кластером диалога, пришедшим на смену морально устаревшей субъект-объектной монологической парадигме воздействия власти на общество, является убеждающий, или персуазивный, тип диалога. Такой диалог характеризуется возможностью его акторов (государства и гражданского общества) взаимодействовать друг с другом в формате субъект-субъектной коммуникации с целью переубеждения или внушения партеру по дискурсу каких-либо взглядов или идей.

Амбивалентной интенцией по отношению к агонистически-конфликтному типу общественно-политического диалога является объективно существующая в политике необходимость кооперации и координации усилий, достигаемых в ходе предварительных переговоров, консультаций и совещаний. Именно здесь заключается фундаментальное разграничение политики как «politics» и политики как «police». В первом случае политика предстает как борьба за завоевание, использование и удержание власти, как политическая конкуренция или как борьба идеологий на основе диалога конфликтного типа. Во втором варианте (публичная) политика это совместная деятельность

органов государственной и муниципальной власти с институтами гражданского общества с помощью делиберативных процедур, и переговорно-диалоговых площадок.

Для классификации разнообразных типов и видов диалога могут быть использованы самые различные критерии. Так, к примеру, диалоги между государством и гражданским обществом дифференцированы на основе прагматических целей, которые двигают в том или типе дискурса различными субъектами и политического процесса и политических коммуникаций в формате диалога.

Диалог (особенно политический диалог в «чистом» виде) может носить кулуарный, то есть непрозрачный и закрытый непубличной (тайный) характер. Интеракции государства и гражданского общества нормативно должны носить открытый, прозрачный или транспарентный характер. Их дискурс должен обладать признаками публичных коммуникаций.

Публичный дискурс государства и гражданского общества, как правило, протекает в формате «лицом к лицу». Или же может быть опосредован масс-медийным форматом диалогической коммуникации. Информация, содержащаяся в таком диалоге, должна быть адресована не только непосредственным участникам, актерам, субъектам или партнерам по диалогу, но и всему обществу (публике) в целом. К примеру, такая коммуникация

нередко осуществляется между президентом и лидерами политических партий. Зачастую такой способ интерактивной коммуникации граждане могут наблюдать на экране телевизоров в режиме онлайн или узнавать о его содержании из информационных сообщений в электронных или печатных средствах массовой информации. Еще один способ осуществления публичного диалога – это общенациональные дискуссии, публичные, в том числе парламентские или предвыборные, дебаты.

Еще один возможный вариант дифференциации диалогических типов – это симметрия или асимметрия коммуникации на основе различия статусов тех или иных субъектов диалога. Например, может быть горизонтальный дискурс между некоммерческими организациями или даже между различными гражданами по социально значимым для гражданского общества проблемам [Зайцев, 2012, с. 135-136]. Или же диалог (с различной степенью напряженности) между политическими партиями, общественные дискуссии, обсуждения и референдумы по наиболее актуальным и злободневным общественно-политическим вопросам. При этом степень вовлеченности в этот дискурсивный процесс акторов со стороны власти, бизнеса или социума может быть различной в зависимости от тематизации вопросов, вынесенных на обсуждение в сферу публичной политики. Учитывая нера-

венство коммуникационного потенциала между государством и институтами гражданского общества в современной России, можно утверждать, что асимметрия диалога между ними в настоящее время носит институциональный характер.

Разработка релевантной типологии публичного диалога, с точки зрения автора исследования, может опереться на теорию аргументации [Зайцев, 2019, с. 52-53, Зайцев, 2016, с. 69-70]. Под аргументировано обоснованным политическим дискурсом Ю. Хабермас подразумевал общественный (публичный) диалог на основе разработанной им этики дискурса [Зайцев, 2012, с. 194-195]. «Аргументация гарантирует, – писал по этому поводу Ю. Хабермас, – что все заинтересованные стороны, свободно и на общих принципах, могут принять участие в коллективном поиске истины, где ничто не принуждает кого-либо, кроме силы лучшего аргумента» [Habermas, 1990, p. 198]. Публичные дискуссии, с точки зрения этики дискурса Ю. Хабермаса, необходимы для того, чтобы «производить верные, убедительные... аргументы» [Хабермас, 2000, с. 137].

Теория дискурса Ю. Хабермаса может быть дополнена типологией диалогических интеракций, разработанная Д. Уолтоном (D. Walton), профессором философии из канадского университета в городе Виннипега. Д. Уолтон утверждает, что в современных условиях «любая аргументация, которую мы пытаемся оценить, должна быть представлена и, соответственно, оценена в контексте диалога, в котором эта аргументация осуществляется» [London, p. 9, Walton, 1992, p. 134-135]. Логическая направленность аргументации, прагматические цели участников коммуникации, специфика риторических приемов – эти критерии были положены Д. Уолтоном в основу разработанной им типологии диалога, которая вполне применима к созданию дифференцированного типологического ряда диалогических интеракций между государством и гражданским обществом, в том числе для организации эффективных коммуникаций с применением политических PR-технологий [Зайцев, 2013а, с. 10-12, Зайцев, 2013б, с. 149-150].

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1979. 424 с.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Москва : Прогресс, 1985. С. 217-237.
3. Джохадзе Д. В. Античный диалог и диалектика // Философия и общество. 2012. № 2 (66). С. 23-45.

4. Зайцев А. В. Гражданский диалог в ЕС и Евразийский интеграционный процесс // *NB: Международные отношения*. 2012. № 1. С. 130-148.
5. Зайцев А. В. Диалогическая модель связей с общественностью: возникновение, состояние, перспективы // *Ars Administrandi. Искусство управления*. 2013а. № 3. С. 5-23.
6. Зайцев А. В. Делиберативная демократия, диалог и их место в констелляции дискурса публичной политики // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 2013б. № 15 (158). С. 147-153.
7. Зайцев А. В. Кластерная дифференциация диалогических интеракций государства и гражданского общества в сфере публичной политики: теория и практика // *Социодинамика*. 2016. № 12. С. 68-75.
8. Зайцев А. В. Типология диалога в контексте философии, логики и теории аргументации Д. Уолтона / А. В. Зайцев, Т. Ю. Рудницкая, В. Н. Тарковский // *Genus Loci : альманах*. 2019. Вып. 2. С. 51-59.
9. Зайцев А. В. Юрген Хабермас и его диалогика: понятие и сущность // *Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова*. 2012. Том 18. № 5. С. 190-196.
10. Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград : Изд-во Волгоградского университета. 2001. 260 с.
11. Колокольцева Т. Н. Современная диалогическая коммуникация и проблемы ее изучения // *Речевое общение: специализированный вестник*. Вып. 8-9. Красноярск. 2006.
12. Кумкин И. А. Публичная сфера как предпосылка формирования гражданского согласия // *Вестник СевГТУ*. 2006. Вып. 78: Философия. С. 159–169.
13. Поцелуев С. П. Диалог и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества. Ростов-на-Дону, 2010. 46 с.
14. Пелипенко А. А. Человек и культура как субъекты диалога // *Диалог культур и цивилизаций*. Вып. 7. 2006. С. 64-81.
15. Родос В. Б. Теория и практика полемики. Томск : Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева, 1989. 55 с.
16. Рузавин Г. И. Логика и аргументация: Учебное пособие для вузов. Москва : Культура и спорт. ЮНИТИ, 1997. 351 с.
17. Скрипник К. Д. Философия. Логика. Диалог. Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. Ун-та, 1996. 146 с.
18. Соловьева А. К. О некоторых общих вопросах теории диалога // *Вопросы языкознания*. 1965. № 6. С. 103-110.
19. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Санкт-Петербург : Наука, 2000. 380 с.
20. Arnett P. Dialogue as an «Enlarged Communicative Mentality»: Review, Assessment, and Ongoing Difference // *AQ QUARTERLY REVIEW OF COMMUNICATION RESEARCH*. 2008. Vol. 27. № 3.
21. Bohm D. On Dialogue. In L. Nichol (Ed.). London and New York : Routledge, 1996.
22. Habermas J. *Moral Consciousness and Communicative Action*. Cambridge, Mass. 1990. 228 p.

23. Isaacs W. Dialogue and the art of thinking together. New York : Random House, 1999. 428 p.
24. Isaacs W. The Process and Potential of Dialogue in Social Change // Educational Technology. Vol. 36. № 1. 1996. P. 20-30.
25. Lane A. Is Dialogue the Key to Pandora's Box? // Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, Sheraton New York, New York City, NY, 2005.
26. London S. Thinking Together: The Power of Deliberative Dialogue. Режим доступа: <http://www.scottlondon.com/reports/dialogue.html>. (Дата обращения: 30.11.2019).
27. Walton D. Commitment in Dialogue / D. Walton, E. Krabbe. Albany: State University of New York Press. 1995. 235 p.
28. Walton D. Types of Dialogue, Dialectical Shifts and Fallacies / D. Walton // Argumentation Illuminated. F. H. van Eemeren et al. (eds.). Amsterdam. SICSAT. 1992. P. 133-147.
29. Tannen D. The Argument Culture: Moving from Debate to Dialogue. USA, 1998. 348 p.
30. Yankelovich D. The magic of dialogue: Transforming conflict into cooperation. 1999. New York : Simon and Schuster. 240 p.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorchestva. Moskva : Iskusstvo, 1979. 424 s.
2. Grajs G. P. Logika i rechevoe obshhenie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XVI. Moskva : Progress, 1985. S. 217-237.
3. Dzhohadze D. V. Antichnyj dialog i dialektika // Filosofija i obshhestvo. 2012. № 2 (66). S. 23-45.
4. Zajcev A. V. Grazhdanskiy dialog v ES i Evrazijskiy integracionnyj process // NB: Mezhdunarodnye otnoshenija. 2012. № 1. S. 130-148.
5. Zajcev A. V. Dialogicheskaja model' svjazej s obshhestvennost'ju: vznikovenie, sostojanie, perspektivy // Ars Administrandi. Iskusstvo upravlenija. 2013. № 3. S. 5-23.
6. Zajcev A. V. Deliberativnaja demokratija, dialog i ih mesto v konstellacii diskursa publichnoj politiki // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 15 (158). S. 147-153.
7. Zajcev A. V. Klasternaja differenciacija dialogicheskikh interakcij gosudarstva i grazhdanskogo obshhestva v sfere publichnoj politiki: teorija i praktika // Socio-dinamika. 2016. № 12. S. 68-75.
8. Zajcev A. V. Tipologija dialoga v kontekste filosofii, logiki i teorii argumentacii D. Uoltona / A. V. Zajcev, T. Ju. Rudnickaja, V. N. Tarkovskij // Genus Loci : al'manah. 2019. Vyp. 2. S. 51-59.
9. Zajcev A. V. Jurgen Habermas i ego dialogika: ponjatje i sushhnost' // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova. 2012. Tom 18. № 5. S. 190-196.
10. Kolokol'ceva T. N. Specificheskie kommunikativnye edinicy dialogicheskoy rechi. Volgograd : Izd-vo Volgogradskogo universiteta. 2001. 260 s.

11. Kolokol'ceva T. N. Sovremennaja dialogicheskaja kommunikacija i problemy ee izuchenija // Rechevoe obshhenie: specializirovannyj vestnik. Vyp. 8-9. Krasnojarsk. 2006.
12. Kumkin I. A. Publichnaja sfera kak predposylka formirovanija grazhdanskogo soglasija // Vestnik SevGTU. 2006. Vyp. 78: Filosofija. S. 159-169.
13. Poceluev S. P. Dialog i paradiolog kak formy diskursivnogo vzaimodejstvija v politicheskoj praktike kommunikativnogo obshhestva. Rostov-na-Donu, 2010. 46 s.
14. Pelipenko A. A. Chelovek i kul'tura kak sub#ekty dialoga // Dialog kul'tur i civilizacij. Vyp. 7. 2006. S. 64-81.
15. Rodos V. B. Teorija i praktika polemiki. Tomsk : Tomskij gosudarstvennyj universitet im. V. V. Kujbysheva, 1989. 55 s.
16. Ruzavin G. I. Logika i argumentacija: Uchebnoe posobie dlja vuzov. Moskva : Kul'tura i sport. JuNITI, 1997. 351 s.
17. Skripnik K. D. Filosofija. Logika. Dialog. Rostov-na-Donu : Izd-vo Rost. Unta, 1996. 146 s.
18. Solov'eva A. K. O nekotoryh obshnih voprosah teorii dialoga // Voprosy jazykoznanija. 1965. № 6. S. 103-110.
19. Habermas Ju. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie. Sankt-Peberburg : Nauka, 2000. 380 s.
20. Arnett R. Dialogue as an «Enlarged Communicative Mentality»: Review, Assessment, and Ongoing Difference // AQ QUARTERLY REVIEW OF COMMUNICATION RESEARCH. 2008. Vol. 27. № 3.
21. Bohm D. On Dialogue. In L. Nichol (Ed.). London and New York : Routledge, 1996.
22. Habermas J. Moral Consciousness and Communicative Action. Cambridge, Mass. 1990. 228 r.
23. Isaacs W. Dialogue and the art of thinking together. New York : Random House, 1999. 428 p.
24. Isaacs W. The Process and Potential of Dialogue in Social Change // Educational Technology. Vol. 36. № 1. 1996. P. 20-30.
25. Lane A. Is Dialogue the Key to Pandora's Box? // Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, Sheraton New York, New York City, NY, 2005.
26. London S. Thinking Together: The Power of Deliberative Dialogue. Rezhim dostupa: <http://www.scottlondon.com/reports/dialogue.html>. (Data obrashhenija: 30.11.2019).
27. Walton D. Commitment in Dialogue / D. Walton, E.tKrabbe. Albany: State University of New York Press. 1995. 235 r.
28. Walton D. Types of Dialogue, Dialectical Shifts and Fallacies / D. Walton // Argumentation Illuminated. F. H. van Eemeren wt al. (eds.). Amsterdam. SICSAT. 1992. R. 133-147.
29. Tannen D. The Argument Culture: Moving from Debate to Dialogue. USA, 1998. 348 r.
30. Yankelovich D. The magic of dialogue: Transforming conflict into cooperation. 1999. New York : Simon and Schuster. 240 r.

УДК 316

<https://orcid.org/0000-0003-1165-1768>

О. А. Воронкова

Сетевая интериоризация – становление новой мотивационной матрицы социально-политического участия

Для цитирования: Воронкова О. А. Сетевая интериоризация – становление новой мотивационной матрицы социально-политического участия // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 17–28. DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-17-28

В статье рассматриваются процессы изменения общественного сознания и поведения под влиянием сетевой интериоризации, то есть проникновения новых электронно-коммуникативных технологий во все сферы жизни. Рассматриваются вопросы и проблемы становления дискурсивных механизмов социализации, формирования новых импульсов социального и политического участия. Подчеркивается, что в условиях сетевой интериоризации активно размываются границы между «политическим» и «социальным», «политическое» становится «социополитическим», создается новое сообщество социально-политических акторов, стремящихся участвовать в формировании и исполнении политических решений. Сетевая интериоризация является новым форматом социализации личности, так как активно мыслящие члены общества становятся наблюдателями за всеми социально-политическими действиями власти, имея возможность публично в сети высказывать свое мнение. В новых сетевых условиях происходит качественное изменение общественного сознания. Особое внимание уделяется перспективам изменения социально-политических отношений, усилению роли общественного мнения в принятии политических решений.

Ключевые слова: сетевая интериоризация, социализация, самокоммуникация, публичная сфера, дискурсивная культура.

О. А. Voronkova

Network interiorization – the emergence of a new motivational matrix of social and political participation

The article examines the processes of changing public consciousness and behavior under the influence of network interiorization, i.e. the penetration of new electronic and communicative technologies in all spheres of life. The issues and problems of establishing discursive mechanisms of socialization, formation of new impulses of social and political participation are considered. It is emphasized that in the conditions of network interiorization, the boundaries between "political" and "social" are actively blurred, "political" becomes "sociopolitical", and a new community of socio-political actors is created who seek to participate in the formation and execution of political decisions. Network interiorization is a new format of socialization of the individual, as

---

© Воронкова О. А., 2020

actively thinking members of society become observers of all socio-political actions of the government, having the opportunity to publicly express their opinions on the network. In the new network environment, there is a qualitative change in public consciousness. Particular attention is paid to the prospects of changing social and political relations, strengthening the role of public opinion in political decision-making.

Keywords: network interiorization, socialization, self-communication, public sphere, discursive culture.

По убеждению классиков концепции «электронно-сетевой коммуникации» (М. Маклюэн, М. Кастельс) новые цифровые технологии многократно ускоряют процессы эволюционных изменений в массовом сознании. В результате взаимодействия технологических и социальных факторов, возникает новое, существенно отличающееся от прежнего качество социальной жизни. Пытаясь разобраться с тем, как это качество возникает, М. Маклюэн предлагает «теорию расширения человека». Центральная идея М. Маклюэна состоит в том, что изобретение любой новой коммуникационной технологии меняет человеческое восприятие мира и возвышает сознание на новую ступень развития. Так, изобретение в свое время «фонетического алфавита с его абстрагированием значения от звука и переводом звука в визуальный код» переместило человека из «магического мира звука» в «нейтральный визуальный мир». Человек, до этого воспринимавший мир на слух и находившийся во власти фантазийно-магических представлений, трансформировался в «человека письменного», и это предоставило

ему возможность свободно и непосредственно выражать свои чувства и мысли, «быть в высшей степени экстравертированным», раскованным [Маклюэн, 2004, с. 26-33].

Фонетический алфавит стал, по мнению Маклюэна, средством создания «цивилизованного человека» и «общества обособленных друг от друга индивидов, равных перед письменным правовым кодексом» [Маклюэн, 2007, с. 95]. По мере того как технологические расширения человеческих возможностей восприятия охватывают социальные сообщества, меняются способы взаимодействия во всех сферах жизни – совершаются основательные социально-культурные изменения. В современную эпоху электронных сетей, центральная нервная система человека, как сама по себе «электрическая сеть, координирующая работу всевозможных средств, которыми пользуются наши органы чувств», технологически расширяется вовне, «вовлекая индивидуума в жизнь всего человечества», «вживляя в нас весь человеческий род», в результате чего «мы вынуждены глубоко участвовать в последствиях каждого своего действия» [Маклюэн, 2007, с. 5].

М. Кастельс, продолжая мысль Маклюэна, вводит «гипотезу синергии». Принципиально новый тип коммуникации ведет к эволюционным изменениям нейронных сетей мозга – «возникает эффект синергии между технологическим изобретением и социальной эволюцией» [Кастельс, 2017, с. 16]. Процесс «синхронной активизации нейронов» в различных узлах нервной системы формирует под влиянием внешних импульсов сложные образы окружающей реальности, которые остаются в «банке памяти» мозга. В процессе жизни эти образы постоянно сопоставляются с внутренними изменениями организма и с изменениями в окружающей среде. Мышление в процессе создания внутренних сетей соотношения «объединяет паттерны сознания с паттернами сенсорного восприятия, возникающими при контактах с материей, энергией и деятельностью, представляя собой весь наш опыт – прошлый, настоящий и будущий» [Кастельс, 2017, с. 192].

Сознание, – утверждает Кастельс, – это материальный процесс, в ходе которого происходит постоянная интеграция увеличивающегося числа ментальных образов. Усиление интеграционной мощи мыслительных процессов увеличивает возможности разума для решения возникающих проблем. Эта возрастающая способность к рекомбинации мыслительных образов расширяет творческие возмож-

ности. Но творящее сознание нуждается в организующем этот сложный процесс принципе. На высокой стадии развития сознание трансформируется в самосознание – способность управления собственными мыслительными процессами. Поскольку именно через коммуникацию человеческое сознание взаимодействует с окружающей средой, новый ее способ должен играть ведущую роль в переформировании человеческого сознания. М. Маклюэн, в рамках своей терминологии, утверждает, что «расширение тела в новые социальные технологии и изобретения» устанавливает «новое равновесие между всеми чувствами и способностями», ведущее к «новому мировоззрению», то есть к новым установкам и предпочтениям в самых разных сферах [Маклюэн, 2007, с. 64]. Вместе с сетевой интериоризацией – проникновением во все сферы жизни новой технологии – происходит перестройка всех форм восприятия.

Социальные сети в цифровом пространстве «связывают сознания и их коммуникативную среду», что «равносильно переоснащению нашего разума» [Кастельс, 2017, с. 477]. Центрированные самосознания не только интериоризируют (вбирают в себя, усваивают) новые условия коммуникации, но и сами интериоризируются (всасываются, поглощаются) сетью. Любое мнение, высказанное в сетевой дискуссии, начинает жить собственной жизнью – его понимание, интер-

претация (включая и искаженные трактовки), ответ на него и прочие реакции, даже невысказанные сразу, но проработанные мозгом – становятся, в той или иной мере, импульсами для расширения и углубления общего ментального процесса. Обмен мнениями поставляет материал для генерации новых значений, новых смыслов, которые начинают «работать» на «переснащение» коллективного разума и, впоследствии, мотивов коллективного действия. Расширение и совершенствование коммуникационных технологий открывает возможности для социальных перемен. Однако какими будут эти перемены – вопрос открытый. Маклюэн ставит его так: «не может ли нынешний перевод всей нашей жизни в духовную форму информации превратить весь земной шар и весь род человеческий в единое сознание?» [Маклюэн, 2004, с. 73].

Кастельс уверен, что «каждая новая коммуникационная технология – от печатного станка до интернета – работает на ослабление авторитета власти, устанавливая связи, разрушающие барьеры индивидуального опыта, открывая дорогу альтернативным проектам организации социума» – эта мысль наиболее отчетливо описывает прогрессивную тенденцию изменения социально-политических отношений [Кастельс, 2017, с. 11].

Процесс социально-политической интериоризации в сетевых условиях приобретает ка-

чество гибкости и пластичности, позволяющее менять свой вектор в зависимости от изменений, постоянно происходящих в сетевой среде. Неограниченные возможности поиска любой информации и перекрестно-сетевой процесс обмена, с одной стороны, рушит традиционные опоры «единомыслия» и «единодействия», а с другой, повышает энтропию информативного пространства. Развитие качеств неопределенности и непредсказуемости вызывает вопрос: каким образом многомерная коммуникативная сетевая система способна поддерживать свою целостность.

Социальная коммуникативная сеть обнаруживает высокую степень адаптации к изменяющимся условиям. Сетевое общество построено по принципу «сети сетей». Это означает, что любой индивидуальный интерес не имеет шансов на реализацию и развитие без сетевых связей и включенности в смысловые потоки. Сетевые связи преобладают над индивидуальными интересами, а смысловые кластеры – над физическими сообществами. Формируясь из смысловых узлов, задаваемых активными участниками информационного обмена (актерами), соединяющихся между собой передаточными цепочками посредством действия агентов-распространителей и комментаторов, коммуникативная сеть создает свои внутренние правила взаимодействия и свою дискурсивную культуру.

Образующаяся визуально-лингвистическая структура, фиксирующая на какое-то время смысловые кластеры, становится посреднической сферой между индивидуальной нейросетью и сетью социальных взаимодействий. Таким образом, она способствует формированию особых коммуникативных социальных институтов. И. Михайлов, развивая идею Л. Витгенштейна, рассматривает сетевой язык «как когнитивную надстройку над социальной сетью». Языковые выражения становятся «двунаправленным интерфейсом», осуществляющим доступ индивидуальной нейросети к значимым функциям сетей социального взаимодействия и, наоборот, доступ социальных институтов к социально важным когнитивным элементам нейросети мозга. Коммуникативная практика формирует в индивидуальном сознании особые символические метки, которые связывают язык с когнитивными кодами, управляющими социальными взаимодействиями [Михайлов, 2015]. Развитие коммуникативных социальных институтов (значимо отличающихся от политически детерминируемых) содержит в себе громадный потенциал осуществления «логики медиации» [Ахиезер, 1995]. Эта логика предполагает выход на качественно новый виток социального и политического развития – эволюционный, на котором создаются новые дискурсивные пласты культуры, новый уровень развития личности,

отношений общества и личности, качественно новые социально-политические отношения. Эта логика ведет к развитию *медиативных практик* как интегративных механизмов самоорганизации и устойчивого развития социальной системы.

Реконструкция публичной сферы в сетевых условиях

Сетевая интериоризация, то есть глубокое погружение в дискурсивную среду, приводит к реконструкции базовых опор личностного сознания через выработку путей ориентации в многовекторном информационном пространстве. Процесс сетевой интериоризации вырабатывает особый механизм формирования способов восприятия многомерной действительности. В результате образуются уже не те традиционные устойчивые социальные структуры психики и рационально-инструментальные алгоритмы, которые человек в процессе жизни «прикладывает» к любым событиям и явлениям, не замечая их изменения, а гибкие, эластичные, способные быстро перестраиваться конструкты мышления.

В сетевой электронной среде окончательно размывается граница между индивидуальным и публичным, что принципиально реконструирует публичную сферу. Электронные сети по новому формируют публичное пространство, втягивая в сферу общения любого члена общества, даже того, кто никогда

прежде не интересовался вопросами, выходящими за рамки частной жизни. Сетевая интериоризация вынуждает пассивного реципиента информации включать скрытые, вытесненные в подсознание в идеологически заданных условиях интеллектуально-рефлексивные механизмы. Важнейшим явлением качественной трансформации публичной сферы стал, по определению Кастельса, переход от массовой коммуникации, управляемой властным центром, к социальной самокоммуникации, понимаемой «как процесс интерактивной коммуникации, потенциально доступной для массовой аудитории,... в рамках которой производство сообщений осуществляется пользователем самостоятельно,... а восприятие и реструктурирование контента, полученного из электронных коммуникационных сетей, – произвольное» [Кастельс, 2017, с. 9].

Возникновение явления массовой самокоммуникации стало значимым следствием технологической децентрализации медиа-сетей. Глобальные телекоммуникационные компании, создав мобильные платформы коммуникации – горизонтальные сети, способствовали образованию «гибридной коммуникационной системы», в которой конкурентным образом схлестнулись вектора влияния центра политической власти с подконтрольными ему традиционными СМИ, крепнущей власти специалистов-модераторов интернета, использу-

ющих гибкие цифровые технологии, и борющейся «за умы» власти социальных центров критического мышления. Сетевая публичная сфера приобретает качественно новые характеристики, становясь центром социально-политической жизни. На этом этапе развития общество перестает быть объектом – целевой аудиторией распространения информации для власти и пассивным легитиматором властно-субъектных решений. Оно активно включается в процесс принятия решений в своих интересах и само становится ключевым коллективным субъектом политических изменений, создавая очаги «контрвласти» через перепрограммирование всего коммуникативного пространства. Социокультурное самопроизводство массмедиа окончательно подрывает доминирующую медиапрактику. Институт единовластия, «оставшись без объекта, теряет смысл» [Мартьянов, 2015, с. 45].

Таким образом, теряет смысл отделение «политического» в «особую» «автономную» сферу человеческой деятельности, несводимую к другим сферам» [Сморгунов, 2014, с. 11], и, соответственно, претерпевает очередную трансформацию само привычное понятие «политического». Границы между «политическим» и «социальным» энергично размываются, «политическое» становится все более проницаемым для общественного влияния. «Политическое» становится «социополитическим». Политические «си-

стемы» и «структуры», строящиеся на жестких правилах допуска и функционирования, трансформируются в социально-политические сети, образующиеся на основе свободного взаимодействия всех заинтересованных акторов, стремящихся участвовать в формировании политических решений и их выполнении [Сморгунов, 2014, с. 26].

Сетевая интериоризация как новый формат социализации

Вовлекаясь в систему «самокоммуникации» через возобновленную на новом электронно-технологическом уровне потребность в умении пользоваться печатным словом – «письменный» индивид начинает организовывать свое ментально-когнитивное пространство совершенно иначе, нежели он делал это как пассивный реципиент информации. В электронно-сетевых условиях индивид начинает смотреть на себя и окружающий мир взглядом, преломленным через призму комментариев и интерпретаций. Но это уже не просто командно-ролевые механизмы социализации [Mead, 1948], где индивид усваивал готовые модели поведения в обществе, а включение в символическое пространство избранных им самим поведенческих стратегий. В отличие от монологической системы социализации, когда личность на ранних стадиях развития является объектом внедрения диспозиций мышления и поведения, задаваемых идеологически, то есть

статичной мировоззренческой матрицей, процесс сетевой интериоризации имеет принципиально иной характер. Он предполагает, напротив, разрушение монологичности информационного влияния и объектности личностной позиции в коммуникативном пространстве. Становясь центром фокуса разнонаправленных векторов информационных потоков, формирующаяся личность вынуждена быстро выстраивать внутреннюю структуру реагирования – восприятия значимого и отсеивания незначимого контента и мысленного формирования ответов на встречающиеся мнения и оценки.

Таким образом, объектный статус формирующейся личности довольно быстро трансформируется в субъектный. Необходимость произведения выбора запускает мыслительную деятельность не просто в формате усвоения информации, но в динамично-процессуальном наращивании многомерной, голографически образной коммуникативной компетентности и развитии критического мышления. Усвоение унаследованных из культурной традиции внешних императивов происходит одновременно с их многократно ускоренным осмыслением и преломлением через аккумуляцию собственного опыта. Концептуальное разделение процесса социализации на первичную и вторичную стадии [Berger, Luckmann, 1973] теряет свое бытийное основание, так как обе стадии сливаются в од-

ну в условиях технологического «сжатия» временного измерения жизни. В образовательном процессе стремительно меняются цели и ориентиры. Накопление знания происходит уже не через заучивание «правильных» ответов на «поставленные» вопросы, а через поиск ответов на возникающие у самой личности вопросы, через быстрое расширение кругозора и выработку практик участия в информационных обменах и дискуссиях. Процесс «самокоммуникации», объективно ослабляет острую социальную необходимость в специалистах-экспертах той или иной области знания и способствует развитию потенциала для каждого индивида стать «самому-себе» экспертом. Процесс сетевой интериоризации чреват, с одной стороны, инвертизацией индивидуальности, то есть развитием качества субъектности и самодостаточности, но с другой, развитием подсознательной зависимости от выбранной смыслообразующей среды.

В дальнейшем мыслительная работа происходит в русле осознанного или неосознанного подчинения выбранной смысловой и лингво-символической структуре с последствиями все более активного втягивания, вовлечения в логику саморазвития этой структуры. Однако в условиях постоянно расширяющегося цифрового коммуникативного пространства процесс социализации приобретает «сетевое» качество гибкости, которое препят-

ствует формированию жесткого каркаса для любой социальной или политической позиции, и цементирования «единого мировоззрения». В технологически переоснащенной коммуникативной среде социальное взросление личности происходит гораздо раньше, чем в традиционных условиях. Важным становится овладение навыками ориентации в дискурсивной ситуации – различение качества информации, способность отличия истины от лжи, распознавание попыток манипулятивного воздействия; причем чем более технологически изощренными становятся эти попытки, тем большей скорости реагирования и гибкости ментального распознавания требуется от личности. Таким образом, опасения, что глобальная информационная паутина будет способствовать унификации массового сознания представляются несостоятельными. Создание универсальных технологических кодов информационного обмена объективно способствуют не унификации способов мышления, а выработке механизмов согласования совершенно различных точек зрения, нахождению точек их соприкосновения и достижения оптимальных моделей социального согласия.

В киберпространстве активно мыслящие члены общества становятся публичными гражданскими наблюдателями за любыми социальными и политическими действиями. Среди массы разношерстных мнений, эмоциональных реак-

ций и интерпретаций, генерирующих новые мнения и реакции, выделяются кластеры доминирующих на данный момент интересов и ценностей, задающих социальный тон и определяющих вектора реструктуризации социальных отношений. Задокументированные с помощью видеосъемки событие, мнения, суждения, ответы и реакции, высказываемые в сети, образуют смысловые узлы, ядром которых становится ключевой критический посыл всему обществу, формирующий ячейку мотивационной матрицы участия в социально-политической жизни.

Общественное сознание как «эффект сетевых взаимодействий» – проблемы и перспективы

Общественное сознание в новых сетевых условиях качественно меняет свою структуру, заряжаясь энергией социального, культурного и политического преобразования, выходящую за пределы дискурсного поля в пространство социального действия. В условиях активного развития дискурсивных процессов существенно изменяются традиционные отношения власти и общества. Общественный резонанс по любому значимому событию социальной и политической жизни вынуждает политические и управленческие элиты менять привычные стратегии и методы реагирования. Получившие широкий резонанс события «протестного лета» 2019 года определили новый этап в раз-

витии социально-политических отношений. Противоречивость реакций власти на общественную активность – от вынужденных отступлений до применения неадекватно жестких силовых мер подавления – свидетельствуют о серьезном потрясении всей системы политических и управленческих установок. И хотя политическая турбулентность на данном этапе дает немало шансов на выработку в ближайшем будущем работающих механизмов социального примирения, она знаменует начало развития нового тренда социально-политического взаимодействия, в котором общественное мнение будет играть все более заметную роль.

Тем не менее сам факт вовлеченности в сетевой дискурс не меняет автоматически ключевые опоры традиционной матрицы массового сознания. Включение в дискурсивный процесс на начальных стадиях активизирует поверхностные слои сознания и побуждает к вербальной экстернизации, то есть выплеску в коммуникативное пространство, уже готовых, сформированных ментальных позиций и установок. И держатели твердых позиций вполне способны оказывать упорное и мощное сопротивление любым новым идеям и смыслам.

Индивидуальный мозг, как известно, всегда склоняется к поддержке привычных смыслов, сформированных на самых ранних стадиях развития. Такая работа мозга,

диктуемая необходимостью упорядочения окружающего пространства и рутинизации каждодневного процесса жизни, обеспечивается силой сложившихся в раннем опыте ассоциативных связей, делающих возможным базовую ориентацию и деятельность. Сталкиваясь с провокационным материалом, способным внести сомнение в «картину мира», любой индивид первоначально инерционно склоняется на рельсы уже сложившихся интерпретационных «фреймов» до тех пор, пока информация о какой-то происходящей реальности не оказывается сокрушительной для прежней позиции. Сама по себе информация, любого свойства, в современном многоголосом и изменчивом медиа-пространстве не способна оказывать решающего воздействия на защищенное устойчивыми «фреймами» сознание пользователя. Она требует убедительного фактического подкрепления. Но даже фактор очевидности не всегда способен «сбить» заложенный интерпретационный алгоритм. Пока информация о тех или иных действиях кардинально, на субстанциальном уровне, не противоречит прочно закрепленной в когнитивном коде установке, интерпретация даже сомнительных с определенной точки зрения действия подчиняется оправдательным формулам, типа: «поднимаются налоги, зато вкладываются деньги в безопасность», «применяется сила и жестокость, зато обеспечивается

порядок». И лишь когда производятся действия, угрожающие разрушению базовых принципов культурной матрицы, в массовом сознании происходит сбой интерпретационной логики. Акт повышения пенсионного возраста в 2018 г. стал значимым маркером, разрушившим стержневой тезис «заботы власти о народе», на котором строилась вся коренная общинная матрица мировоззрения большинства россиян. Слом основного стержня повлек за собой серьезный крен всей вертикальной идеологической конструкции, скрупулезно восстанавливаемой с 2000-х гг. Сменился интерпретационный вектор – все те же действия, которым прежде находилось оправдание, теперь интерпретируются зеркально-противоположным образом. Повышение налогов, снижение реальных доходов населения трактуется как уже ничем не оправданное изъятие денег у населения: «помогают кому угодно, только не собственному народу», «повышают зарплату только себе, а народ нищает» и пр. При накоплении объема сомнений и достижения пороговой точки эмоционально-ментального раздражения алгоритм выбора информации кардинально меняется – выбор производится в пользу любой информации, подтверждающей и укрепляющей сомнения.

Однако изменение интерпретационного вектора далеко не идентично процессу поиска новых значений и смыслов. Крепость ассоци-

ативных узлов заставляет массовое сознание искать способы погашения раздражающих стимулов и решения проблем в глубинных слоях структуры мозга. «Картина мира» требует самовоспроизводства – восстановления нарушенной раздражителями целостности. Выпавшие из матрицы элементы заменяются внешне подобными, и образовавшиеся пустоты заполняются «старым» материалом, пусть уже когда-то использованным, но доказавшим свою пригодность и прочность. Неслучайно в моменты социального кризиса, который неизбежно наступает при накапливающимся несоответствию управленческих методов изменяющейся практике, массовое сознание обращается к временам общего успеха, удач, побед, примерам былого героизма. Компенсаторные механизмы сознания облегчают стрессовые состояния текущих неудач, иллюзорно освобождают от необходимости справляться с проблемами, вытесняют на какое-то время потребность в напряжении усилий для разработки новых путей решения возникающих вопросов.

Весь процесс социальной интерпретации и конструкции реальности проходит диалектический круг возврата на прежние позиции, с тем чтобы достичь осознания необходимости их отрицания, как отживших свой век, и тогда только, на уровне новых поколений, заряженных энтузиазмом и молодой энергией, обратиться к поиску но-

вых смыслов. Импульсы к их поиску возникают у наиболее пытливых и активных представителей новых поколений, у которых процесс интериоризации социальных и политических смыслов происходит уже в других условиях, у которых «картина мира» еще не зацементирована, а наоборот, открыта для всех витающих в дискурсном поле идей. Именно в молодежной среде, проходящей ускоренный курс социализации и политизации благодаря цифровым технологическим возможностям, создаются условия благоприятствования поиску и поддержке новых смыслов.

Тем не менее, сегодня, несмотря на заметное, отмечаемое многими исследователями, начало процесса эмансипации общественного сознания, широкие слои населения, прошедшие социализацию в вертикально-иерархический советский период, далеко не сразу обнаруживают готовность к осознанной коммуникации по поводу собственных интересов и ценностей. Эволюция системы ценностей пока привела к выделению из массы групп гражданских активистов, осознанно декларирующих различные социальные и политические предпочтения, но пока не привела к созданию механизмов достижения договоренностей – коммуникативного баланса в условиях усиливающегося разнообразия мнений. И это является основной задачей социально-политического развития России на ближайшую перспективу.

Библиографический список

1. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. А. Юдина. Киев : Ника-Центр, 2004. 432 с.
2. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. Москва : Гиперборей ; Кучково поле, 2007. 464 с.
3. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; пер. с англ. предисловие к изд. 2013 г. А. А. Архиповой ; под науч. ред. А. И. Черных. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.
4. Михайлов И. Ф. К гиперсетевой теории сознания // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 87-98.
5. Ахиезер А. С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. No 1. С. 3-57.
6. Мартъянов Д. С. От сетевой идентичности к политике идентичности в сети интернет: смена парадигмы? // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 1. С. 44-52.
7. Сморгун Л. В. Политические сети. Теория и методы анализа / Л. В. Сморгун, А. С. Шерстобитов. Москва : Аспект Пресс, 2014. 320 с.
8. Mead G. Mind, Self and Society. Univ. Of Chicago Press, Chicago & London. 1948. 401 p.
9. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. Penguin Books. 1973. 256 p.

Bibliograficheski spisek

1. Makl'ujen M. Galaktika Gutenberga: Sotvorenije cheloveka pechatnoj kul'tury / per. s angl. A. Judina. Kiev : Nika-Centr, 2004. 432 s.
2. Makl'ujen M. Ponimanie Media: vneshnie rasshirenija cheloveka / per. s angl. V. G. Nikolaeva. Moskva : Giperboreja; Kuchkovo pole, 2007. 464 s.
3. Kastel's M. Vlast' kommunikacii: ucheb. posobie / per. s angl. N. M. Tylevich ; per. s angl. predislovie k izd. 2013 g. A. A. Arhipovoj ; pod nauch. red. A. I. Chernyh. Moskva : Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2017. 591 s.
4. Mihajlov I. F. K gipersetevoj teorii soznanija // Voprosy filosofii. 2015. № 11. S. 87-98.
5. Ahiezer A. S. Rossija: nekotorye problemy sociokul'turnoj dinamiki // Mir Rossii. 1995. No 1. S. 3-57.
6. Mart'janov D. S. Ot setevoj identichnosti k politike identichnosti v seti internet: smena paradigmy? // Vestnik SPbGU. Ser. 6. 2015. Vyp. 1. S. 44-52.
7. Smorgunov L. V. Politicheskie seti. Teorija i metody analiza / L. V. Smorgunov, A. S. Sherstobitov. Moskva : Aspekt Press, 2014. 320 s.
8. Mead G. Mind, Self and Society. Univ. Of Chicago Press, Chicago & London. 1948. 401 p.
9. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. Penguin Books. 1973. 256 p.

Е. А. Страдина

УДК 32

<https://orcid.org/0000-0001-9907-9748>

«Хромающие решения» российской политики

Для цитирования: Страдина Е. А. «Хромающие решения» российской политики // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 29–35.
DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-29-35

Статья посвящена проблеме исполнения принимаемых решений в современной российской политике. Автор опирается на концепцию «хромающих решений» отечественного философа А. И. Ахиезера, который рассматривает её как устоявшийся режим политического процесса, ограничивающего достижение динамичного государственного развития. Главным субъектом политического решения определена власть политической элиты, выявляются условия его результативности и основные требования к нему: соблюдение последовательности в содержании и реализации всех политических решений сверху до низу.

Глубоко анализируются свойства «хромающих» политических решений: опора на установки «сверху» без учета территориальных особенностей, чрезмерное упрощение исполнения («латание дыр»), дезорганизация исполнения разными организационными структурами, – все это ведет к непоследовательному дезинтеграционному реформированию разных областей жизни общества.

В статье приводятся убедительные примеры невыполнения конкретных политических решений последних лет в силу отсутствия необходимой последовательности, что, по мнению автора, служит фактором снижения эффективности государственного управления.

Ключевые слова: концепция «хромающих решений», государственное управление, непоследовательность реализации решений, современная российская политика.

Е. А. Stradina

"Limping decisions" of russian politics

The article is devoted to the problem of execution of decisions in modern russian politics. The author relies on the concept of "limping solutions" by the russian philosopher A. I. Akhiezer, who considers it as an established mode of political process that restricts the achievement of dynamic state development. The main subject of a political decision is the power of the political elite, the conditions for its effectiveness and the main requirements for it are identified: consistency in the content and implementation of all political decisions from top to bottom.

The author deeply analyzes the properties of "limping" political decisions: reliance on "top – down" settings without taking into account territorial features, excessive simplification of execution ("patching holes"), disorganization of execution by different

organizational structures-all this leads to inconsistent disintegrative reform of various areas of society.

The article provides convincing examples of failure to implement specific political decisions of recent years due to the lack of necessary consistency, which, in the author's opinion, is a factor in reducing the effectiveness of public administration.

Keywords: the concept of "limping decisions", public administration, inconsistency in the implementation of decisions, modern russian politics.

Современная российская политика приняла характер перманентного реформирования, одной из причин которого является непоследовательность принимаемых политических решений [Макаренко, 2010]. Актуальность этой проблемы все больше возрастает, поскольку подобный подход вне зависимости от того, осуществляется ли он интуитивно или осознанно, крайне негативно сказывается на всех областях жизни российского общества. Одни политические решения принимаются, другие их отменяют или ограничивают возможность реализации, третьи так и остаются нереализованными, поскольку не прорабатывается механизм их реализации.

Следует отметить, что такая ситуация не является для нашего государства каким-то открытием. На различных исторических этапах начинавшаяся было политическая модернизация (а вместе с ней и экономическая, и социальная и т. д.) оказывалась незавершенной, слабоэффективной именно в силу непоследовательности действий российской политической элиты [Прядкина, 2017]. Одним из объяснений подобной нелогичности стала предложенная отечественным философом А. С. Ахиезером концепция «хромающих ре-

шений» как режима политического процесса, ограничивающего достижение желаемых уровней государственного развития [Ахиезер, 1997].

Политическими называют решения, которые принимаются в коллективной форме (представительными и исполнительными органами государственной власти) содержат в себе определение политической повестки, переложение в цели и задачи политических действий, выбор программы их практической реализации [Бубнов, 2019; Лутфуллин, 2014; Сычугова, 2017]. Несмотря на то, что политическое решение является разновидностью управленческого решения, оно обладает одним исключительным свойством: центральным его субъектом является власть политической элиты, полномочия которой позволяют ей определять действия не просто отдельной группы лиц, но и всего общества [Коряковцева, 2019]. Таким образом, политическое управленческое решение следует рассматривать в качестве средства властеосуществления. Непосредственным выражением этого становятся законы и содержащие механизм их реализации подзаконные акты, обязательные к исполнению. Принципиальным ка-

чеством политического решения должно являться его принятие как результата осознанного выбора, делаемого между рядом альтернативных векторов развития и действий, выбора наилучшего способа с учетом ограниченных ресурсов.

Результативность политического решения достигается при двух условиях: оно принято должным образом и, что крайне важно, – исполнено. Само по себе такое решение не является самоцелью, по сути, оно всего лишь начальная, отправная точка для своей дальнейшей реализации. В российской политической практике сложилась прямо противоположная ситуация. Сама по себе эффективность политического управления рассматривается через достижение принятия политического решения без достаточного прогнозирования и проработки его исполнимости. Кроме того, каждое политическое решение влечет за собой последующую цепь политико-управленческих решений как законодательного, так и подзаконного характера. Основное требование заключается в необходимости соблюдения последовательности в их содержании и реализации, чтобы поставленная цель политического развития была в итоге достижима. Например, решения Правительства Российской Федерации по патриотическому воспитанию и формированию гражданской ответственности подрастающего поколения практически не находят отражения и не конкретизируются в документах государ-

ственной молодежной политики [Коряковцева, Бугайчук, 2018].

Российская политика, трактуемая через призму концепции «хромающих» политических решений, объясняет достижимость заявляемых целей именно в силу отсутствия необходимой последовательности в их содержании и реализации.

Изначальная сущность «хромающего» политического решения состоит в том, что принимаемое решение влечет за собой цепь следующих решений, которые не развивают его, а, наоборот, частично или полностью отменяют, тем самым нарушая его исполнимость. В подобного рода цепной реакции решения либо сами себя отменяют, либо принимаются запреты на их реализацию, либо допускается разрешение того, что сначала было запрещено, то есть появляются множественные оговорки, исключения, условия и т. д. В итоге ни одно решение, начинание невозможно завершить, и тем в большей степени, чем оно сложнее [Абакаров, 2016].

А. И. Ахиезер доказывал свою позицию путем анализа политических решений, принятых в эпоху Перестройки и последовавших за ней «сложных» 1990-х годов. Исследователь отмечал, что все новые законы (экономические, социальные, образовательные и т. д.) принимались на скорую руку, имея своей основной целью не реальное реформирование общественных отношений, а стремление как можно быстрее отменить советские за-

конодательные акты [Ахиезер, 2006]. Подобные решения не привели к желаемому снижению дезорганизационных механизмов и росту эффективности государственного управления, а лишь усложнили ситуацию в целом, поскольку сами стали фактором дальнейшей дезорганизации, так как не содержали ни механизма своей реализации, ни взаимосвязи между собой.

Непосредственно А. И. Ахиезер обращал внимание, что подобного рода политические решения в целом свойственны социокультурным основаниям российской модели государственного управления, приводя в качестве примера «недоделанные» реформы Александра I, декларировавшего необходимость реформ и даже проработавшего их проекты, но не учитывавшего реальное положение в обществе [Ахиезер, 1995]. В итоге политика приняла «колеблющийся» характер, а заявленные трансформации так и не были реализованы в полной мере, проекты реформ просто повисали в воздухе. Таким образом, начатое Александром I реформирование политической системы не только не получило дальнейшего развития, но впоследствии просто было перекрыто прямо противоположными законами и установлениями. Аналогичные примеры можно привести и на более ранних, и последующих этапах российской истории, практически все российские правители демонстрировали противоречивость принимаемых ими политических решений.

Одним из свойств «хромающих» решений является стремление лиц, их принимающих, следовать нравственному и политическому идеалу, массовым настроениям, причем конкретно не сформулированным. Для российской внутренней политики это проявляется, в частности, в том, что она находится в прямой зависимости от международной конъюнктуры на фоне так и не проработанной стратегии национального развития [Бирюков, 2012]. Низовые же уровни государственного управления ориентируются в своей деятельности исключительно на установки вышестоящих уровней, причем персонифицируя их без учета территориальных интересов [Захаров, 2018]. В итоге «хромающий» характер приобретает вся вертикаль власти, затрагивая систему управления в целом даже на корпоративном уровне, поскольку последний, с одной стороны, копирует общегосударственную практику, а с другой – сам живет в ситуации постоянных, рационально не всегда объяснимых изменений. Еще М. Тэтчер говорила про взаимодействие с Россией: «Многие предприниматели отказываются с вами работать. Нельзя каждый день пересматривать заключенные соглашения, так бизнес не делается!» [Ахиезер, 1995, с. 34].

Следующее свойство «хромающих» решений – это чрезмерное упрощение их исполнения: принимаются политические решения не с целью решения имеющихся проблем, а по принципу «решить то,

что может быть решено», или поставить такие цели, которые изначально не достижимы или не имеют объективной основы для своей разработки. Таким образом, формирование политической повестки и действия органов государственного управления исходят не из стратегических целей, а основываются на реактивном «латании дыр». Следствием такого «хромающего» характера принятия политических решений становится паралич законодательной и исполнительной деятельности, поскольку в реальности она оказывается во многом противоположной тому, что реально говорится, решается и делается. Примером такого рода решений, которые уже можно рассматривать как классические, являются национальные проекты, основная цель которых не развить имеющиеся потенциалы (таковые даже не выявляются), а хоть как-то показать деятельность и распределить финансы. Это проявляется в отсутствии достаточной проработанности научно-методологических и управленческих основ создания и реализации данных проектов, их противоречии с текущей политикой в социальной сфере. В текущий момент примером такого проекта может служить национальный проект «Образование», цели которого, во-первых, не достижимы в заявленной пятилетней перспективе, во-вторых, явно противоречат тем решениями, которые уже были приняты в ходе реформы образования, а в-третьих,

просто не затрагивают всей сферы образования, в частности, практически исключив высшее образование.

«Хромающие» решения выражаются и в дезорганизации своего исполнения, поскольку различные их составляющие оказываются закрепленными за разными организационными структурами, каждая из которых ориентируется на достижение собственных целей. В результате вместо сотрудничества и синтеза получается некая инверсия, разрывающая целое на части. В организационном контексте необходимо обратить внимание и на то, что принимаемые решения ориентированы на своего рода идеальный кадровый состав государственной службы, который в реальной практике далек от такого состояния [Ахиезер, 1995]. Таким образом, появляется несоответствие между сложностью реализации политических решений и реальной практикой профессиональной деятельности служащих, которые действуют на основании должностных регламентов, не учитывающих специфику конкретной должности и содержащих размытые требования к профессиональному уровню, квалификации, компетентности и даже ответственности чиновников за ненадлежащее выполнение ими повседневных должностных обязанностей. Вопрос об их способности мыслить системно, уметь прогнозировать и видеть альтернативы даже не ставится.

На современном этапе подобное непоследовательное, дезинтеграционное реформирование привело к

тому, что происходящие в обществе процессы не зависят напрямую от принимаемых политических решений, которые, в свою очередь, приобретают собственную, не всегда понятную логику. Решение должно преодолевать собственную пульсацию, свой «хромающий» характер, то есть стремление переходить от одной крайности к другой. Следует постоянно избегать опасности попасть в заколдованный круг, когда само решение превращается в фак-

тор роста дискомфорта состояния [Ахиезер, 1995].

Таким образом, можно сделать вывод, что современный «хромающий» характер государственных решений в России определяется как непоследовательностью содержания, так и реализации, что приводит к невозможности их неисполнимости и, соответственно, к недостижимости поставленных целей государственного развития.

Библиографический список

1. Абакаров Д. К. Концепция управления будущим и возможность ее применения в государственном управлении: взгляд социолога // Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16-17 марта 2016 г. Москва : АО «ВЦИОМ», 2016. С. 259-262.
2. Ахиезер А. С. Труды. Москва : Новый хронограф, 2006. 408 с.
3. Ахиезер А. С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1. С. 3-56.
4. Ахиезер А. С. Ценности общества и возможности реформ в России // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 17-23.
5. Бирюков Е. С. Глобальные дисбалансы и задачи модернизации экономики России // Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста (Материалы VII Конвента РАМИ 28-29 сентября 2012 г.). Москва : Аспект Пресс, 2012. С. 68-79.
6. Бубнов М. В. Процесс принятия решений: внешняя и внутренняя политика государства // Научный труды Республиканского института высшей школы. 2019. № 18. С. 46-52.
7. Захаров В. М. Патологии в системе государственного управления: анализ и программа преодоления / В. М. Захаров, О. В. Никонова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Т. 43. № 1. С. 37-45.
8. Коряковцева О. А. Социальная ответственность российской политической элиты как импульс преобразований // Социально-политические исследования. 2019. № 3(4). С. 17-24.
9. Коряковцева О. А. Роль государственной молодежной политики в развитии гражданской идентичности молодежи / О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук // Актуальные проблемы развития государственной молодежной политики: сборник научных статей (Материалы Всероссийской научно-практической конференции). 2018. С. 47-52.

10. Лутфуллин Д. Ф. Механизм принятия политических решений в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 2. С. 323-327.
11. Макаренко А. А. Политические решения и демократические реформы в России // Социум и власть. 2010. № 2 (26). С. 42-46.
12. Прядкина И. М. Политическая модернизация в России: историко-политологический анализ // Теории и проблемы политических исследований. 2017. № 1А. С. 94-101.
13. Сычугова Н. Е. К вопросу о сущности понятий «политическое» и «государственное» решение // Вопросы политологии. 2017. № 2 (26). С. 22-26.

Bibliograficheskij spisok

1. Abakarov D. K. Konceptija upravlenija budushhim i vozmozhnost' ee primeneniya v gosudarstvennom upravlenii: vzgljad sociologa // Materialy VI mezhdunarodnoj sociologicheskoj Grushinskoj konferencii «Zhizn' issledovanija posle issledovanija: kak sdelat' rezul'taty ponjatnymi i poleznymi», 16-17 marta 2016 g. Moskva : AO «VCIOM», 2016. S. 259-262.
2. Ahiezer A. S. Trudy. Moskva : Novyj hronograf, 2006. 408 s.
3. Ahiezer A. S. Rossija: nekotorye problemy sociokul'turnoj dinamiki // Mir Rossii. 1995. № 1. S. 3-56.
4. Ahiezer A. S. Cennosti obshhestva i vozmozhnosti reform v Rossii // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1997. № 1. S. 17-23.
5. Birjukov E. S. Global'nye disbalansy i zadachi modernizacii jekonomiki Rossii // Resursy modernizacii: vozmozhnosti i predely mezhdunarodnogo konteksta (Materialy VII Konventa RAMI 28-29 sentjabrja 2012 g.) Moskva : Aspekt Press, 2012. S. 68-79.
6. Bubnov M. V. Process prinjatija reshenij: vneshnjaja i vnutrennjaja politika gosudarstva // Nauchnyj trudы Respublikanskogo instituta vysšej shkoly. 2019. № 18. S. 46-52.
7. Zaharov V. M. Patologii v sisteme gosudarstvennogo upravlenija: analiz i programma preodolenija / V. M. Zaharov, O. V. Nikonova // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo. 2018. T. 43. № 1. S. 37-45.
8. Korjakovceva O. A. Social'naja otvetstvennost' rossijskoj politicheskoj jelity kak impul's preobrazovanij // Social'no-politicheskie issledovanija. 2019. № 3(4). S. 17-24.
9. Korjakovceva O. A. Rol' gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v razvitii graždanskoi identichnosti molodezhi / O. A. Korjakovceva, T. V. Bugajchuk // Aktual'nye problemy razvitija gosudarstvennoj molodezhnoj politiki: sbornik nauchnyh statej (Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii). 2018. S. 47-52.
10. Lutfullin D. F. Mehanizm prinjatija politicheskikh reshenij v sovremennoj Rossii // Social'no-gumanitarnye znanija. 2014. № 2. S. 323-327.
11. Makarenko A. A. Politicheskie reshenija i demokraticheskie reformy v Rossii // Socium i vlast'. 2010. № 2 (26). S. 42-46.
12. Prjadkina I. M. Politicheskaja modernizacija v Rossii: istoriko-politologicheskij analiz // Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. 2017. № 1А. S. 94-101.
13. Sychugova N. E. K voprosu o sushhnosti ponjatij «politicheskoe» i «gosudarstvennoe» reshenie // Voprosy politologii. 2017. № 2 (26). S. 22-26.

**ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ
(РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА)**

Е. А. Воронина

УДК 332
<https://orcid.org/0000-0001-7532-9351>

**Формирование инновационной среды
региональной экономической системы**

Для цитирования: Воронина Е. А. Формирование инновационной среды региональной экономической системы // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 36–42. DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-36-42

Как добиться эффективности инновационных усилий через обеспечение воспроизводства самой инновационности? Региональная инновационная среда рассматривается в двух взаимосвязанных аспектах. В целом региональная инновационная среда должна способствовать развитию специфической культуры деятельности субъектов экономической системы. Формирование региональной инновационной среды банковских продуктов связано с таким понятием как инновационный потенциал. Это понятие наряду с инновационной средой должно стать концептуальным институциональным отражением феномена инновационной деятельности региона. Понятие экономического потенциал пока является дискуссионной проблемой, предпринимаются попытки отхода от традиционного его отождествления с понятиями научного, интеллектуального, творческого и научно-технического потенциалов и рассмотрение его как самостоятельной экономической категории. Будучи проявлением органической целостности трех видов деятельности (наука, инновации, производство), экономический потенциал в региональном аспекте может недоиспользоваться по внутренним причинам, присущим самому инновационному процессу. В современную эпоху инновационная экономика находится в неразрывном единстве не только с научно-технической, но и с производственной деятельностью. Государство должно играть важную роль в развитии механизмов, связывающих инновационную сферу с материальным производством и наукой.

Ключевые слова: инновационная среда, инновационный потенциал, инновационная деятельность.

ECONOMY AND ECONOMIC MANAGEMENT
(REGIONAL ECONOMICS)

E. A. Voronina

Formation of the regional innovation environment economic system

How to achieve the effectiveness of innovation efforts by ensuring the reproduction of innovation itself? The regional innovation environment is considered in two interrelated aspects. In General, the regional innovation environment should contribute to the development of a specific culture of activity of economic entities. The formation of a regional innovation environment for banking products is associated with the concept of innovation potential. This concept, along with the innovation environment, should become a conceptual institutional reflection of the phenomenon of innovative activity in the region. The concept of economic potential is still a debatable issue, attempts are being made to move away from its traditional identification with the concepts of scientific, intellectual, creative and scientific and technical potentials and consider it as an independent economic category. As a manifestation of the organic integrity of the three types of activity (science, innovation, production), the economic potential in the regional aspect may be underutilized for internal reasons inherent in the innovation process itself. In the modern era, the innovative economy is in unbroken unity not only with scientific and technical, but also with production activities. The state should play an important role in developing mechanisms that link innovation with material production and science.

Keywords: innovative environment, innovative potential, innovative activity.

Впервые термин «национальная инновационная система» был использован британским экономистом Кристофером Фриманом в 1982 г. В своих исследованиях он рассматривал институциональный контекст инновационной деятельности и опирался на выводы институциональной теории [Hirst, 2016].

Институциональный подход к изучению процессов обновления в современной экономической системе позволяет в качестве одной из центральных проблем выделить следующую: как добиться эффективности инновационных усилий через обеспечение воспроизводства самой инновационности? Иначе

говоря, формирование инновационно ориентированной интенсивно развивающейся экономики должно быть основано на адекватной инновационной среде, которая с одной стороны, является следствием инновационной активности, а с другой – ее причиной.

«Инновационная среда» как определение термина встречается в разных смыслах и подходах. При рассмотрении инновационной среды ее можно определить как сложную систему финансово-экономических, правовых, политических, материальных, социальных групп, институтов, обеспечивающих создание новшеств и последу-

ющую их трансформацию в нововедения. В другом понимании, инновационная среда – это созданное определенным образом социальное пространство, обеспечивающее инновационное развитие в интересах общества и человека [Блохина, 2017, Ромашин, Шалаев].

Региональную инновационную среду представляется возможным рассматривать в двух взаимосвязанных аспектах:

– как экономически организованное пространство жизнедеятельности, обеспечивающее развитие инновационного ресурса общества;

– как интегрированное средство накопления и реализации инновационного потенциала хозяйствующих субъектов.

В этой связи представляется целесообразным выявить необходимые факторы региональной инновационной среды, к которым, в первую очередь, следует отнести благоприятную психологическую атмосферу, располагающую как к творчеству, так и к внедрению. При этом важно подчеркнуть, что оптимальная инновационная среда является открытой системой, так как параметры ее могут и должны в определенный момент изменяться в соответствии с потребностями субъектов экономического процесса [Батракова, 2019].

В целом региональная инновационная среда должна способствовать развитию специфической культуры деятельности субъектов эко-

номической системы, которую можно определить, как «инновационную». Сущность инновационной культуры проявляется в технологии ее воспроизводства: на основе рефлексии и коррекции всех параметров экономической деятельности. Следует подчеркнуть, что инновационная культура не являлась предметом отдельных исследований. Используя термин «инновационная культура экономической системы», мы исходим из того, что институциональное объяснение экономического развития должно учитывать характер культуры, в условиях которой это развитие происходит. В данном случае сущность культуры заключается в создании необходимой среды, организации оптимальных способов взаимодействия, способствующих развитию инновационной деятельности.

Формирование оптимальной инновационной среды вызывает необходимость рассмотрения еще одного понятия – «инновационного потенциала». Современное экономическое знание заимствовало «потенциал» из физики, где оно определяет количество энергии, которую накопила система и которую она способна реализовать в работе.

Представляется, что понятие инновационного потенциала наряду с инновационной средой должно стать концептуальным институциональным отражением феномена инновационной деятельности. В последнее время понятие инновационного потенциала находит все

большее распространение, появляются самостоятельные исследования, посвященные анализу его различных аспектов.

Сравнительно недавно это понятие стали рассматривать как экономическую категорию. Однако для большинства научных работ понятие «инновационный потенциал» используется для решения различных научно-познавательных задач, а не рассматривается, как самостоятельная проблема. Во многих исследованиях авторы концентрируют свои усилия на исследовании отдельных сторон инновационного потенциала, в результате чего в литературе представлены его специфические определения, слабо соотносящиеся между собой: его зачастую отождествляют с понятием научного, интеллектуального, творческого и научно-технического потенциалов [Вагизов, 2009, Винокуров, 2005, Забуга, 2004].

Тем самым в экономической литературе еще не достигнуто единого представления о том, какая экономическая сфера фиксируется в понятии «инновационный потенциал». Анализ экономических аспектов понятия «инновационный потенциал региона» выявляет широкий спектр подходов к ее изучению.

К рассмотрению сущности инновационного потенциала следует, по нашему мнению, подходить как к экономической категории, а для этого анализировать иерархически организованную систему определенных элементов. При этом рас-

крывается не совокупность категорий, а логические вытекающие, то есть субординированные и координированные друг относительно друга понятия в зависимости от экономических отношений, которые их отражают. В результате они дают многоуровневую характеристику сущности инновационного потенциала региона.

Экономические отношения по поводу формирования ресурсной базы инновационного процесса логически предшествуют экономическим отношениям по поводу использования этих ресурсов в инновационном процессе. Последние, в свою очередь, определяют экономические отношения по поводу реализации продукции инновационной деятельности и формирования ее конечных результатов непосредственно в производственной сфере. Первый уровень этих отношений характеризует ресурсный потенциал инновационной деятельности в регионе, второй – сам инновационный процесс, третий – материальное производство.

Вышеизложенный подход наиболее адекватно отражает тот факт, что инновационная деятельность выполняет посредническую функцию. Следует заметить, что состоянию инновационного потенциала любой страны можно дать верную оценку лишь в том случае, если принимается во внимание то, что в современную эпоху:

– инновационная деятельность находится в неразрывном единстве

не только с научно-технической, но и с производственной деятельностью;

– наука, инновации и производство составляют собой единую органическую систему;

– превращение трех видов деятельности (наука, инновации, производство) в органическую целостность является следствием и условием развертывания научно-технической революции. Потенциал каждого из звеньев этой системы способен достигнуть максимальной эффективности не сам по себе, а лишь в тесном взаимодействии с другими, и в рамках этой системы наука функционирует как непосредственная производительная сила.

Баланс объективно действующих внешних факторов и сознательное формирование внешнего воздействия обуславливает социально-экономическую обстановку, которая создает внешние побудительные мотивы инновационной деятельности в регионе, создавая и активно используя ее потенциал. Экономическая система региональной экономики определяет внешнюю направленность мотивации субъектов данной деятельности, возможности коммерческой реализации ее результатов.

Нельзя забывать, что приспособление институтов, осуществляющих инновационную деятельность, к требованиям внешней для них среды реализуется посредством предпринимательской активности лиц, возглавляющих инновацион-

ные институты. При этом государство должно играть важную роль в развитии механизмов, связывающих инновационную сферу с материальным производством и наукой, что достигается финансированием и созданием учреждений посредников в обмене новой техникой, разработкой национальных программ, обеспечивающих активное участие в них производителей и научных центров.

Реальный инновационный потенциал региональной экономики может стабильно недоиспользоваться по внутренним причинам, присущим самому инновационному процессу как разновидности специфического хозяйствования. К таким причинам следует отнести следующие:

– несовпадение объема специфического экономического ресурса (венчурного капитала) возможностями, накопленным в продукте научной сферы;

– завышение издержек венчурного капитала вследствие его неэффективного превращения в применяемые в инновационной деятельности хозяйственные ресурсы;

– неэффективное использование ресурсов в самом инновационном процессе, то есть их недостаточная продуктивность;

– недореализация инновационного продукта;

– невозмещение используемого в инновационной деятельности венчурного капитала.

В условиях преимущественно частной организации инновационной деятельности в регионе внутренние причины недоиспользования инновационного потенциала являются текущими и относительно краткосрочными, поскольку цены на хозяйственные ресурсы не могут долговременно отклоняться в невыгодную для венчурного капитала сторону, также как и их неэффективное использование в самом инновационном процессе [Дубова, 2011].

Заканчивая анализ понятия «инновационный потенциал», мы еще раз обращаем внимание на множественность точек зрения по этому вопросу и исходим из того, что под инновационным потенциалом сле-

дует понимать способность региональной экономики технически и коммерчески использовать научно-технические знания. Как видно из изложенного, формирование инновационного потенциала во многом зависит от уровня развития науки и техники в стране и регионе.

Таким образом, оптимально организованная региональная инновационная среда, способствуя развитию инновационной культуры, будет определять место инновационной активности и ценностей региона, и обеспечивать организацию и самоорганизацию инновационной деятельности экономической системы региона в целом.

Библиографический список

1. Алексеева М. Б. Анализ инновационной деятельности: учебник. Москва : Юрайт, 2016. 707 с.
2. Батракова Л. Г. Формирование кластерно-сетевой экономики регионов // Социально-политические исследования. 2019. № 4 (5). С. 69-92.
3. Блохина, Т. К. Экономика и управление инновационной организацией: учебник / Т. К. Блохина, О. Н. Быкова, Т. К. Ермолова. Москва : Проспект, 2017. 428 с.
4. Вагизов В. И. Факторы, формы и способы обеспечения развития инновационной деятельности хозяйствующих субъектов // Проблемы современной экономики. 2009. № 4. С. 21-25.
5. Винокуров В. И. Основные термины и определения в сфере инноваций // Инновации. 2005. № 4. С. 16-18.
6. Дубова С. Е. Устойчивость региональной банковской системы: понятие, оценка и управление: монография / С. Е. Дубова, Н. В. Степанова, М. А. Рочева. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co. KG Germany, 2011. 120 с.
7. Забуга Е. В. Инновационная среда кластера // Современные технологии управления. 2014. № 11 (47).
8. Келле В. Ж. Инновационная система России: формирование и функционирование. Едиториал УРСС, 2003. 148 с.
9. Ромашин В. В. Региональная инновационная среда как характеристика развития инновационных процессов в субъектах РФ. Режим доступа:

https://dekanat.unecon.ru/DOCS/stud_files/311797/200-38_%D0%EE%EC%E0%F8%E8%ED.pdf. (Дата обращения: 20.02.2020).

10. Шалаев И. А. Теоретические основы и особенности формирования инновационной среды региональной экономической системы. Режим доступа: <https://orelgiel.ru/docs/262013/25.pdf>. (Дата обращения: 20.02.2020).

11. Hirst, P. and Thompson, G. 'Globalization in question: International economic relations and forms of public governance; in J.R. Hollingsworth and R. Boyer(eds), Contemporary Capitalism: The Embeddedness of Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 320 p.

Bibliograficheskij spisok

1. Alekseeva M. B. Analiz innovacionnoj dejatel'nosti: uchebnik. Moskva : Jurajt, 2016. 707 с.

2. Batrakova L. G. Formirovanie klastero-setevoj jekonomiki regionov // Social'no-politicheskie issledovanija. 2019. № 4 (5). S. 69-92.

3. Blohina, T. K. Jekonomika i upravlenie innovacionnoj organizaciej: uchebnik / T. K. Blohina, O. N. Bykova, T. K. Ermolova. Moskva : Prospekt, 2017. 428 с.

4. Vagizov V. I. Faktory, formy i sposoby obespechenija razvitija innovacionnoj dejatel'nosti hozjajstvujushhijh sub#ektov // Problemy sovremennoj jekonomiki. 2009. № 4. S. 21-25.

5. Vinokurov V. I. Osnovnye terminy i opredelenija v sfere innovacij // Innovacii. 2005. № 4. S. 16-18.

6. Dubova S. E. Ustojchivost' regional'noj bankovskoj sistemy: ponjatie, ocenka i upravlenie: monografija / S. E. Dubova, N. V. Stepanova, M. A. Rocheva. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co. KG Germany, 2011. 120 s.

7. Zabuga E. V. Innovacionnaja sreda klastera // Sovremennye tehnologii upravlenija. 2014. № 11 (47).

8. Kelle V. Zh. Innovacionnaja sistema Rossii: formirovanie i funkcionirovanie. Editorial URSS, 2003. 148 s.

9. Romashin V. V. Regional'naja innovacionnaja sreda kak harakteristika razvitija innovacionnyh processov v sub#ektah RF. Rezhim dostupa: https://dekanat.unecon.ru/DOCS/stud_files/311797/200-38_%D0%EE%EC%E0%F8%E8%ED.pdf. (Data obrashhenija: 20.02.2020).

10. Shalaev I. A. Teoreticheskie osnovy i osobennosti formirovanija innovacionnoj sredy regional'noj jekonomicheskoj sistemy. Rezhim dostupa: <https://orelgiel.ru/docs/262013/25.pdf>. (Data obrashhenija: 20.02.2020).

11. Hirst, P. and Thompson, G. 'Globalization in question: International economic relations and forms of public governance; in J.R. Hollingsworth and R. Boyer(eds), Contemporary Capitalism: The Embeddedness of Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 320 r.

М. А. Квасникова

УДК 332.5
<http://orcid.org/0000-0002-6903-4394>

**Цифровое неравенство и его влияние
на социально-экономическое развитие регионов в России**

Для цитирования: Квасникова М. А. Цифровое неравенство и его влияние на социально-экономическое развитие регионов в России // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 43–58. DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-43-58

В статье рассматривается проблема цифрового неравенства в разрезе федеральных округов РФ, населения городской и сельской местности. Приведены решения Правительства РФ и Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций по данной проблематике, касающиеся национальной программы «Цифровая экономика РФ». Графически представлена динамика индекса цифровой грамотности населения, числа пользователей сети Интернет, использования персональных компьютеров, доступа органов власти в сеть Интернет, использования сети Интернет для заказа товаров и услуг, как по федеральным округам, так и по типу местности, суммарных расходов регионов на информационно-коммуникационные технологии, инновационной активности организаций. На основании данных диаграмм выявлены тенденции цифрового развития регионов, определены регионы – лидеры и регионы – аутсайдеры. Рассмотрены причины и предпосылки, приводящие к цифровому разрыву в РФ, выделена важность развития электронного правительства для максимально широкого доступа населения к информации, повышения информационной грамотности общества. Приведены факторы и критерии доступа к информационно-коммуникационным технологиям, влияющие на цифровое неравенство. Представлен рейтинг 10 регионов – лидеров по размеру бюджетов, выделяемых на информационно-коммуникационные технологии, включая расходы на душу населения. Рассмотрены пути преодоления цифрового разрыва – начиная от снижения удельной стоимости передачи трафика, повышения информационной культуры населения, и, заканчивая, ростом и развитием инфраструктуры связи для создания единого инфокоммуникационного пространства. Показана важность инфраструктурных преобразований для открытия новых перспектив в деятельности региональных организаций, что позволит регионам обеспечивать устойчивое социально-экономическое развитие.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровое неравенство, цифровая грамотность, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), федеральные округа РФ, ИКТ-инфраструктура, сеть Интернет.

© Квасникова М. А., 2020

М. А. Kvasnikova

Digital inequality and its impact on the socio-economic development of regions in Russia

The article aims to consider the problem of digital inequality in the context of the Federal districts of the Russian Federation, the population of urban and rural areas. The decisions of the Government of the Russian Federation and the Ministry of digital development, communications and mass communications on this issue concerning the national program "Digital economy of the Russian Federation" are given. The dynamics of the index of digital literacy of the population, the number of Internet users, the use of personal computers, access to the Internet, the use of the Internet for ordering goods and services, both by Federal districts and by type of terrain, the total spending of regions on information and communication technologies, innovative activity of organizations is graphically presented. On the basis of these diagrams, trends in the digital development of regions are identified, regions – leaders and regions – outsiders are identified. The causes and background leading to the digital divide in the Russian Federation, highlighted the importance of e-government development for the widest public access to information, improve information literacy of the society. Factors and criteria of access to information and communication technologies influencing digital inequality are given. The rating of 10 regions – leaders in the size of the budgets allocated for information and communication technologies, including expenditures per capita is presented. The ways of overcoming the digital divide are considered – starting from reducing the specific cost of traffic transmission, increasing the information culture of the population, and ending with the growth and development of communication infrastructure to create a single info-communication space. The importance of infrastructural transformations for opening new prospects in the activities of regional organizations is shown, which will allow districts to ensure sustainable socio-economic development.

Keywords: digital economy, digital inequality, digital literacy, information and communication technologies (ICT), Federal districts of the Russian Federation, ICT infrastructure, Internet.

Стержневой основой цифрового мира является цифровая экономика, которую Стратегия развития информационного общества (Указ Президента РФ от 09.05.2017г. № 203) определяет как хозяйственную деятельность, где ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых, по сравнению с традиционными формами хозяйствования, позволяют существенно повысить эффективность различных

видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг [Указ Президента РФ ... , 2017].

Цифровая экономика – это новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества [Эскиндаров, 2019, с. 6-17]. Главными составляющими цифровой экономики являются: цифровые продукты и услуги; смешанные цифровые продукты и услуги; услуги или производство товаров, зависящие от

ИТ; сегмент ИТ-индустрии, который обслуживает три рассматриваемых сегмента цифровой экономики [Бухт, 2018, с. 143-172]. Эффект от цифровизации можно отследить по таким показателям как снижение безработицы, повышение производительности труда, рост экономических показателей, развитие новых отраслей [Мальшкин, 2018, с. 79-86].

Информационно-телекоммуникационные технологии (ИКТ) выступают одним из ключевых драйверов экономики, основанной на знаниях. Их развитие способствует повышению качества жизни населения, производительности труда, эффективности ведения бизнеса и государственного управления, возникновению новых форм получения образования, обеспечению доступа к различным видам информации [Лобанова, 2019, с. 10-12]. Сегодня Россия не входит в группу лидеров развития цифровой экономики по многим показателям – уровню цифровизации, доле цифровой экономики в ВВП, средней задержки в освоении технологий, применяемых в странах-лидерах [Русановский, 2018, с. 17-27]. Уровень развития ИКТ в РФ различается по регионам, особенно велик разрыв между мегаполисами и малыми городами, сельской местностью.

Цифровое неравенство (digital divide) – отсутствие доступа к современным информационно-коммуникативным системам. Основными причинами цифрового неравенства являются: высокий уровень социального расслоения населения, высокая стоимость и низкое качество

цифровой инфраструктуры в отдаленных районах страны, высокие цены на цифровые продукты и услуги в регионах по сравнению со столичными городами и др. [Александрова, 2019, с. 9-12]. Решение вопросов технической доступности – необходимое условие информатизации регионов, но недостаточное, так как информатизация населения зависит и от решения комплекса социально-экономических проблем. Доступность ИКТ приобретает особую социальную значимость в современном обществе и становится важнейшим элементом социальной инфраструктуры [Крысько, 2018, с. 193-196].

С целью ликвидации цифрового разрыва и повышения конкурентоспособности на глобальном рынке как отдельных отраслей экономики Российской Федерации, так и экономики в целом, была сформирована национальная программа «Цифровая экономика РФ», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. [Распоряжение Правительства РФ ... , 2017]. Этот Национальный проект направлен на обеспечение трехкратного повышения внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счет всех источников; создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домашних хозяйств; использование преимущественно отечественного программного обеспечения госорганами, органами местного

самоуправления и организациями. Основным результатом деятельности должна стать разработка в РФ до 2024 г. генеральной схемы развития сетей связи и инфраструктуры хранения и обработки данных [Капранова, 2018, с. 58-69].

Цифровое неравенство также увеличивает социальные риски, которые формируются на основании неравномерного распределения определенных социальных благ, доступ к которым ограничен [Жадан, 2018, с. 20-26]. Можно выделить три уровня цифрового неравенства: 1) уровень доступа к Интернету и ИКТ; 2) уровень цифровых компетенций пользователей и цифровой грамотности; 3) уровень социальных преиму-

ществ, которые пользователи получают при грамотном и полноценном использовании цифровых технологий в профессиональной и частной жизни [Гладкова, 2019, с. 41-72].

Критериями для анализа форм цифрового неравенства являются: наличие технических средств и соединения, автономность доступа, навыки пользования информационными технологиями, наличие социальной поддержки в освоении информационных технологий, цели использования информационных технологий [Бабынина, 2019]. Более подробно факторы и критерии цифрового неравенства представлены в таблице 1.

Таблица 1

Факторы, причины и критерии доступа к ИКТ, использования и влияния на поведение населения

Факторы		Критерии
Обеспечивающие	Сдерживающие	
Наличие технических средств, автономность доступа к сети Интернет, позитивная оценка влияния на жизнь	Отсутствие мотивации в использовании Интернета, недостаток навыков, высокие затраты на подключение, отсутствие технических возможностей подключения, соображения безопасности	Тип местности: город, село, субъектных РФ, состав домашних хозяйств; виды устройств для выхода в сеть Интернет; социально-демографические характеристики пользователей сети Интернет: пол, возраст, образование, занятость
Причины отказа от заказа и приобретения товаров и услуг по Интернету	Причины отказа от получения государственных и муниципальных услуг	
Предпочтение личных покупок, отсутствие необходимости, отсутствие доверия, недостаточные навыки, нежелание раскрывать персональные данные	Предпочтение личного визита и персональных контактов, недостаточно навыков и знаний, необходимость предоставления бумажных форм и др.	

Источник: <https://digital.msu.ru/wp-content/uploads>

Среди причин цифрового неравенства в РФ можно также выделить: высокий финансовый порог доступа к информационным технологиям; завышенные тарифы на интернет-услуги провайдеров; нерациональное использование ресурсов Интернета; большую площадь территории страны, вследствие чего возрастает стоимость на строительство и содержание телекоммуникационной инфраструктуры; недостаточную разработанность нормативно-правовой базы, которая должна регулировать функционирование интернет-пространства и др. [Фомин, 2019, с. 192-195].

Регионы РФ различаются доступом к сети Интернет по типу местности, наличию инфраструктуры, уровню образования и овладения цифровыми навыками населения. Рейтинг регионов Министерство определяет по направлениям: ИКТ – инфраструктура, электронное правительство, ИКТ в сфере образования, ИКТ в сфере здравоохранения, ИКТ в сфере транспорта. Лидерами рейтинга ИКТ в 2018 г. среди регионов являются Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Республика Татарстан, Республика Саха (Якутия) [Официальный сайт Министерства цифрового развития ... , 2019].

Проект устранения цифрового неравенства в РФ активно развивается. Так, Министерством подготовлен законопроект по реформированию универсальных услуг связи. Законопроект предусматривает несколько мер. Предполагается, что интернет-доступом будут обеспече-

ны населённые пункты с количеством жителей от 100 человек, а не от 250, как сейчас и предоставляться населению доступ к Интернету будет на скорости не менее 10 Мбит/с. Кроме того, в населённых пунктах, где отсутствует возможность оказания услуг сотовой связи, одновременно с точкой доступа в Интернет будет устанавливаться и базовая станция сотовой связи. Законопроект также закрепляет принцип недискриминационного подключения к точкам доступа: оператор будет не вправе отказать юридическому или физическому лицу в подключении к общественной точке доступа [Цифровая экономика ... , 2019].

На сегодняшний день, по данным Министерства, из 18 тыс. населённых пунктов с числом жителей от 500 до 10 тыс. интернет-доступом обеспечены уже приблизительно 16 тыс. Из 14 тыс. населённых пунктов с количеством жителей от 250 до 500 человек точками доступа оснащены примерно 8 тыс. [Официальный сайт Министерства цифрового развития ... , 2019].

При анализе уровня развития цифровой экономики в стране необходимо рассматривать такие показатели как инновационный характер экономики, увеличение числа пользователей сетевых технологий, рост образовательного уровня населения, оборот электронной торговли, количество интернет-магазинов, число людей, использующих компьютеры, количество пользователей, имеющих доступ к интернету, уровень компьютерных навыков населения,

объем инвестиций в телекоммуникации и др. [Батракова, 2018, с. 51-64].

Региональный общественный центр интернет-технологий (РОЦИТ) обнародовал данные ежегодного исследования под названием «Индекс цифровой грамотности граждан Российской Федерации». Индекс, о

котором идёт речь, отражает уровень цифровой грамотности населения в регионах и федеральных округах РФ, а также стране в целом. В ходе исследования анализируются аспекты цифрового потребления, цифровых компетенций и цифровой безопасности в каждом российском регионе (см. рис. 1).

Источник: РОЦИТ

Рис. 1. Динамика индекса цифровой грамотности граждан РФ

Согласно данным диаграммы, указанный индекс в 2018 году составил 4,52 балла по десятибалльной шкале. Для сравнения годом ранее данный показатель равнялся 5,99 балла. «Такое резкое падение среднего значения объясняется в первую очередь увеличением диспропорций между уровнем цифровых компетенций, цифрового потребления и цифровой безопасности россиян. Если в 2015 и 2016 году цифровые компетенции граждан были их главной уязвимостью, то в 2017 и 2018 годах они вышли на первое место по значению. При этом, по сравнению с прошлыми годами в знаниях и навыках россиян значительно увеличился разрыв между цифровыми компетенциями и

цифровой безопасностью», – говорится в исследовании. Отмечается, что наибольшую стабильность в развитии цифровой грамотности показывают Северо-Западный, Уральский и Приволжский ФО [Структура телеком-рынка РФ, 2019].

Как видно из диаграммы (см. рис. 2), наибольшее количество населения, пользующееся сетью Интернет, проживает в Южном (85 %), Северо-Западном (82 %) и Уральском (82 %) округах, наименьшее количество – в Сибирском, Приволжском и Дальневосточном округах (соответственно, 78, 79, 80 %). В целом, разница невелика – не более 8 %.

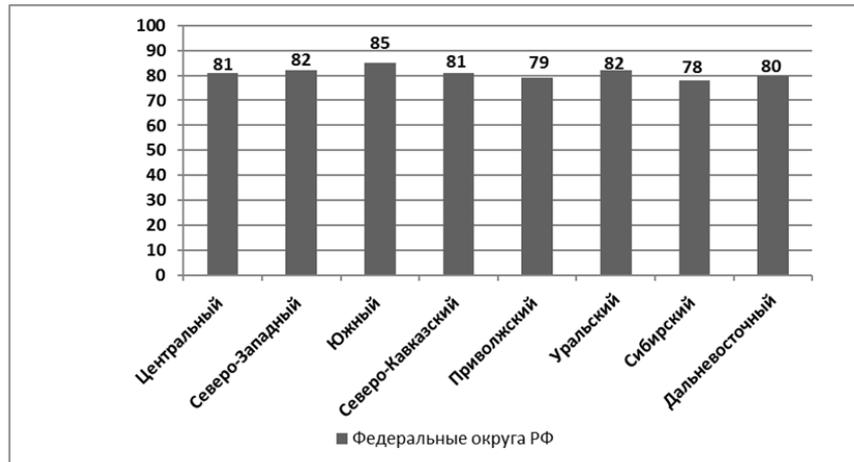

Рис. 2. Динамика числа пользователей сети Интернет на 100 человек населения по федеральным округам РФ, 2018 г. [Официальный сайт Росстата, 2019]

Разрыв между городским и сельским населением, использующим сеть Интернет сократился с 20 % в 2015 г. до 14,5 % в 2017 г., чему способство-

вал ускоренный прирост использования Интернета в сельской местности – за 3 г. На 12 % против 6 % в городской местности (см. рис. 3).

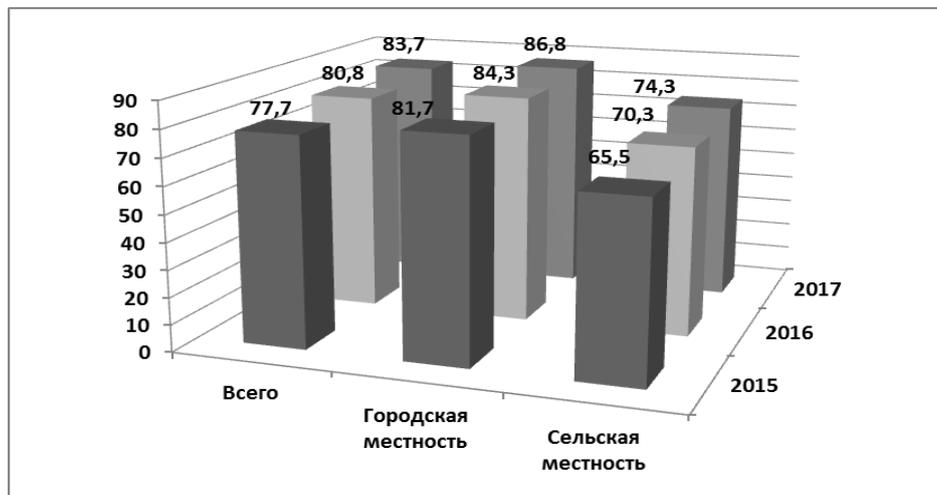

Рис. 3. Население, использующее сеть Интернет, по типу местности (в процентах от общей численности населения) [Цифровая экономика: 2019: краткий статистический сборник ... , 2019]

Отсутствие развитой социальной и ИКТ-инфраструктуры в сельских населенных пунктах приводит к росту негативных процессов депопуляции сельского населения и в

качестве неизбежного результата – вымиранию сел. Поэтому необходимость цифровизации малых территорий стоит весьма остро [Былина, 2019, с. 107-113].

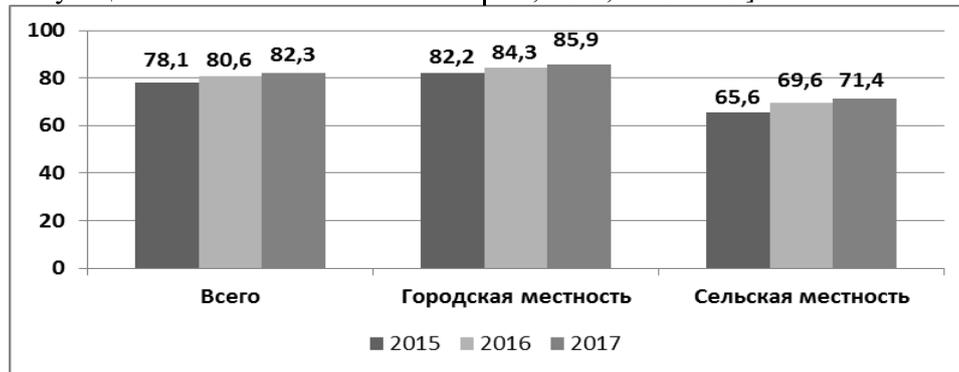

Рис. 4. Население, использующее персональные компьютеры, по типу местности (в процентах от общей численности населения РФ) [Индикаторы цифровой экономики ... , 2018]

На диаграмме, представленной на рис. 4, видна динамика прироста населения, использующего персональные компьютеры: в городской местности прирост за 2015-2017 гг. составил 4,5 %, в сельской – 8,1 %, что связано с насыщенностью рынка в городе, и еще недостаточным количеством инфраструктуры ИКТ в сельской местности. Разрыв между городской и сельской местностью в 2017 г. составил 16,9 %.

Основными целями предоставления государственных и муниципальных услуг через Единый портал государственных услуг (ЕПГУ) «gosuslugi.ru» являются – снижение административных барьеров; повышение качества и доступности; упрощение процедуры оказания государственных услуг; сокраще-

ние сроков предоставления государственных услуг; разработка и внедрение единых стандартов обслуживания населения. Электронное правительство, стремясь к цели упрощения административных взаимодействий на всех уровнях: между государственными органами, между государством и гражданами, между государством и организациями – заинтересовано обеспечивать максимально широкий доступ к информации, более справедливое распределение услуг, предоставляемых обществу [Сологубова, 2018, с. 50-55].

Но не во всех федеральных округах достаточно развит доступ в сеть Интернет со скоростью не менее 2 Мбит/сек.

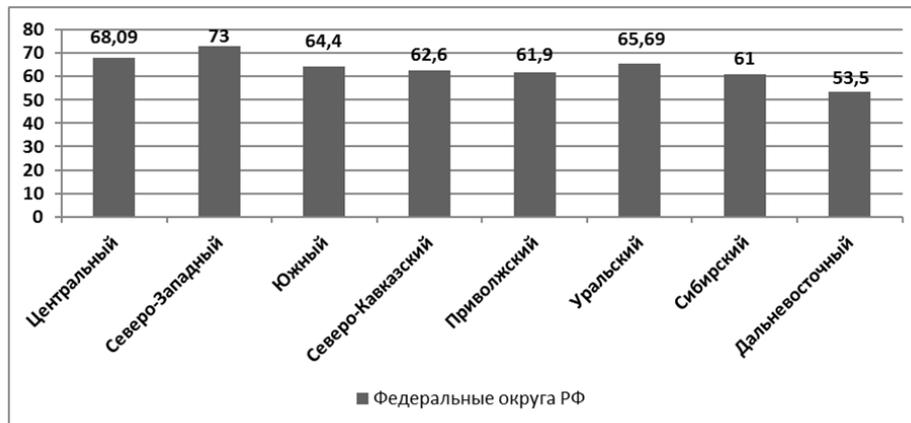

Рис. 5. Доля органов власти, имеющих доступ в сеть Интернет со скоростью не менее 2 Мбит/сек, в общем числе органов власти федерального, регионального и местного уровней, 2018 г. [Официальный сайт Росстата, 2019]

Разница между органами власти, имеющими такой доступ, в разрезе федеральных округов РФ, составляет 27 % между лидером Северо-Западным и аутсайдером Дальневосточным округами (см. рис. 5). Также низкий уровень имеют Сибирский (61 %) и Приволжский (61,9) федеральные округа.

За 2015-2018 гг. вырос процент населения, использующего сеть Интернет для заказа товаров и услуг, с 19,6 до 29,1 % от общей численности населения (см. рис. 6). Чаще всего это делают в Уральском, Центральном и Северо-Западном округах (соответственно, 41,5; 40,1; 37,8 %), низкий уровень демонстрируют Северо-Кавказский (22,2 %), Дальневосточный (29,2 %) и Сибирский (29,6 %) округа

(см. рис. 6). Больше всего заказывают через сеть Интернет обувь, одежду и спортивные товары.

Разница между населением городской и сельской местности, использующего сеть Интернет для заказа товаров и услуг также достаточно велика и на 2017 г. составляет 33,8 % в пользу городской. Прирост за период 2015-2017 гг. составил для городской местности 25,7 %, для сельской местности 33,8 % населения (см. рис. 7).

Лидерами рейтинга «СNews: ИКТ в регионах 2018» (см. табл. 2) являются Москва (49,2 млрд руб), Санкт-Петербург (13,5 млрд руб), Московская область (5,7 млрд руб). На четвертое место с шестого в 2017 г. переместилась Республика Татарстан (2,6 млрд руб).

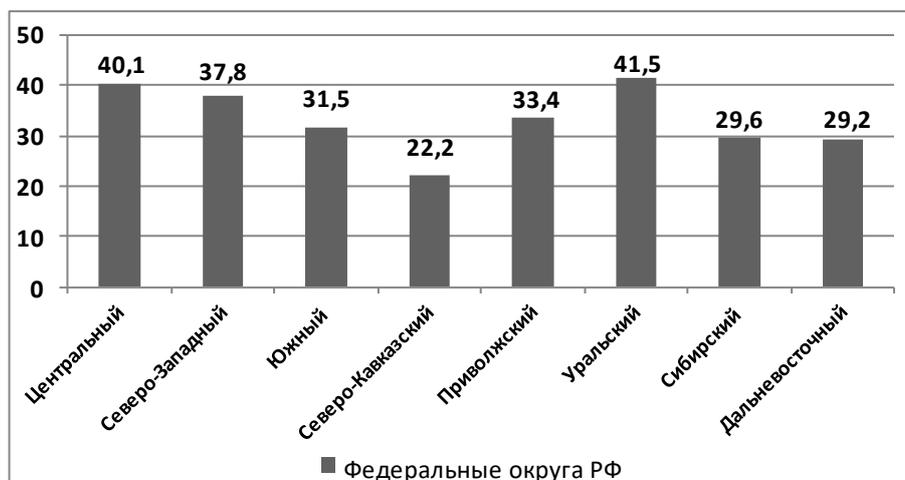

Рис. 6. Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров и (или услуг), в общей численности населения, 2018 г. [Официальный сайт Росстата, 2019]

Рис. 7. Население, использующее сеть Интернет для заказа товаров и услуг, по типу местности (в процентах от общей численности населения, использующего сеть Интернет) [Информационное общество ... , 2018]

На пятом месте по-прежнему осталась Республика Саха (Якутия) (2,5 млрд руб). Суммарно, на долю данных 5 субъектов РФ приходится 73,6 млрд руб. или 66,5% всех региональных расходов ИКТ [ИКТ в регионах 2018, 2019].

В 2018 г. российские регионы направили на реализацию ИКТ-проектов 110,7 млрд руб. (см. рис. 8). Это на 9,2% больше, чем в 2017 г.,

когда, согласно данным ежегодного рейтинга ИКТ-бюджетов российских регионов, подготовленного СNews, совокупные ИКТ-расходы региональных органов власти составили 101,3 млрд руб. За все время формирования рейтинга региональные ИКТ-бюджеты увеличились более чем в 1,5 раза (с 69,6 млрд руб. в 2013 г.).

Таблица 2.

Топ 10 регионов по размеру ИКТ-бюджетов

№ в 2018 г.	№ в 2017 г.	Регион	Расходы региона на ИКТ, млн руб.		Расходы на ИКТ 2018/2017, %	Численность населения на 01.01.2018 г., млн человек	ИКТ-расходы на душу населения в 2018 г., руб.
			2018	2017			
1	1	Москва	49 239	45 710,8	7,7%	12,4	3 970,9
2	2	Санкт-Петербург	13 526,4	11 360,3	19,1%	5,3	2 552,2
3	3	Московская область	5 712,1	6 156,9	-7,2%	7,4	771,9
4	6	Республика Татарстан	2 596,3	1 984,6	30,8%	3,9	665,7
5	5	Республика Саха (Якутия)	2 545,2	2 036,9	25%	1	2 545,2
6	10	Самарская область	2 492,2	1 406,9	77,1%	3,2	778,8
7	7	Новосибирская область	2 130,8	1 863,9	14,3%	2,8	761
8	8	ХМАО-Югра	1 701,4	1 816,7	-6,3%	1,7	1 000,8
9	12	Волгоградская область	1 652,5	1 337,9	23,5%	2,5	661
10	20	Пермский край	1 519,5	826,2	83,9%	2,6	584,4

Источник: CNews Analytics, 2018

Источник: CNews Analytics, 2018

Рис. 8. Суммарные ИКТ-расходы регионов России

Удельный вес организаций ИКТ, осуществляющих инновации, с разбивкой по федеральным округам, представлен на рис. 9.

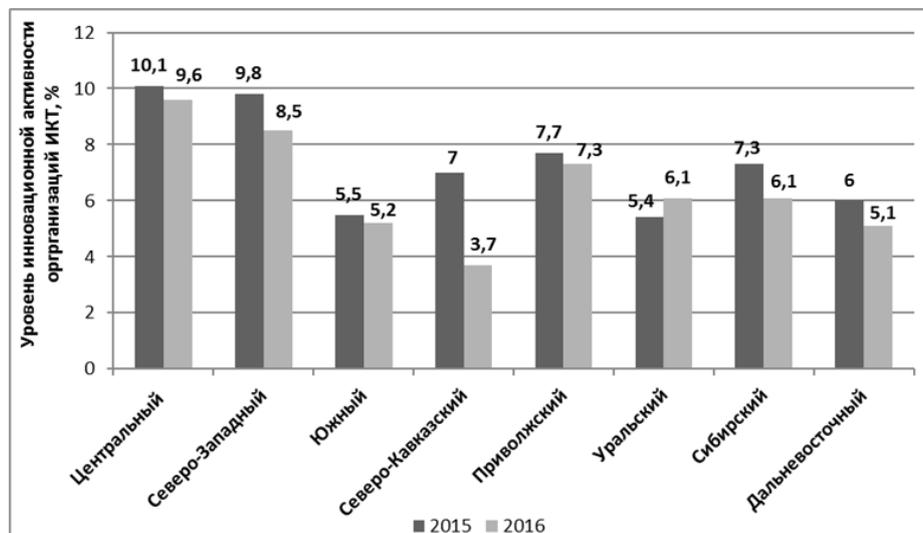

Рис. 9. Динамика инновационной активности организаций ИКТ в общем числе организаций (в разрезе федеральных округов) [Индикаторы инновационной деятельности ... 2018; Официальный сайт Росстата, 2019]

Инновационная активность в 2016 г. снизилась в большинстве федеральных округов, за исключением Уральского, где она повысилась на 13 % по сравнению с 2015 г. Особенно заметное снижение активности произошло в Северо-Кавказском (47 %), а также в Сибирском (16 %), Дальневосточном (15 %) и Северо-Западном (13 %) округах. Здесь также прослеживается тенденция увеличения количества организаций, осуществляющих инновации, с привязкой к столичным федеральным округам – лидер Центральный регион более, чем в 2 раза превосходит Северо-Кавказский регион – аутсайдер.

Для преодоления цифрового неравенства и дальнейшего развития в РФ цифровой экономики необходимо

найти способы монетизации трафика данных, а также любыми средствами снизить удельную стоимость его передачи – с помощью программно-конфигурируемых сетей (SDN), облачных технологий, архитектуры HetNet, также нужна программа повышения информационной культуры населения, 100-процентное обеспечение образовательных учреждений, учреждений здравоохранения, органов государственной власти и местного самоуправления современными услугами цифровой связи, и, самое существенное – методичное развитие инфраструктуры связи, без которой в провинции невозможно выстроить единое инфокоммуникационное пространство [Бачило, 2018, с. 59-69]. Инфраструктурные преобразования должны открывать новые перспекти-

вы для деятельности региональных предприятий, в частности, возможности кооперации в цифровом формате для создания новых продуктов; создавать условия, в которых местные компании смогут эффективно использовать инновационную составляющую в своей стратегии развития; с ростом неопределенности окружающей среды, в условиях со-

временной экономики непрекращающихся кризисов, такие преобразования должны позволить региону, в рамках стратегической парадигмы, обеспечить устойчивое развитие, выполнять все социальные и экономические программы [Максимов, 2018, с. 120-125].

Библиографический список

1. Александрова Т. В. Цифровое неравенство регионов России: причины, оценка, способы преодоления // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 8. С. 9-12.
2. Бабынина Л. С. Цифровое неравенство: причина и последствия. Режим доступа: <https://digital.msu.ru/wp-content/uploads>. (Дата обращения: 10.11.2019).
3. Батракова Л. Г. Развитие цифровой экономики в регионах России // Социально-политические исследования. 2018. № 1. С. 51-64.
4. Бачило И. Л. Цифровизация управления и экономики – задача общегосударственная // Государство и право. 2018. № 2. С. 59-69.
5. Бухт Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики / Р. Бухт, Р. Хикс // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 2. С. 143-172.
6. Былина С. Г. Цифровое неравенство сельского населения: поселенческие различия // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019. № 2. С. 107-113.
7. Гладкова А. А. Модель трёх уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) / А. А. Гладкова, В. З. Гарифуллин, М. Рагмедда // Вестник Московского университета. 2019. № 4. С. 41-72.
8. Жадан И. Э. Социальные риски в цифровой экономике // Гуманитарный научный журнал. 2018. № 1. С. 20-26.
9. ИКТ в регионах 2018. Режим доступа: <https://www.cnews.ru>. (Дата обращения: 20.11.2019).
10. Индикаторы инновационной деятельности: 2018: статистический сборник / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва : НИУ ВШЭ, 2018. 344 с.
11. Индикаторы цифровой экономики: 2018: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Г. Л. Волкова, Л. М. Гохберг [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва : НИУ ВШЭ, 2018. 268 с.
12. Информационное общество в Российской Федерации. 2018: статистический сборник / М. А. Сабельникова, Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, О. Ю. Дудорова [и др.] ; Росстат ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва : НИУ ВШЭ, 2018.

13. Капранова Л. Д. Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития // Экономика, налоги, право. 2018. Т. 2. № 11. С. 58-69.
14. Крысько В. Н. Проблема цифрового неравенства и ее устранение / В. Н. Крысько, А. В. Сидорова // Проблемы развития предприятий: теория и практика. 2018. С. 193-196.
15. Лобанова Н. М. Эффективность информационных технологий / Н. М. Лобанова, Н. Ф. Алтухова. Москва : Юрайт, 2019. 237 с.
16. Максимов М. И. Проблемы цифрового неравенства и инновационное развитие регионов // Сборник статей XI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 120-125.
17. Мальшкин Н. Г. Анализ уровня развития цифровой экономики России / Н. Г. Мальшкин, Е. А. Халимон // Вестник университета. 2018. С. 79-86.
18. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Режим доступа: <http://digital.gov.ru/ru/>. (Дата обращения: 12.11.2019).
19. Официальный сайт Росстата. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>. (Дата обращения: 12.11.2019).
20. Русановский В. А. Цифровизация как драйвер опережающего развития агломераций в России / В. А. Русановский, В. А. Марков // Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2018. № 4(32). С. 17-27.
21. Сологубова Г. С. Составляющие цифровой трансформации : монография. Москва : Юрайт, 2018. 141 с.
22. Структура телеком-рынка РФ. Режим доступа: <http://tmt-consulting.ru>. (Дата обращения: 15.11.2019).
23. Фомин А. А. Формирование информационного пространства в современной России: проблемы и перспективы // Известия Саратовского университета. 2019. Т. 19. № 2. С. 192-195.
24. Цифровая экономика и пути ее развития. Режим доступа: <https://wtmoscow.ru>. (Дата обращения: 16.11.2019).
25. Цифровая экономика: 2019: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва : НИУ ВШЭ, 2019. 96 с.
26. Эскиндаров М. А. Риски и шансы цифровой экономики в России / М. А. Эскиндаров, В. В. Масленников, О. В. Масленников // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23. № 5. С. 6-17.
27. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». Режим доступа: <http://www.gks.ru/>. (Дата обращения: 15.11.2019).
28. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Режим доступа: <http://government.ru/>. (Дата обращения: 15.11.2019).

Bibliograficheskij spisok

1. Aleksandrova T. V. Cifrovoe neravenstvo regionov Rossii: prichiny, ocenka, sposoby preodolenija // Jekonomika i biznes: teorija i praktika. 2019. № 8. S. 9-12.
2. Babynina L. S. Cifrovoe neravenstvo: prichina i posledstvija. Rezhim dostupa: <https://digital.msu.ru/wp-content/uploads>. (Data obrashhenija: 10.11.2019).
3. Batrakova L. G. Razvitie cifrovoj jekonomiki v regionah Rossii // Social'no-politicheskie issledovanija. 2018. № 1. S. 51-64.
4. Bachilo I. L. Cifrovizacija upravljenija i jekonomiki – zadacha obshhegosudarstvennaja // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 2. S. 59-69.
5. Buht R. Opredelenie, koncepcija i izmerenie cifrovoj jekonomiki / R. Buht, R. Hiks // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2018. T. 13. № 2. S. 143-172.
6. Bylina S. G. Cifrovoe neravenstvo sel'skogo naselenija: poselencheskie razlichija // Regional'nye agrosistemy: jekonomika i sociologija. 2019. № 2. S. 107-113.
7. Gladkova A. A. Model' trjoh urovnej cifrovogo neravenstva: sovremennye vozmozhnosti i ogranichenija (na primere issledovanija Respubliki Tatarstan) / A. A. Gladkova, V. Z. Garifullin, M. Ragnedda // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2019. № 4. S. 41-72.
8. Zhadan I. Je. Social'nye riski v cifrovoj jekonomike // Gumanitarnyj nauchnyj zhurnal. 2018. № 1. S. 20-26.
9. IKT v regionah 2018. Rezhim dostupa: <https://www.cnews.ru>. (Data obrashhenija: 20.11.2019).
10. Indikatory innovacionnoj dejatel'nosti: 2018: statisticheskij sbornik / N. V. Gorodnikova, L. M. Gohberg, K. A. Ditkovskij [i dr.] ; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». Moskva : NIU VShJe, 2018. 344 s.
11. Indikatory cifrovoj jekonomiki: 2018: statisticheskij sbornik / G. I. Abdrahmanova, K. O. Vishnevskij, G. L. Volkova, L. M. Gohberg [i dr.] ; Nac. is-sled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». Moskva : NIU VShJe, 2018. 268 s.
12. Informacionnoe obshhestvo v Rossijskoj Federacii. 2018: statisticheskij sbornik / M. A. Sabel'nikova, G. I. Abdrahmanova, L. M. Gohberg, O. Ju. Dudorova [i dr.] ; Rosstat ; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». Moskva : NIU VShJe, 2018.
13. Kapranova L. D. Cifrovaja jekonomika v Rossii: sostojanie i perspektivy razvitiya // Jekonomika, nalogi, pravo. 2018. T. 2. № 11. S. 58-69.
14. Krys'ko V. N. Problema cifrovogo neravenstva i ee ustranenie / V. N. Krys'ko, A. V. Sidorova // Problemy razvitiya predpriyatij: teorija i praktika. 2018. S. 193-196.
15. Lobanova N. M. Jefferektivnost' informacionnyh tehnologij / N. M. Lobanova, N. F. Altuhova. Moskva : Jurajt, 2019. 237 s.
16. Maksimov M. I. Problemy cifrovogo neravenstva i innovacionnoe razvitie regionov // Sbornik statej XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2018. S. 120-125.
17. Malyshkin N. G. Analiz urovnja razvitiya cifrovoj jekonomiki Rossii / N. G. Malyshkin, E. A. Halimon // Vestnik universiteta. 2018. S. 79-86.
18. Oficial'nyj sajt Ministerstva cifrovogo razvitiya, svjazi i massovyh kommunikacij Rossijskoj Federacii. Rezhim dostupa: <http://digital.gov.ru/ru/>. (Data obrashhenija: 12.11.2019).
19. Oficial'nyj sajt Rosstata. Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru/>. (Data obrashhenija: 12.11.2019).

20. Rusanovskij V. A. Cifrovizacija kak drajver operezhajushhego razvitija aglomeracij v Rossii / V. A. Rusanovskij, V. A. Markov // Nauchno-analiticheskij zhurnal Nauka i praktika Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plehanova. 2018. № 4(32). S. 17-27.
21. Sologubova G. S. Sostavljajushhie cifrovoj transformacii: monografija. Moskva : Jurajt, 2018. 141 s.
22. Struktura telekomrynka RF. Rezhim dostupa: <http://tmt-consulting.ru>. (Data obrashhenija: 15.11.2019).
23. Fomin A. A. Formirovanie informacionnogo prostranstva v sovremennoj Rossii: problemy i perspektivy // Izvestija Saratovskogo universiteta. 2019. T. 19. № 2. S. 192-195.
24. Cifrovaja jekonomika i puti ee razvitija. Rezhim dostupa: <https://wtmoscow.ru>. (Data obrashhenija: 16.11.2019).
25. Cifrovaja jekonomika: 2019: kratkij statisticheskij sbornik / G. I. Abdrahmanova, K. O. Vishnevskij, L. M. Gohberg [i dr.] ; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». Moskva : NIU VShJe, 2019. 96 s.
26. Jeskindarov M. A. Riski i shansy cifrovoj jekonomiki v Rossii / M. A. Jeskindarov, V. V. Maslennikov, O. V. Maslennikov // Finansy: teorija i praktika. 2019. T. 23. № 5. S. 6-17.
27. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.05.2017 № 203 «O Strategii razvitija informacionnogo obshhestva v Rossijskoj Federacii na 2017-2030 gody». Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru/>. (Data obrashhenija: 15.11.2019).
28. Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28.07.2017 № 1632-r «Ob utverzhenii programmy «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii». Rezhim dostupa: <http://government.ru/>. (Data obrashhenija: 15.11.2019).

В. И. Пефтиев
Л. А. Титова

УДК Д01
<https://orcid.org/0000-0001-6357-7651>
<https://orcid.org/0000-0001-6209-8267>

Промышленность в регионах России в среднесрочной перспективе

Для цитирования: Пефтиев В. И., Титова Л. А. Промышленность в регионах России в среднесрочной перспективе // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 59–73. DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-59-73

В статье исследуются модификации роли и значения промышленности в регионах в Стратегии России на среднесрочную перспективу (до 2024 года). Промышленность перестала быть монополистом в целевых установках, то есть возникает неведомая ранее проблема выбора источников экономического роста и повышения благосостояния. Власти и бизнес ищут комбинации объектов инфраструктуры и промышленности, вложений в человеческий капитал и экономический рост, сочетание экспортной ориентации и выхода на внутренние рынки. Множество факторов влияют на экономический рост, в силу чего допускаются ошибки в экспертных оценках его динамики. Начинается применение дополнительных индикаторов, таких как, объемы перевозки грузов и пассажиров, потребление электроэнергии и теплоэнергии, индекс деловой активности и др. Отмечается большая дифференциация регионов по вкладу в прирост ВВП страны. Наиболее эффективными инструментами региональной промышленной политики являются создание конгломераций, кластеров и территорий опережающего развития. Российские регионы разделяются на регионы с активной промышленной политикой (20 субъектов), нефокусируемой промышленной политикой (20 субъектов), рискованной промышленной политикой (7 субъектов), отсутствием промышленной политики (34 субъекта, включая Ярославскую область). В этих условиях каждая дилемма нуждается в конструктивном сопровождении и выверенных решениях. По важнейшим компонентам Стратегии учтен региональный опыт.

Ключевые слова: промышленная политика, прорывные технологии, экономический рост, внешнеэкономические связи, пространственное обустройство.

V. I. Peftiev, L. A. Titova

Industry in Russia's regions in the medium term

The article examines modifications of the role and significance of industry in the regions in the Russian Strategy for the medium term (until 2024). Industry has ceased to be a monopolist in target settings, i.e. there is a previously unknown problem of

choosing sources of economic growth and increasing welfare. Authorities and businesses are looking for a combination of infrastructure and industry, investments in human capital and economic growth, a combination of export orientation and access to domestic markets. Many factors affect economic growth, which is why mistakes are made in expert estimates of its dynamics. Additional indicators are being applied, such as the volume of cargo and passenger transportation, electricity and heat consumption, business activity index, etc. There is a large differentiation of regions in terms of their contribution to the country's GDP growth. The most effective tools of regional industrial policy are the creation of conglomerations, clusters and territories of advanced development. Russian regions are divided into regions with active industrial policy (20 subjects), unfocused industrial policy (20 subjects), risky industrial policy (7 subjects), and no industrial policy (34 subjects, including the Yaroslavl region). In these conditions, each dilemma needs constructive support and verified solutions. Regional experience is taken into account for the most important components of the Strategy.

Keywords: industrial policy, breakthrough technologies, economic growth, foreign economic relations, spatial arrangement.

Введение

Старт национальных проектов оказался достаточно вялым по большинству макроэкономических индикаторов (ВВП, показатели промышленности, инвестиции, личные располагаемые доходы населения). Несогласные настаивают на изменении мандата Банка России: два таргета (целевые ориентиры) – инфляция и ВВП. Проявили определенное беспокойство и либералы в правительстве (А. Кудрин, Э. Набиуллина), лишь министр экономического развития (МЭР) М. Орешкин невозмутим с надеждой на выравнивание ситуации до конца 2019 года. Министр финансов О. Силуянов предлагает открыть общественную дискуссию относительно того, сколько средств Фонда национального благосостояния потратить и на какие цели. До Указа от 7 мая 2018 года президент В. В. Путин сохранял определен-

ную дистанцию от дискуссий концептуального характера. Текущий и последующие годы – время *сложных* решений на фоне коллизий приоритетов. Об этом позже.

Своеобразие нынешних дискуссий в правительстве и российском обществе можно обозначить как парадокс четырех приоритетов (4П). Первая дилемма выглядит как соотношение *технологий* и *промышленности*. Второй блок разногласий касается взаимодействия *инфраструктуры* и промышленности. Третья группа конфликта интересов вызвана спором: что лучше для экономического роста и в дальнейшем для улучшения благосостояния граждан – *экспортная ориентация* и/или насыщение внутреннего рынка. И последняя головоломка: *промышленность в регионах*, то есть как устранить разрыв между лидерами и аутсайдерами промышленного развития. В соответствии с этими ориентирами определен ал-

горитм изложения и исследования промышленной политики России. Предварительная авторская позиция (до основного содержания статьи) излагается в кратких комментариях.

Меняющиеся акценты в приоритетах России органично вписываются в контуры тенденции развития мировой экономики. Одной из таковых является *ревани* ресурсов и технологий в стратегии факторов ускорения, потеснивший прежний рейтинг *институтов*. После преодоления кризиса еврозоны (2017 год), по образному выражению С. А. Афонцева (ИМЭМО), «опустело последнее гнездо черных лебедей», то есть наметился поворот к ускорению [Афонцев, 2019, с. 36-37].

Технологии и промышленность

Словосочетание «Прорывные (высокие) технологии» не исчезают из лексикона политиков и экономистов, управленцев и бизнесменов, оппозиционеров и продвинутых граждан. У всех на слуху искусственный интеллект, блокчейн (Big Data), гаджеты G5 и др. Ажиотаж вокруг технологических новинок вольно или невольно искажает адекватное видение реальности – «свет» и «тени» авангардных технологий и ограничения на их применения в промышленности. Напомним некоторые из них. Технологический *лаг*, то есть разрыв во времени между зарождением технологии и ее воплощением в това-

рах и услугах. Неизбежны и технологические «паузы», и «угасание» некогда знаковых технологий: промышленные роботы и манипуляторы, нанотехнологии и композитные материалы и др., не забудем и о неуживчивом «сожигательстве» инноваций и модернизации. Перманентно присутствует в промышленности и феномен «созидательного разрушения» (*Й. Шумпетер*), то есть конкуренции старых и новых отраслей, производств. Промышленность вносит весомый вклад в экономический рост (ВВП, другие макроэкономические индикаторы) на базе технологий, *готовых* к применению и с *растущим* потенциалом.

Инфраструктура и промышленность

Национальные проекты (12) до 2024 года многовекторны. В триаду приоритетов наивысшей значимости и сложности (по объему финансирования) безусловно входит инфраструктура, главным образом *транспортная*: 6,3 трлн рублей из общего бюджета 25,7 трлн рублей. Этот выбор спорный (для оппонентов власти) и самый трудный в реализации (по объективным факторам и субъективным обстоятельствам). Объекты магистральной инфраструктуры решают уникальную задачу – *собрание* земель российских в Евразии, разорванных расстоянием и клочковатостью пространственного освоения. Преобразят Россию автострады Петербург –

Севастополь, Таврида, Крымский мост и мост через Амур, реконструкция БАМа и Транссиба, Северный морской путь (СМП) и др., но минусы этого стратегического выбора не скрыть от критиков. Во-первых, инфраструктура (производственная и социальная) лишь *опосредовано*, за редкими исключениями, способствует росту ВВП и промышленному подъему. Во-вторых, заслуживают особого внимания и другие сферы: а) промышленность и сопряженные с нею отраслевые комплексы; б) ОПК и армия; в) благосостояние населения (место в иерархии приоритетов – предмет жестких дискуссий). Иными словами, выбор состоит из 4 приоритетов (4П). Как быть? Головоломка для всех и каждого. В-третьих, транспортные стройки по определению дорогостоящие и требуют тщательного фильтра при отборе для проектирования и финансирования. Надеемся, что следующая шестилетка (до 2023 г.) откроет все шлюзы и для промышленных инвестиций максимально возможных масштабов.

Внутренний рынок и/или экспортная ориентация?

Проблема примирения этих двух стратегий самая динамичная и одновременно самая противоречивая. Зарубежные политологи обычно объясняют экономические успехи Китая рассудительной и своевременной сменой моделей (программ) реформ. Самая малоизвестная, но

эффективная реформа – это освобождение от административных пут сельских домохозяйств и общин (с 1978 г.) с целью насыщения страны продовольствием и сырьем. Десятилетиями постепенно Китай готовил вторжение на мировые рынки и на финише – первая индустриальная держава мира. Но времена меняются, и Китай перепрограммирует свою экономическую матрицу под запросы населения и отечественных фирм, сохраняя значимые экспортные позиции.

Многообразие ресурсов России благоприятствует приемлемой комбинации той и другой политики, ожидая появления, в конце концов, *градиалистской концепции* (встречного движения). Варианты гибридной комбинации могут быть разными для приморских и сухопутных регионов и территорий России. Конечно, нельзя исключать конфликты и трения властей и бизнеса по поводу конкретных проектов, программ, объектов. Нечто подобное наблюдаем по энергоносителям, зерновым, рыбе и морепродуктам, древесине и др. Новые конфигурации внешней торговли могут быть обусловлены геополитическими и геоэкономическими факторами. Конкретный пример – газовый рынок Европы. Взаимоотношения России и Европы в газовой сфере, по материалам исследовательской группы НИУ ВШЭ, перешли от стратегического партнерства к обычному коммерческому взаимодействию, отягощенному к

тому же политическими разногласиями и межтопливной конкуренцией (природный газ и СПГ). Для России нецелесообразно полностью отказываться от долгосрочных контактов, обеспечивающих гарантированные объемы поставок, целиком переходя на оптовую торговлю [Газовый рынок ... , с. 5, 7]. Последующие события подтвердят или опровергнут обоснованность перебазирувания поставок энергоносителей в АТР и – особо – Юго-Восточную Азию (ЮВА).

Промышленность в регионах России: куда направлять инвестиции?

Неоднозначность экономического пространства России – это вечное проклятие или наследие, которое можно последовательно выравнивать опережающими мерами? Ответы даются разные, не всегда реалистичные и справедливые. Здесь наш комментарий будет кратким. И даже знатоки высказываются с предельной осторожностью, надеясь на прагматизм инициатив. И лишь *Д. Астафьев* (НИУ ВШЭ) выдвигает концепцию пространственного развития России в противовес официальному развороту на Восток (охранная стратегия). Ему импонируют *диагональная логистика* с выделением *поясов реиндустриализации*. На обсуждение выдвигаются нижеследующие амбициозные проекты: 1) Тюмень – Якутия; 2) Самара – Оренбург; 3) Волгоград – Саратов – Иран;

4) Челябинск – Казахстан. К концу 2020-х годов поясами индустриализации могут стать Южный Урал и Нижняя Волга, Новороссийск или Мурманск, Прибайкалье (*Эксперт*, 15-21.04.2019). Ждем оживления дискуссий по актуальной теме.

Промышленная политика России: оценки и возможности

Научно-экспертное сообщество неоднозначно высказывается о новой стратегии России на среднесрочную перспективу. Доводы «за» и «против» старые (по инерции), обновленные с конструктивными вкраплениями. Послушаем ведущих представителей основных течений российской экономической мысли.

В. В. Миронов (НИУ ВШЭ) дополняет и уточняет аргументы о необходимости долгосрочных институциональных реформ. В предметное поле этих реформ необходимо включить независимые суды, честную конкуренцию, эффективные институты. Они (реформы) должны придать общественным институтам *инклюзивность* (комбинирование экономических и внеэкономических факторов), антикоррупционную направленность, обеспечить открытый и справедливый доступ к факторам производства и результатам экономического развития для всех групп населения. Диверсификация российской экономики требует сохранения и интенсификации *лидерских* функций государства по улучшению *инфра-*

структуры для снижения *транзакционных издержек* (ТАИ) индивидуальных фирм [Миронов, 2019, с. 33]. Промышленный рост в России ограничивают вялый спрос внутри страны и со стороны импортеров, высокие налоги и кредитные ставки и др. Часть этих ограничений можно снять загрузкой недоиспользованных мощностей и стимулированием экспорта (тренд наметился после 2010 г.) [Миронов, 2019, с. 17, 21]. Классический пример *асимметрии* либерального этатизма в рассуждениях российских лидеров. К этому добавим присущую либералам растерянность относительно того, какие экспортные подсектора и товарные группы могут быть драйверами экономического роста. Отмечается и высокая «смертность» компаний-экспортеров по сравнению с предприятиями, работающими на внутренний рынок [Миронов, 2019, с. 28].

Принципиальный оппонент постсоветской власти журнал «Экономист» предоставил незамедлительно свои страницы академику РАН В. Бетелину для изложения его позиции по Указу президента от 07.05.2018. Тезисы В. Бетелина расхожие [Фельдман, 2018], но с неожиданной поляризацией производства *вещей* (материальное производство в марксистской традиции) и экономикой *услуг* (из лексикона мейнстрима). Промышленность производит деньги для *акционеров*, а не предприятиям и их

трудовым коллективам. Главная беда российского образования состоит в подготовке потребителей и пользователей массовой промышленной продукции компаний – лидеров глобальных рынков, а вовсе не подготовки кадров для промышленности, науки и образования. Двенадцать национальных проектов обеспечат рост экономики услуг, но не экономики промышленного производства. Модель для России – государственная программа вооружений (ГПВ) и военно-промышленный комплекс (ВПК) [Бетелин, 2019, с. 3, 7, 9]. Мы оставляем без комментариев ностальгические нотки о реалиях советской эпохи (ведь она заслуживает уважения к былому). Академик одновременно прав и неправ (оценки – дело, компетенция будущих историков). Наши возражения по другому поводу – вещи и услуги состоят в органическом единстве и противостоянии; напомним о роли и значении *пред- и постпродажных услуг* по любым товарам потребительского и производственного назначения. Вспомним роль сервисных фирм в «сланцевой революции».

Ректор РАНХ и ГС В. А. Мау предлагает близкое к официозу видение предстоящих перемен в Стратегии социально-экономического развития России. Нас ждет *ускорение* после десятилетия экономического *торможения* (2008-2018 гг.), без повторения ошибок Перестройки. Намечается

поворот к стимулированию *предложения*, то есть реального сектора экономики. Будет доминировать *проектных подход* к инвестициям – приоритетные проекты с жесткой административной ответственностью за достижение конкретных результатов. Модераторами инвестиций избраны *финансово-промышленные группы (ФПГ) и корпорации с государственным участием*. Санкции Запада против России *всерьез и надолго*. Финансовые ресурсы России будут сконцентрированы на *страховании* рисков геополитических потрясений [Мау, 2019]. Эти векторы позволяют сделать вывод о новаторско-консервативной парадигме социально-экономического развития России до середины 20-х годов XXI века.

Академик *С. Глазьев* расширяет горизонты видения и размышляет о необходимости и возможности Большого евразийского партнерства и учреждения международного консорциума ТЕПР, сочленения

ЕАЭС и транснационального проекта «Один пояс – один путь». В программе Большого евразийского партнерства числятся транспортные коридоры через Россию, а также создание авиастроительного консорциума с максимальным использованием потенциала инженерных школ и фирм России [Глазьев, 2019, с. 15-17].

Макро итоги за трехлетку мало динамичны и разбалансированы (см. табл. 1). Соответственно, аналитики в замешательстве: то ли *восстановительный* рост находится в паузе, то ли *рецессия* скрытно приближается. Промышленность еще пока не гарантирует устойчивого роста ВВП, ровно, как и инвестиции в основной капитал. Ожидается замедление темпов экономического роста до 1,3 %. Наблюдается феномен блуждающих отрезков, которые не соединяются в геометрические фигуры с собственной логикой и скоростью движения.

Таблица 1.

Динамика экономического роста в России (%)

Год	ВВП	Промышленность	Инвестиции в основной капитал	Инфляция
2017	1,6	1,0	4,8 (4,4)	3,7
2018	2,3	2,0	4,3	2,1
2019 (итог первого полугодия)	0,7	2,8	3,1% (прогноз)	Август 4,1
1 кв.	0,5 (к/к)	2,1		
2 кв.	0,9 (г/г)	3,0		

Источник: Росстат

Экономический рост относится к непознанной загадке из-за множества факторов: от зримых, например, выручка от продажи товаров и оказания услуг, с одной стороны, и причуд потребительского поведения – с другой. Профессионалы рынка рискуют ошибиться в своих оценках и прогнозах, если будут замыкаться квартальными данными. Они (данные) по методике сбора – предварительные, с ошибками и пропусками. Экономический анализ взял на вооружение дополнительную группу индикаторов – *опережающих* публикацию месячных и квартальных данных. Из заветной «шестерки» наиболее распространенные нижеследующие: а) перевозки грузов и пассажиров всеми видами транспорта, б) потребление электроэнергии, тепла и пара, в) индекс деловой активности PMI [Богданов, 2018]. Использование опережающих параметров, чувствительных к *колебаниям* экономической конъюнктуры, подскажет политику и бизнесмену время и место принятия решений с минимумом ошибок, потерь и разочарований.

Разбегающийся в разные стороны полицентризм формирования ВВП в России вынуждает не довольствоваться общими оценками, а в массиве статистики отыскивать зоны подъема и спада с неустойчивой динамикой для коррекции экономической политики. Узок круг регионов, обеспечивающих максимальный вклад в прирост ВВП и

технологическое перевооружение промышленности. В каждом федеральном округе один–два ядра; диверсификация еще пока мало затронула отраслевую структуру промышленности, в том числе по Верхней Волге и Среднерусской равнине. Но «точки роста» промышленной модернизации множатся и в «депрессивных» регионах. К примеру, в Ивановской области за последние два-три года запущен льняной кластер с полным технологическим циклом, а также цифровая фабрика одежды (технология 3-д принтера) и выработка тканей для спецодежды. Новые технологии внедряются на средних по размеру предприятиях [14]. Подобные инициативы должны стать правилом, а не исключением.

Промышленность и внешнеэкономические связи

Десятилетиями структурные реформы обходили стороной связку промышленности и внешнеэкономических связей (ВЭС). Монопольное положение экспорта энергоносителей и сырья (нефть, газ, алюминий и др.) не вызывало, за редкими исключениями, особой тревоги властей и профессионалов. Атипичный кризис 2014-2016 гг. заставил срочно пересматривать стратегию и тактику в сфере промышленного экспорта неэнергетического (несырьевого) характера. Этот экспорт приобрел автономный статус национального приоритета – к 2024 году удвоить его объемы и оптимизи-

зировать его структуру. За сменой стратегии идут инструментальные новации из международного менеджмента, такие как матрица SWOT, CR3 (доля трех крупнейших компаний), 5 сил конкуренции *М. Портера* и др. Экспортная ситуация России к текущему моменту мозаична и неустойчива, подвержена влиянию разнонаправленных трендов. Перестановки в рейтингах экспортеров – 200 следуют одна за другой, но без значимых структурных сдвигов.

Однако и в этой малоподвижной сфере кое-что меняется. Аналитики «Эксперта» фиксируют феномен возрождения малого и среднего бизнеса (МСБ) в ранге экспортеров. Список растет (50 тысяч), но, увы, за счет малых, а не средних фирм. Они уверенно присутствуют в таможенной статистике и информационном пространстве. Им помогают ассоциация малых и средних экспортеров и региональные центры поддержки экспорта, в том числе и в Ярославле. Федеральная поддержка весомая. Нефинансовое содействие им оказывает ВТБ и другие институты развития. Но, к сожалению, у этого сегмента экспортеров мало «историй» (case study), поучительных для всего бизнеса [Фельдман, 2018]. Плюсы и минусы отечественного МСБ отчетливо просматриваются в Ярославской области [Актуальные вопросы ... , 2018]. К этой констатации добавим и личные наблюдения. Боязнь быть младшим партнером

крупного бизнеса-экспортера еще не преодолена. Вторая слабость происходит из скромного опыта продвижения своих изделий и услуг на незнакомые, новые рынки. К великому сожалению, ярославские предприятия не являются более флагманами российской индустрии и экспорта.

Однако, по крупным экспортерам ситуация, за редкими исключениями, существенно не меняется. Видимо, назрели перемены во внешнеторговой политике. Некоторые из них обозначены в докладе НИУ ВШЭ. Экспортная ориентация должна быть *многомерной*, в том числе и для *средних* компаний. Эффективность импортозамещения из года в год снижается. Поэтому назрели предпосылки для конкуренции на внешних рынках. Немалыми шансами обладает *продукция АПК* с диверсификацией и интенсификацией поставок [Структурная политика ... , 2019, с. 15-18, 20].

Россия слабо смотрится в статистике мировой внешней торговли (см. табл. 2). По итогам 2018 года доля российского экспорта менее даже символических 3 % (критерий узнаваемости), она (доля) приближается к позиции Франции; в международной таблице о рангах – «среднее государство с глобальной ответственностью». Российский импорт существенно упал вследствие атипичного кризиса 2014-2016 гг. и санкций США, ЕС, Японии и др. Информация к размышлению.

Таблица 2.

Место России в статистике мировой внешней торговли

Мировой экспорт		Мировой импорт	
Страна	%	Страна	%
1. Китай	12,9	1. США	13,3
2. США	8,6	2. Китай	10,9
3. Германия	8,0	3. Германия	6,6
7. Франция	2,9	6. Франция	3,4
14. Россия	2,3	21. Россия	1,3

Источник: Данные МВФ, ВТО

Мировые гиганты США и АТР пока недостижимы для российских ТНК по набору ключевых параметров (капитализация, выручка, чистая прибыль, персонал и др.). Предпочтительно их сравнивать по конкурентоспособности с европейскими корпорациями; с некоторыми из них налажено плодотворное сотрудничество. Полезная информация о деятельности ТНК содержится в рейтингах «FT» и «Forbs», хотя там присутствует мотив парада, смотра сил, медийный компонент. Рейтинги свидетельствуют об отраслевых сдвигах, географии притока и оттока капитала, конечных точках движения прибыли. Они же воспринимаются как предвестники зарождающихся трендов (позитивных или негативных сигналов) в нынешней эволюции глобализации. Так, возврат капитала в страну базирования (решортинг) означает на деле не только и не столько инструмент геополитики, сколько источник и рычаг *реиндустриализации* [Кондратьев, 2017]. Воспользуемся этими концептуальными показателями.

Французская Total и китайская CNPC участвуют в реализации проекта Ямал – СПГ. Более того, поставки сжиженного газа из России в Европу неожиданно стали значительными конкурентами США, а построенные впрок терминалы простаивают. Компенсационные задачи взамен выбывающих из эксплуатации месторождений нефти, газа и сырья решают российские ТНК в Африке, Венесуэле и на Ближнем Востоке. Эти инвестиции России за рубежом еще пока эпизодические, но уже критически важные. Ведущие автофирмы ЕС создают в России заводы с высокой степенью локализации в рамках специальных инвестиционных контрактов (СПИК). К ним присоединяются автопроизводители из Китая. Относительно легко адаптируются к российским реалиям европейские фирмы в пищевой индустрии. Процесс диверсификации экспорта и привлечения прямых иностранных инвестиций не имеет пространственных и временных границ.

Региональная промышленная политика

Экономическая наука и практика обогатили палитру (меню) инструментов региональной политики. Кумулятивным эффектом обладает *конгломерация* (рыночное сращивание предприятий и фирм с транспортной доступностью и численностью населения более 1 млн человек, с ядром и периферией). Менее сложное *экономико-территориальное образование*, именуемое *кластером*, пустило корни во многих регионах и получило права гражданства (субъектности). Кла-

стер представляет собой промежуточное звено между тесным рынком и начальной ступенью интеграции хозяйствующих субъектов в пространстве *мини-региона*. Власти привлекают инвесторов льготами «территории опережающего развития» (ТОР), таковые появляются и в европейской части России, например, на территории Ярославской области (Тутаев и Гаврилов Ям). Размещение в депрессивных регионах *амбициозных* проектов (с инвестициями на миллиарды рублей) на порядок оживляют деловую активность.

Таблица 3.

Объем инвестиций в основной капитал по отдельным регионам России

Регионы-лидеры по объему инвестиций			Регионы, показавшие наибольший и наименьший рост в 2018 году		
Субъекты РФ и автономные округа	млн руб.	Прирост в % к 2017 г.	Субъекты РФ и автономные округа	млн руб.	Прирост в % к 2017 г.
Москва	2429320,4	15,3	Республика Адыгея	31577,5	42,5
Ямало-Ненецкий авт. округ	1024427,0	5,5	Еврейская авт. область	16821,1	40,9
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	922087,7	3,4	Республика Крым	296018,7	34,1
Московская область	897800,6	22,7	Республика Хакасия	32558,9	33,1
Санкт-Петербург	747406,7	4,3	Астраханская область	106674,2	-36,9
Республика Татарстан	629731,0	-3,5	Ростовская область	252850,2	-23,6

Источник: Росстат

Исследовательской коллектив НИУ ВШЭ изучил пространственную карту (атлас) России с точки зрения совпадения (совмещения) и различия *отраслевой* специализации и *кластерного* развития. Картина, как предполагалось, получилась разноречивая. Ученые выделили 4 ситуации: А) *Активная* политика с резервами масштабирования (20 субъектов федерации, в их числе Вологодская область). Б) *Нефокусируемая* промышленная политика (20 субъектов федерации, включая Тверскую и Костромскую области). В) *Рискованная* политика (7 субъектов федерации). Г) *Отсутствие* промышленной политики (34 субъекта федерации, в том числе, среди прочих названы Владимирская, Ивановская и Ярославская области). Безусловными лидерами кластерного развития на протяжении многих лет остаются Москва, Санкт-Петербург, Татарстан и Московская область. Эти же регионы являются лидерами по объему инвестиций в основной капитал (см. табл. 3). Кластеры подразделяются на: а) пилотные, инновационные, б) лидеры с инвестиционной привлекательностью мирового значения, в) кластеры в процессе становления [Куценко, 2019, с. 70, 79, 81, 85-86].

Авторский обзор промышленной политики России, видимо, не свободен от субъективизма и лояльности к федеральной власти. Нас привлекает *панорамное видение* в среднесрочной перспективе, а не

критика очевидных слабостей, неудач и даже провалов. Наш умеренный и взвешенный оптимизм отражен в послании. Может быть, в недалеком будущем новые (неназванные сегодня) регионы проявят себя в статусе драйверов ускорения.

Послесловие

Промышленность России инкорпорирована в мирохозяйственные связи, которые подвергаются изменениям с неясным исходом. США противятся распаду однополярного мира через брутальный (эгоистичный) неопротекционизм, но коллективные усилия сторонников полицентризма еще пока не могут переломить негативные тенденции в нынешнем миропорядке. Санкции Запада против России исчерпывают свою силу, но российская экономика и гражданское общество устали от их постоянного присутствия. Лимит на кризисные ситуации, к которым так или иначе «привязывают» Россию, находится у критической черты. Необходимы, если не устойчивые компромиссы по конфликтам, то, по крайней мере, их «замораживание». Такой внешний (санкционный) фон *ограничивает* финансовые ресурсы государства и подталкивает к тесному *сотрудничеству с бизнесом*, то есть предвидится новая фаза (стадия, период) государственно-частного партнерства (ГЧП) по национальным проектам.

Новые явления в социально-экономическом ландшафте России

должны быть взвешенно учтены властью и оппозицией. Запасы нефти близки к истощению, а прирост добычи и экспорта возможен по прорывным технологиям в Африке и в дальнем Зарубежье [Богданов, 2018]. Лидерство государства в России надлежит разумно укреплять из-за императива *геополитики* – контроль государства за базовыми отраслями, ключевыми рынками, с учетом новых принципов и правил глобальной конкуренции [Крутиков, 2019]. Соответственно большая приватизация, видимо, будет отодвинута на более благоприятные сроки не только по соображениям конъюнктуры, но и геополитики. «Узкие места» в промышленности России обусловлены хроническим (застойным) отставанием *инфраструктуры* по хранению и переработке продукции от ввода в эксплуатацию природных ресурсов (земли, воды, леса, рыба и морепродукты, овощи и фрукты и др.). Без достойной инфраструктуры АПК самые правильные пожелания опережающего роста промышленности обернутся высокими трансформационными издержками (ТФИ) без ожидаемой отдачи.

Российский бизнес не отличается способностью к *риску* и *самокритике*. Эта «детская болезнь» присуща богатым, отказывающимся

вкладывать свои накопления (легитимные и не очень) в реальные проекты любой спецификации. Они предпочитают расходовать (покупать) товары премиум качества, драгоценности, антиквариат, показную недвижимость. Бизнес уводит свои капиталы в наличность (кэш), а подает как увеличение прибыли [Структурная политика ... , 2019]. Имеются и серьезные нарекания к власти (федеральной и региональной). Ссылки бизнеса на инвестиционный климат, потребительский спрос, процентные ставки обоснованы. Но верно и то, что бизнес *ждет* (а не действует) потока бюджетных денег (из ФНБ и бюджета национальных проектов). В порядке эксперимента можно было бы проверить целесообразность *проектной эмиссии* с использованием счетов *эскроу* (аналог задепозитов в ипотеке). Благожелательного отношения к себе заслуживают и госкорпорации, курирующие прорывные технологии. Феномен «фронтара», то есть постепенного освоения территорий, знаком по экономической истории США. Почему бы не апробировать российскую версию «фронтара» с привлечением коренных жителей и мигрантов? Сказанное в статье – это приглашение к размышлениям и действиям.

Библиографический список

1. Актуальные вопросы разработки экспортной стратегии региона : коллективная монография. Ярославль : ЯрГУ, 2018. 238 с.

2. Афонцев С. А. Новые тенденции в развитии мировой экономики // МЭ и МО. 2019. № 5. С. 36-46.
3. Бетелин В. России необходим отказ от «экономики услуг» и переход к экономике промышленного производства // Экономист. 2019. № 2. С. 3-12.
4. Богданов А. Л. Опережающие индикаторы – инструменты экономического прогнозирования // Экон. науки совр. России. 2018. № 2. С. 35-53.
5. Газовый рынок Европы: утраченные иллюзии и робкие надежды. Москва : НИУ ВШЭ, 2015. 85 с.
6. Гладков И. С. Мировая товарная торговля в 2018 г.: перемены в группе лидеров (успехи и неудачи). Власть. 2109. № 2. С. 88-92.
7. Глазьев С. Большое евразийское партнерство как форма становления нового мирохозяйственного уклада / С. Глазьев, С. Глазьева // Экономист. 2019. № 7. С. 3-27.
8. Кондратьев В. Решортинг как форма индустриализации // МЭ и МО. 2017. № 9. С. 54-65.
9. Крутиков Л. В. Контуры нового миропорядка: изменения принципов и правил конкуренции за энергетические ресурсы. Власть. 2019. № 3. С. 28-33.
10. Куценко Е. С. Фокусированная региональная промышленная политика без отраслевой специализации / Е. С. Куценко, В. А. Абашкин, Е. А. Исланкина // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 65-89.
11. Министерство экономического развития РФ. Картина экономики. Январь 2019. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMasro/2019120201>. (Дата обращения: 20.02.2020)
12. Мау В. А. Национальные цели и модели экономического роста: новое в социально-экономической политике России // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 5-28.
13. Миронов В. В. О диагностике текущего состояния российской экономики и перспективах ее роста // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 5-35.
14. Николаева Е. Е. Развитие высокотехнологичной обрабатывающей промышленности как государственная задача. Экономист. 2019. № 7. С. 54-64.
15. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка. Доклад НИУ ВШЭ // Вопросы экономики. 2019. № 6. С. 5-28.
16. Фельдман, В. Десять тезисов о стратегии – 2024 // Экономист. 2018. № 12. С. 3-5.

Bibliograficheskij spisok

1. Aktual'nye voprosy razrabotki jeksportnoj strategii regiona : kollektivnaja monografija. Jaroslavl' : JarGU, 2018. 238 s.
2. Afoncev S. A. Novye tendencii v razvitii mirovoj jekonomiki // MJe i MO. 2019. № 5. S. 36-46.
3. Betelin V. Rossii neobhodim otkaz ot «jekonomiki uslug» i perehod k jekonomike promyshlennogo proizvodstva // Jekonomist. 2019. № 2. S. 3-12.
4. Bogdanov A. L. Operezhajushhie indikatory – instrumenty jekonomicheskogo prognozirovaniija // Jekon. nauki sovr. Rossii. 2018. № 2. S. 35-53.

5. Gazovyy rynek Evropy: utrachennye illjuzii i robkie nadezhdy. Moskva : NIU VShJe, 2015. 85 s.
6. Gladkov I. S. Mirovaja tovarnaja trgovlja v 2018 g.: peremeny v gruppe liderov (uspehi i neudachi). Vlast'. 2109. № 2. S. 88-92.
7. Glaz'ev S. Bol'shoe evrazijskoe partnerstvo kak forma stanovlenija novogo mirohozjajstvennogo uklada / S. Glaz'ev, S. Glaz'eva // Jekonomist. 2019. № 7. S. 3-27.
8. Kondrat'ev V. Reshorting kak forma industrializacii // MJe i MO. 2017. № 9. S. 54-65.
9. Krutikov L. V. Kontury novogo miroporjadka: izmenenija principov i pravil konkurencii za jenergeticheskie resursy. Vlast'. 2019. № 3. S. 28-33.
10. Kucenko E. S. Fokusirovannaja regional'naja promyshlennaja politika bez otraslevoj specializacii / E. S. Kucenko, V. A. Abashkin, E. A. Islankina // Voprosy jekonomiki. 2019. № 5. S. 65-89.
11. Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija RF. Kartina jekonomiki. Janvar' 2019. Rezhim dostupa: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMacro/2019120201>. (Data obrashhenija: 20.02.2020)
12. Mau V. A. Nacional'nye celi i modeli jekonomicheskogo rosta: novoe v social'no-jekonomicheskoy politike Rossii // Voprosy jekonomiki. 2019. № 3. S. 5-28.
13. Mironov V. V. O diagnostike tekushhego sostojanija rossijskoj jekonomiki i perspektivah ee rosta // Voprosy jekonomiki. 2019. № 2. S. 5-35.
14. Nikolaeva E. E. Razvitie vysokotehnologichnoj obrabatyvajushhej promyshlennosti kak gosudarstvennaja zadacha. Jekonomist. 2019. № 7. S. 54-64.
15. Strukturnaja politika v Rossii: novye uslovija i vozmozhnaja povestka. Doklad NIU VShJe // Voprosy jekonomiki. 2019. № 6. S. 5-28.
16. Fel'dman, V. Desjat' tezisov o strategii – 2024 // Jekonomist. 2018. № 12. S. 3-5.

**ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В. А. Ясвин

УДК 371.2

<https://orcid.org/0000-0002-4740-4235>

Технология средового проектирования в образовании

Для цитирования: Ясвин В. А. Технология средового проектирования в образовании // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 74-93.
DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-74-93

Представлены методологические основы средового проектирования в образовании, на основе которых создана авторская модель проектного поля образовательной среды и разработана проектная технология. Дано определение образовательной среды как пространственно и/или событийно ограниченной совокупности возможностей для развития личности, возникающих под влиянием педагогически спроектированных организационно-технологических и пространственно-предметных условий, а также случайных факторов в контексте событийного взаимодействия членов школьного сообщества. Технология средового проектирования в образовании заключается в проектировании на основе комплекса средовых параметров и системы проектных принципов организационно-технологического, социального и пространственно-предметного компонентов среды путём организации возможностей для удовлетворения всего иерархического комплекса потребностей личности. Представленная в статье технология средового проектирования в образовании или эколого-педагогического проектирования относится к образовательному проектированию и социально-педагогическому проектированию, соответствует стратегии усовершенствования и преобразования среды, включает многообразные проектные пространства и этапы педагогического проектирования. Технология средового проектирования в образовании включает взаимосвязанное проектирование пространственно-предметного, социального и организационно-технологического компонентов образовательной среды для удовлетворения социогенных потребностей человека и реализации личностных ценностей всех членов образовательного сообщества. В статье представлены продукты исследовательской деятельности: модель проектного поля образовательной среды, система принципов эколого-педагогического проектирования, параметральный ряд показателей образовательной среды. Раскрывается психолого-педагогический смысл и содержание проектирования образовательной среды на трёх уровнях: на основе организации возможностей реализации личностных потребностей членов образовательного сообщества, на основе требований к эффективности её

компонентов, на основе системы проектных критериев. Данная статья направлена на разрешение противоречия между необходимостью целенаправленной педагогической организации образовательных сред как средства достижения личностных образовательных результатов обучающихся и недостаточной разработанностью на основе единой методологии технологического инструментария, обеспечивающего системное развитие личностно развивающих школьных сред.

Ключевые слова: образовательная среда, технология, педагогическое проектирование, модель, проектное поле, параметры среды, потребности личности, принципы проектирования среды.

THEORY, METHODS AND ORGANIZATION OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

W. A. Yasvin

Technology of environmental design in education

The article presents the methodological foundations of environmental design in education, based on which the author's model of the project field of the educational environment was created and the design technology was developed. The author defines the educational environment as a spatially and / or event-limited set of opportunities for personal development that arise under the influence of pedagogically designed organizational, technological, and spatial-subject conditions, as well as random factors in the context of event-based interaction of members of the school community. The technology of environmental design in education consists in designing on the basis of a set of environmental parameters and a system of design principles of organizational, technological, social, and spatial-subject components of the environment by organizing opportunities to meet the entire hierarchical complex of individual needs. The technology of environmental design in education or environmental-pedagogical design presented in the article refers to educational design and socio-pedagogical design, corresponds to the strategy of improving and transforming the environment, includes diverse design spaces and stages of pedagogical design. The technology of environmental design in education includes the interrelated design of the spatial-subject, social, and organizational-technological components of the educational environment to meet the sociogenic needs of a person and realize the personal values of all members of the educational community. The article presents the products of research activities: a model of the project field of the educational environment, a system of principles of ecological and pedagogical design, and a parametric set of indicators of the educational environment. Reveals psychological and pedagogical meaning and content design of the educational environment at three levels: through the organization of opportunities the implementation of personal needs of members of the educational community, based on the performance requirements of its components, based on system design criteria. This article is aimed at resolving the contradiction between the need for purposeful pedagogical organization of educational environments as a means of achieving personal educational results of students and the lack of development of technological tools based

on a single methodology that ensures the system development of personal developing school environments.

Keyword: educational environment, technology, pedagogical design, model, project field, environment parameters, personal needs, principles of environment design.

Слово «проектирование» происходит от латинского *projectus*, означавшего «вытягивание», «вытянутое положение». Особенностью проектирования является не изучение уже существующих образовательных практик, а создание и познание новых образовательных продуктов [Давыдов, 1996].

Проектирование в области педагогики и образования относится к социальной сфере, а его продукт относится к разряду гуманитарных проектов [Жиркова, 2014]. В образовательном проектировании, ориентированном на обеспечение качества образования и инновационные изменения образовательных систем и институтов [Колесникова, 2005], выделяются *психолого-педагогическое проектирование* образовательных процессов и *социально-педагогическое проектирование* образовательных институтов и образовательных сред [Слободчиков, 1997]. Рассматриваются две стратегии педагогического проектирования: *адаптация* к условиям социальной среды и *усовершенствование или преобразование* среды в соответствии со своими ценностями, целями, убеждениями [Щедровицкий, 1993].

Важность средового (экологического) содержания педагогического проектирования подчёркивается К. В. Дрозд и И. В. Плаксиной:

«Средовая отнесенность, знаково-образная принадлежность к определенной среде формируют экологическую составляющую проектной культуры. Отсутствие данной составляющей иногда обрекает на неудачу самые привлекательные на первый взгляд проекты» [Дрозд, Плаксина, 2017, с. 53]. Этими авторами также выделяются «физическое пространство проекта», «социальное пространство проекта» и «парадигмальное пространство проекта».

Выделяются пять этапов педагогического проектирования.

1. Подготовка к проектированию, включающая предварительную оценку проблем и противоречий; определение предметов анализа; разработку концепции проектирования, установление целей и различных условий проектирования; формирование проектной группы.
2. Предпроектный анализ, включающий анализ организации образовательной системы школы и её элементов; стратегических направлений ее развития; соответствия социальному заказу; оценку состояния и потенциальных возможностей системы.
3. Выработка проектных решений, разработка программы действий по их выполнению предполагает оценку альтернатив; критический анализ; принятие и формулирование решений; обсуждение, определение програм-

мы действий. 4. Системные изменения и включение выработанных решений в проект предполагает определение средств изменения проектируемого объекта; моделирование изменений; разработку механизмов изменения; проверку предлагаемых средств на модели. 5. Маркетингизация результатов проектирования включает обобщение результатов проектирования; разработку комплекса методик для исполнителей проекта, анализ эффективности его реализации [Моисеев, 2001].

Разработанная нами технология средового проектирования в образовании или эколого-педагогического проектирования относится к образовательному проектированию, согласно И. А. Колесниковой, к социально-педагогическому проектированию, согласно В. И. Слободчикову, соответствует стратегии усовершенствования и преобразования среды, согласно Г. П. Щедровицкому, включает все проектные пространства, выделенные К. В. Дрозд и И. В. Плаксиной, и все этапы педагогического проектирования, выделенные А. М. Моисеевым.

Технология включает взаимосвязанное проектирование каждого из трех компонентов образовательной среды: пространственно-предметного, социального и организационно-технологического [Ясвин, 2001], в контексте создания системы возможностей для удовлетворения всего иерархического

комплекса потребностей личности [Маслоу, 1982], социогенных потребностей человека [Климов, 1997] и реализации личностных ценностей [Леонтьев, 1997] всех членов образовательного сообщества.

Ключевое понятие данной технологии «образовательная среда» понимается как пространственно и/или событийно ограниченная совокупность возможностей для развития личности, возникающих под влиянием педагогически спроектированных организационно-технологических и пространственно-предметных условий, а также случайных факторов в контексте событийного взаимодействия членов школьного сообщества [Ясвин, 2019].

Методической матрицей проектирования может служить модель проектного поля образовательной среды (см. рис. 1).

Эпицентр проектирования – это точка взаимопроникновения пространственно-предметного, социального, организационно-технологического компонентов среды и субъекта образовательного процесса. Вокруг этого эпицентра организуется зона развивающих возможностей (см. табл. 1). При этом необходимо учитывать, что наряду с педагогически организованной и контролируемой зоной, неизбежно самоорганизуются также локальные участки спонтанных взаимодействий и взаимовлияний, которые могут выполнять как позитивную развивающую функцию,

так и негативную, искажающую процесс конструктивного личностного развития (заштрихованные участки на модели).

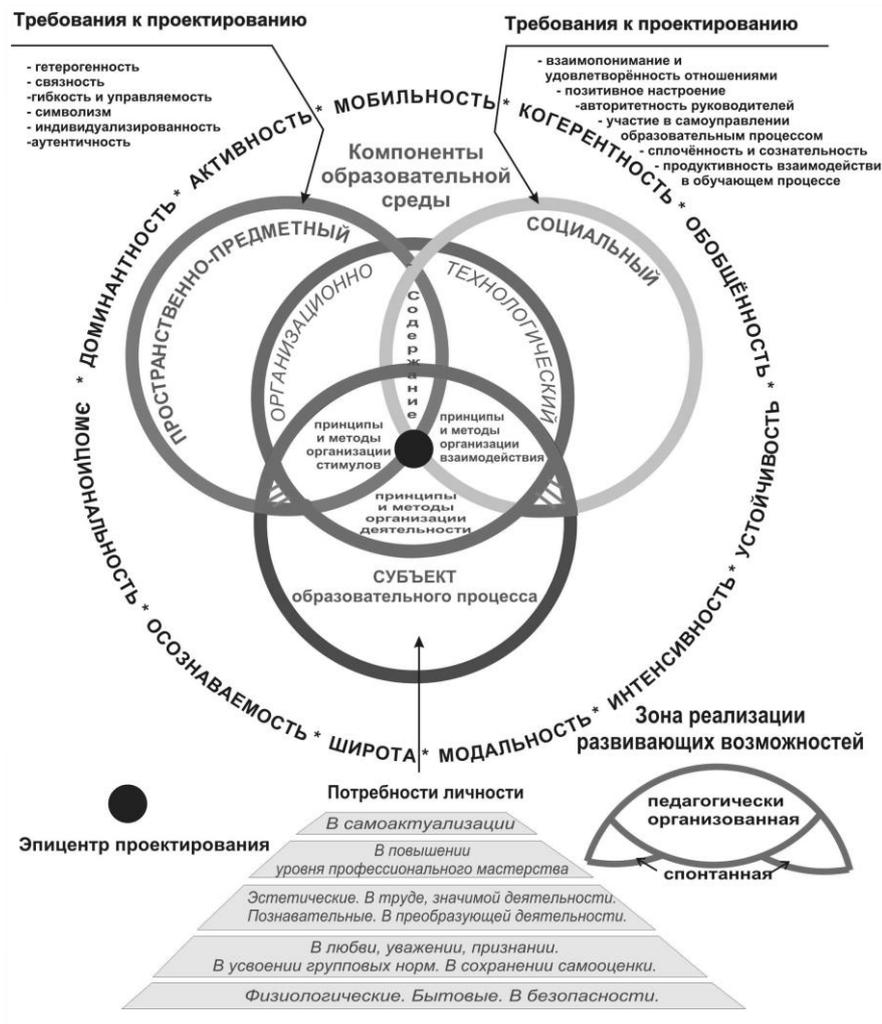

Рис. 1. Модель проектного поля образовательной среды

Система **принципов** эколого-педагогического проектирования базируется на теории возможностей [Гибсон, 1988], согласно которой возможность содержит два взаимо-

связанных аспекта – стимулы, поступающие из среды, и деятельность самой личности, направленная «навстречу» этим стимулам. Таким образом, при эколого-

педагогическом проектировании необходимо: во-первых, организовать соответствующий комплекс развивающих стимулов – пространственно-предметный компонент среды; во-вторых, организовать развивающую деятельность субъектов образовательного процесса – организационно-технологический компонент среды; в-третьих, организовать развивающее межличностное взаимодействие, опосредующее воздействие на личность соответствующих стимулов и включение её в соответствующую деятельность в контексте образовательного процесса – социальный компонент среды.

Сформулированы следующие принципы эколого-педагогического проектирования.

Принцип проектирования комплексной и гетерогенной образовательной среды заключается в педагогической целесообразности такого её проектирования, при котором данная среда обеспечивает членам образовательного сообщества разнообразные возможности развития (гетерогенность) по перцептивному, когнитивному и практическому каналам контактов с этой средой (комплексность).

При проектировании *пространственно-предметного* компонента среды данный принцип реализуется в педагогическом воздействии на личность комплекса разнородных *стимулов*, воспринимаемых, как по

перцептивному и когнитивному, так и по практическому каналам.

При проектировании *организационно-технологического* компонента среды данный принцип реализуется во включении личности в максимально разнообразные виды *деятельности*, актуализирующие перцептивные и когнитивные развивающие процессы, а также способствующие практическому освоению разнообразных предметных технологий.

При проектировании *социального* компонента среды данный принцип реализуется во включении личности в максимально разнообразные виды *социального взаимодействия*, способствующие перцептивному и когнитивному развитию, а также освоению ею коммуникативных компетенций.

Принцип ориентации на актуализирующий потенциал образовательной среды заключается в педагогическом проектировании такой среды, которая стимулирует действие соответствующих психологических механизмов личностного развития.

При проектировании *пространственно-предметного* компонента среды данный принцип реализуется в педагогической организации воздействия на личность таких *стимулов*, которые актуализируют включение психологических механизмов их личностного развития.

При проектировании *организационно-технологического* компо-

нента среды данный принцип реализуется в педагогическом включении личности в такие виды *деятельности*, в которых происходит её «встреча» с содержанием образования через задействование психологических механизмов, актуализирующих процесс личностного роста.

При проектировании *социально-го* компонента среды данный принцип реализуется в педагогической поддержке таких групповых норм, при которых способность личности к партнерскому *взаимодействию* выступает как социальная ценность, обуславливающая статус личности в группе, является объектом подражания, обеспечивая процесс личностного развития.

Принцип проектирования персонально адекватной образовательной среды заключается в педагогическом проектировании такой среды, которая обеспечивает возможности развития всех членов образовательного сообщества, с учетом их возрастных, половых, этнических, профессиональных и других специфических индивидуальных особенностей.

При проектировании *пространственно-предметного* компонента среды данный принцип реализуется в педагогической организации воздействия на членов образовательного сообщества таких *стимулов*, которые могут быть лично значимыми как для данной категории

субъектов, так и персонально для каждого из них.

При проектировании *организационно-технологического* компонента среды данный принцип реализуется в педагогическом включении личности в такие виды *деятельности*, которые максимально адекватны ее специфическим особенностям.

При проектировании *социально-го* компонента среды данный принцип реализуется в педагогической организации такого межличностного *взаимодействия*, при котором происходит принятие и поддержка каждого вне зависимости от его специфических личностных особенностей, не допускаются какие-либо формы дискриминации.

Эколого-педагогическое проектирование **пространственно-предметного компонента** среды базируется на системе критериев его эффективной организации, сформулированной на основе анализа работ Ю. Г. Абрамовой, В. В. Давыдова, Г. А. Ковалева, В. А. Петровского и др.: 1) гетерогенность и сложность среды; 2) связность функциональных зон среды; 3) гибкость и управляемость среды; 4) обеспечение символической функции среды; 5) индивидуализированность среды; 6) аутентичность среды. Основные критерии эколого-педагогического проектирования **социального компонента** среды сформулированы в

работах Н. П. Анисеевой, Л. И. Божович, Ю. Н. Емельянова, А. В. Запорожца, Е. С. Кузьмина, А. С. Макаренко, М. И. Лисиной, В. А. Сухомлинского и др.: 1) взаимопонимание и удовлетворенность взаимоотношениями; 2) преобладающее позитивное настроение; 3) авторитетность руководителей; 4) степень участия в управлении образовательным процессом; 5) сплоченность и сознательность; 6) продуктивность взаимодействий

в обучающем компоненте образовательного процесса (см. табл. 2).

При проектировании необходимо ориентироваться также на обеспечение наиболее высоких показателей образовательной среды параметров: 1) широты; 2) интенсивности; 3) модальности; 4) степени осознаваемости; 5) устойчивости; 6) эмоциональности; 7) обобщенности; 8) доминантности; 9) когерентности; 10) активности; 11) мобильности (см. табл. 3).

Таблица 1.

Проектирование образовательной среды на основе организации возможностей реализации личностных потребностей членов образовательного сообщества

Потребности	Психолого-педагогический смысл и содержание деятельности
Физиологические потребности и потребности в определенных условиях быта	Возможности удовлетворения физиологических потребностей связаны с организацией пространственно-предметного компонента среды. Это соответствующий уровень просторности помещений и удобной мебели, света, тепла и т. д.
Потребности в физической и психологической безопасности	Возможность удовлетворения потребности в безопасности предполагает такую организацию образовательной среды, которая, как минимум, гарантирует защиту каждого учащегося от негативных воздействий (агрессии, дискриминации и т. п.)
Потребность усвоить мировоззренческие принципы, а также нормы морали и идеалы эталонной группы	Возможность усвоения групповых норм и идеалов предполагает такую организацию среды, когда обеспечивается специальная педагогическая работа в отношении «новичков». Педагогическое развитие групповых норм, ценностей, идеалов, а также помощь отдельным членам сообщества в их освоении должно стать важной образовательной задачей. Одним из эффективных методов развития групповых норм становится групповой социально-психологический тренинг или спроектированные по его типу психологические игры. Главное – это организация возможности групповой рефлексии в психологически комфортной (безопасной) социальной среде
Потребности в любви, уважении и признании со стороны общества	Возможность удовлетворения социальных потребностей предполагает такую организацию образовательной среды, в которой целенаправленно и постоянно осуществляется психологическая поддержка каждого члена сообщества
Потребность в сохранении или улучшении самооценки	Возможность удовлетворения потребности в сохранении и повышении самооценки предполагает такую организацию среды, когда критерием успехов выступают не абсолютные рекорды типа «самый лучший», а предметом анализа является, прежде всего, индивидуальная динамика развития каждого члена образовательного сообщества
Потребность в труде, общественно-полезной деятельности	Возможность удовлетворения потребности в труде, значимой деятельности предполагает такую организацию среды, когда каждый может реализовать свои способности в важном и серьезном деле

Потребности	Психолого-педагогический смысл и содержание деятельности
Потребность в познании	Возможность в удовлетворении и развитии познавательной потребности в особой области (интересов) предполагает организацию среды по типу ресурсного центра, когда члены сообщества могут осуществлять свое личностное развитие, свободно пользуясь образовательными ресурсами площадки. В этом смысле большое значение имеют связи с другими образовательными структурами, контакты с различными специалистами и подключение их к образовательному процессу, участие площадки в разнообразных ассоциациях в качестве коллективного члена и т. п.
Потребность в преобразующей деятельности в какой-либо специальной области	Возможность удовлетворения и развития потребности в преобразующей деятельности в особой области (склонности) предполагает такую организацию среды, когда члены сообщества могут осуществлять свое личностное развитие путем практического участия в исследовательских, конструкторских и других проектах, соответствующих их склонностям, достигая при этом конкретных результатов, получать признание окружающего социума
Потребность в эстетическом оформлении окружающей обстановки	Возможность удовлетворения и развития потребности в эстетическом оформлении окружающей обстановки предполагает такую организацию среды, когда члены сообщества будут постоянно ощущать и совершенствовать ее высокий эстетический уровень – важнейший фактор, обуславливающий характер поведения всех субъектов образовательного процесса в этой среде
Потребности в самостоятельной выработке мировоззрения, упорядочении картины мира	Возможность удовлетворения и развития потребности в самостоятельном упорядочении индивидуальной картины мира предполагает такую организацию образовательной среды, когда члены сообщества могут в специально создаваемой обстановке (круглые столы, встречи с философами, писателями, политиками и т. д.) свободно дискутировать о глобальных, государственных и региональных проблемах, тенденциях стратегического развития общества, жизненном предназначении человека и т. п.
Потребность в овладении наиболее высоким уровнем мастерства в своем деле	Возможность удовлетворения и развития потребности в овладении высоким уровнем мастерства в своем деле предполагает такую организацию образовательной среды, когда члены сообщества ощущают общественную поддержку своей профессиональной деятельности, и в то же время несут ответственность за ее качество. Только образовательная среда творческого типа, создающая комплекс возможностей для свободного и активного развития, может стимулировать максимальную самоотдачу каждого, в итоге чего и достигается образовательный результат, максимально возможный для уровня его способностей
Потребность в личностной самоактуализации	Возможность удовлетворения и развития потребности в самоактуализации личности – ключевая задача всего образовательного процесса – может быть обеспечена образовательной средой в результате организации всего комплекса вышеперечисленных возможностей

Таблица 2.

Проектирование образовательной среды на основе требований к эффективности её компонентов

Компонент среды	Требования	Психолого-педагогический смысл и содержание деятельности
Организационно-технологический компонент среды	Миссия	Формирование и развитие «человека культуры», высокообразованного человека в понятиях культуры: «нравственная культура», «эстетическая культура», «информационная культура», «гуманитарная культура», «техническая культура» и т. д.
	Цель	Воспитание физически, психологически здоровой, высококультурной, целеустремлённой, социально активной

Компонент среды	Требования	Психолого-педагогический смысл и содержание деятельности
		молодежи, обладающей глубокими знаниями и компетентностями, обеспечивающими способность самореализации в различных областях жизнедеятельности. Развитие учащихся осуществляется в <i>интеллектуальной, нравственной и коммуникативной сферах</i>
	Содержание	Содержание образования проектируется на основе полного охвата сфер культуры и ключевых компетентностей, с одной стороны, и охвата важнейших проблем, актуальных для развития учащихся – с другой
	Принципы	Система педагогических принципов опирается на три содержательных компонента образовательного процесса: развитие представлений о мире, развитие субъективных отношений личности, развитие стратегий и индивидуальных технологий деятельности, связанной с различными предметами или явлениями
	Формы и методы	Использование форм и методов, основанных на стимулировании активности самих обучающихся, широким взаимодействии их между собой, а также с преподавателями и социальным окружением
Пространственно-предметный компонент среды	Гетерогенность (разнородность) и сложность среды	Организация гетерогенной и сложной структуры образовательной среды создает возможность для осуществления постоянного пространственного и предметного выбора всеми субъектами образовательного процесса. В такой среде можно не только отыскивать, но и конструировать предметы своей моторной, сенсорной, манипулятивно-познавательной, игровой и художественной активности. Разнообразная и структурно сложная образовательная среда предоставляет комплекс разнообразных возможностей, «провоцируя» на проявление самостоятельности и свободной активности
	Связность функциональных зон	Организация связности различных функциональных зон среды создает возможность воспринимать различные виды образовательной деятельности как взаимообусловленные и дополняющие друг друга. Сущность связности функциональных зон заключается в возможности многофункционального использования тех или иных элементов предметной среды и включения их в различные функциональные структуры образовательного процесса
	Гибкость и управляемость среды	Организация гибкости и управляемости образовательной среды обеспечивает возможность проявления творческой, преобразующей активности. Такая среда создает возможности для изменения окружающего предметного мира, позволяет производить функциональные изменения различных предметов, в зависимости от конкретных условий образовательного процесса. Гибкость и управляемость среды создает уникальные дидактические возможности для педагогов, которые могут побуждать к активности, к принятию самостоятельных решений не только вербальными средствами, но и путем соответствующего оперативного изменения пространственно-предметного окружения
	Обеспечение символической функции среды	Организация образовательной среды как носителя символических сообщений обеспечивает дополнительные возможности познавательного, эстетического, этического-

Компонент среды	Требования	Психолого-педагогический смысл и содержание деятельности
	Индивидуализированность среды	<p>го развития субъектов образовательного процесса</p> <p>Организация индивидуализированности образовательной среды обеспечивает возможность удовлетворения потребности в персонализированном пространстве. Наличие постоянной «своей» территории обеспечивает человеку ощущение физической и эмоциональной безопасности, удовлетворяя соответствующую базовую потребность (по А. Маслоу), что является необходимым условием личностного развития</p>
	Автономность среды	<p>Организация автономности среды обеспечивает возможность различных субъектов образовательного процесса функционировать в наиболее благоприятном для них режиме</p>
Социальный компонент среды	Взаимопонимание и удовлетворенность взаимоотношениями	<p>Взаимопонимание и удовлетворенность взаимоотношениями обуславливается, прежде всего, доброжелательностью друг к другу, преобладанием взаимного положительного оценивания</p>
	Преобладающее позитивное настроение	<p>Преобладающее позитивное настроение обуславливается совместной подготовкой к каким-либо интересным, радостным событиям, а также периодическим участием в игровых ситуациях. В процессе подготовки к эмоционально значимым событиям (праздникам, вечерам, выставкам, фестивалям и т. п.) формируется чувство оптимизма, уверенности в интересном и насыщенном завтрашнем дне. Игровой контекст образовательного процесса создает возможность для проявления творческой активности, позволяет освободиться от психологических барьеров, оптимистично оценивать свое настоящее и будущее и, самое главное, корректирует весь характер межличностных отношений в образовательной среде</p>
	Авторитетность руководителей	<p>Авторитетность руководителей приобретает особое значение в условиях лично-ориентированной образовательной среды, когда система межличностных отношений строится на субъектно-субъектной основе; когда взаимодействие носит не только межролевой, но и в большой степени межличностный характер; когда в образовательной структуре утверждается демократический стиль управления и немислим авторитарный</p>
	Степень участия в формировании образовательного процесса	<p>Участие в управлении образовательным процессом выступает как важнейшая развивающая возможность образовательной среды, обеспечивающая становление социальной активности личности. Деятельность может носить развивающий характер только в том случае, если ее участники вовлечены в переживание самого процесса этой деятельности, психологически включены в нее</p>
	Сплоченность и сознательность	<p>Сплоченность и сознательность – необходимая предпосылка функционирования образовательной среды, которая в этом случае становится инструментом личностного развития каждого субъекта образовательного процесса</p>
	Результативность взаимодействий	<p>Продуктивность взаимодействий обеспечивается соответствующим уровнем развития социального компонента образовательной среды. Если будут выполнены все ранее рассмотренные условия, создан комплекс развивающих возможностей, но при этом результативность</p>

Компонент среды	Требования	Психолого-педагогический смысл и содержание деятельности
		деятельности окажется на низком уровне, то такая образовательная среда не может рассматриваться как качественная и эффективная развивающая среда

Таблица 3.

Проектирование образовательной среды на основе системы проектных критериев

Параметр	Содержание параметра	Проектные модули	Организационно-педагогическая деятельность и прогнозируемые результаты
Широта	Структурно-содержательная характеристика среды, показывающая какие субъекты, объекты, процессы и явления включены в нее	Экскурсии и путешествия	Периодически проводятся экскурсии и поездки как неотъемлемая часть образовательного процесса
		Посещение учреждений культуры	Периодические посещения учреждений культуры как неотъемлемая часть образовательного процесса
		Гости	Периодически организуется общение с интересными людьми в форме бесед, круглых столов, дискуссий и т. п. Организуются фестивали, праздники, конференции или другие формы массового приёма гостей
		Выбор микросред	Возможность выбора школьниками образовательных микрогрупп, проектных команд
		Материальная база	Оборудованные помещения, наличие ресурсного центра, возможность свободного доступа к информационным сетям
Интенсивность	Структурно-динамическая характеристика среды, показывающая степень насыщенности среды условиями, влияниями и развивающими возможностями, а также концентрированность их проявления	Уровень требований	Индивидуальный подход. Максимальные требования, основанные на анализе персональных способностей и возможностей
		Образовательная нагрузка	Индивидуальный подход в зависимости от способностей, состояния здоровья, образовательных целей и т. д.
		Организация активного отдыха	Разработана и реализуется специальная программа организации активного отдыха учащихся (как в выходные дни, так и на период отпусков)
		Интерактивные формы и методы	Активно осваиваются и применяются в реальной практике педагогов. Квалифицированными специалистами-консультантами систематически проводится соответствующая учебно-методическая работа с педагогами
Степень осознания	Показатель сознания	Символика	Разработана и широко используется

Параметр	Содержание параметра	Проектные модули	Организационно-педагогическая деятельность и прогнозируемые результаты
васмости	тельной включенности в образовательную среду всех членов образовательного сообщества		ется логотип и его др. символика школы
		Формирование осознанности	Проводятся периодические беседы по истории школы. Разрабатываются специальные стенды и буклеты, а также издаётся альманах, рассказывающие об истории, традициях и выдающихся «выпускниках». Ведётся летопись (видео). Готовятся и отмечаются юбилейные даты. Организуется музей истории школы
		Связь с выпускниками	Действует Совет выпускников, который оказывает содействие развитию школы
		Развитие активности членов образовательного сообщества	Организуется обсуждение проблем развития школы с учащимися, педагогами и родителями, создаются условия для их активного участия в практическом разрешении возникающих проблем
Обобщенность образовательной среды	Показатель степени координации деятельности всех членов образовательного сообщества	Команда единомышленников	Ведётся целенаправленная работа с педагогическим коллективом по осознанной реализации единой образовательной стратегии
		Концепция школы	Концепция школы развивается и дорабатывается педагогами. На основе положений Концепции разрабатываются программы образовательных курсов, формируется методический арсенал и т. д.
		Формы работы с педагогическим коллективом	Периодически проводятся педагогические конференции, на которых происходит свободный обмен мнениями, совместно разрабатываются стратегические положения развития школы. Организуется постоянно действующий педагогический семинар, направленный на повышение уровня понимания целей образовательного процесса, перспектив и т. п.
		Включённость обучающихся	Учащиеся реально участвуют в соуправлении школой, наиболее активные из них входят в состав команды, разрабатывающей стратегию дальнейшего развития школы
		Авторский надзор	Научный руководитель и консультанты работают в постоянном тесном контакте с управ-

Параметр	Содержание параметра	Проектные модули	Организационно-педагогическая деятельность и прогнозируемые результаты
			ленческим персоналом и педагогическим коллективом
Эмоциональность	Показатель соотношения в среде эмоционального и рационального компонентов	Взаимоотношения в педагогическом коллективе	Педсоветы, совещания и т. п. проходят в неформальной обстановке, участники чувствуют себя психологически комфортно, легко и свободно проявляют свои эмоции. Каждый ощущает сопереживание и поддержку коллег по поводу своих профессиональных успехов и неудач. В коллективе принято делиться не только профессиональными, но и личными проблемами
		Взаимоотношения с обучающимися	Взаимоотношения педагогов с обучающимися, хотя и осуществляются в основном в формальных рамках, но носят преимущественно межличностный характер, отличаются искренностью и сопереживанием, касаются «внеучебных» проблем. Члены образовательного сообщества часто общаются между собой в неформальной обстановке. Каждый ощущает сопереживание и поддержку педагогов по поводу своих успехов и неудач. Обучающиеся часто делятся с педагогами своими личными проблемами
		Оформление пространственно-предметной среды	В оформлении интерьеров присутствуют эмоционально насыщенные элементы (юмористические, сатирические сюжеты плакатов, картинок, лозунгов, стенгазет и т. д.). Периодически проводятся выставки рисунков (эссе), отражающих отношение членов сообщества к своему образовательному процессу, к педагогам и товарищам. Участниками таких выставок являются не только обучающиеся, но и педагоги. Члены образовательного сообщества могут свободно выражать свои эмоции (рисовать шаржи, писать пожелания или благодарности и т. п.) на специальных планшетах, стенгазетах, на сайте и т. п.
Доминантность	Показатель значимости среды в системе ценностей членов образовательного	Значимость для педагогов	Образ жизни педагогов, так или иначе, обуславливается вовлечённостью в жизнь школы, который является для них очень

Параметр	Содержание параметра	Проектные модули	Организационно-педагогическая деятельность и прогнозируемые результаты
	сообщества. Показатель иерархического положения среды по отношению к другим источникам влияния на личность	Значимость для обучающихся	важной жизненной ценностью Школа становится для учащихся центром социальной реализации, составляет для них одну из их важнейших ценностей. В повседневной жизни они придерживаются принципов и норм, принятых в образовательном сообществе школы, даже если эти принципы и нормы подвергаются критике со стороны некоторых значимых для них людей
Когерентность	Показатель степени согласованности влияния образовательной среды на членов сообщества с влияниями других факторов социальной среды	Глобальная согласованность	Школа ориентирована на глобальные ценности и приоритеты постиндустриального общества. Учитываются главные современные тенденции, определяющие будущее цивилизации – информатизация, гуманизация и экологизация. Образовательная система строится на основе мировой философско-педагогической мысли и опирается на современные образовательные технологии
		Региональная согласованность	Использование научного, производственного, культурного, спортивного и другого социального потенциала в организации образовательного процесса. Сотрудничество с различными экологическими, политическими, молодежными, религиозными и другими организациями. Контакты с органами местного самоуправления. Проектная деятельность ориентирована на социально-экономические особенности региона
		Социальная согласованность	Развитие личностных качеств, необходимых для успеха в современном обществе (целеустремленности, решительности, ответственности, работоспособности и т. п.). Практическая подготовка, соответствующая современным социальным требованиям (компьютерная, коммуникативная, экономическая и т. д.)
Социальная активность	Показатель социально ориентированного потенциала и экспансии в социум ценностей школы	Работа со средствами информации	Разработана и реализуется программа сотрудничества со СМИ. Различные сведения о деятельности школы периодически транслируются по телевидению.

Параметр	Содержание параметра	Проектные модули	Организационно-педагогическая деятельность и прогнозируемые результаты
			Материалы о деятельности школы систематически публикуются в прессе. Активно работает сайт школы в сети Интернет
		Социальные инициативы	Школа принимает активное участие в различных выставках, смотрах, конкурсах, фестивалях, акциях, движениях и других социально значимых формах реализации творческой активности. Школа является инициатором ряда социальных акций и мероприятий
Мобильность	Показатель способности школы к органичным эволюционным изменениям, в контексте тенденций развития социума	Мобильность содержания	Вводятся новые темы, проблемные модули и проекты в соответствие с социально-экономическими изменениями в социуме и запросами членов образовательного сообщества. Вносятся соответствующие изменения в программы образовательных курсов. Педагоги оперативно меняют тематику занятий, откликаясь на актуальные события, происходящие в стране и в мире
		Мобильность методов	Педагоги владеют современными психолого-педагогическими методами (интерактивными, цифровыми, игровыми, проектными, экспертными и т. д.) и активно используют их в образовательном процессе. Организовано целенаправленное обучение педагогов современным образовательным технологиям, налажена их методическая поддержка
		Мобильность кадрового обеспечения	Педагоги приглашаются на конкурсной основе. Эффективность их работы определяется на основе обратной связи с членами образовательного сообщества. Прилагаются серьезные усилия для привлечения к сотрудничеству наиболее компетентных и авторитетных специалистов
		Мобильность средств	Используются новейшие технические средства обучения. Педагоги следят за новинками рынка образовательных средств

Параметр	Содержание параметра	Проектные модули	Организационно-педагогическая деятельность и прогнозируемые результаты
			и ставят вопрос о приобретении приглашенных новинок
Устойчивость	Показатель стабильности образовательной среды во времени	Стабильность управленческого персонала	Создаются оптимальные условия для деятельности администрации школы на основе доверия, права на эксперимент и творческие ошибки
		Стабильность педагогического состава	Педагогический состав также тщательно отбирается, а затем получает достаточный уровень творческой самостоятельности в рамках принятых требований. Выпускники школы привлекаются к педагогической работе
		Пространственно-предметная стабильность	Школа обеспечивается новым, хорошо оборудованным помещением. Помещения оформляются в специально разработанном стиле, обеспечивая соответствующее психологическое воздействие в духе ценностей и традиций школы

Начало апробации технологии средового проектирования в образовании было положено в начале 90-х годов прошлого века в Центре комплексного формирования личности РАО, учителями которого разрабатывались личностно развивающие образовательные микросреды. Содержание данной работы включало поиск организационно-педагогических механизмов индивидуализации образовательной среды для каждого обучающегося, технологические перестройки моделей образовательных сред по годам обучения, поиск диагностических и коррекционных процедур. Проектирование образовательных микросред осуществлялось «с учетом изменений, происходящих в

развивающейся личности, с учетом психологической природы, с учетом личностно значимых, индивидуальных интересов, намечаемых целей, то есть личностных программ развития при личном выборе путей и средств их достижения, при высокой самостоятельности каждого школьника, так необходимой для самореализации» [Давыдов, 1996, с. 5].

В дальнейшем апробация и развитие технологии средового проектирования в образовании осуществлялась в рамках четырех экспериментальных и инновационных площадок Департамента образования города Москвы: «Развитие школьных образовательных систем» (2002–2005, 10 школ),

«Развитие школьных организаций» (2005–2008, 20 школ), «Внедрение новой модели оценки качества работы общеобразовательных учреждений через апробацию новых критериев» (2012, 50 школ) и «Формирование экспертных сообществ для консультативно-проектного сопровождения развития образовательных учреждений в условиях реализации новых Федеральных государственных образовательных стандартов и Московского стандарта качества образования» (2013–2015, 70 школ), а также федеральной инновационной площадки «Формирование региональных профессиональных экспертных сообществ для гуманитарной экспертизы и педагогического проектирования личностно развивающих социально-образовательных сред» (2015–2018).

Необходимо подчеркнуть, что управленческо-педагогическое проектирование школьной среды состоит как из системного проектирования образовательной среды на уровне общеобразовательной организации в целом, так и из проектирования «встроенных» в нее образовательных сред. Понятие «встроенность» – одно из ключевых понятий в теории экологического подхода в психологии [Гибсон, 1988]: мелкие элементы окружающего мира встроены в более крупные, а те, в свою очередь, – в еще более крупные и так

далее. Соответственно, школьная среда встроена в среду поселения и, в значительной степени, определяется этой макросредой. Можно говорить также о взаимопроникновении сред развития личности. Так, семейная среда, школьная среда и среда организаций дополнительного образования взаимопроникают друг в друга, в свою очередь, происходит взаимопроникновение образовательных микросред, организуемых в общеобразовательной организации отдельными педагогами.

Таким образом, в технологии педагогического проектирования, разработанной на основе модели проектного поля образовательной среды, реализуются три взаимодополняющих проектных алгоритма: проектирование по количественным параметрам школьной среды; проектирование по педагогическим требованиям к эффективности организационно-технологического, социального и пространственно-предметного компонентов среды; проектирование по иерархическому комплексу личностных и социогенных потребностей в контексте их реализации через каждый из компонентов среды.

Используя технологию средового проектирования, руководители общеобразовательных организаций и педагоги могут выйти на новый творческий уровень своей профес-

сиональной деятельности, что показало успешная апробация данной технологии в рамках эксперимен- | тальных и инновационных площадок.

Библиографический список

1. Гибсон Д. Экологический подход к зрительному восприятию. Москва : Прогресс, 1988. 464 с.
2. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. Москва : ИН-ТОР, 1996. 506 с.
3. Давыдов В. В. Новому времени – новое образование / В. В. Давыдов, В. П. Лебедева // Учителю о психологии. Москва : ЦКФЛ РАО, 1996. С. 4-8.
4. Дрозд К. В. Проектирование образовательной среды школы как педагогическая инновация: научно-методическое сопровождение: учеб.-метод. пособие / К. В. Дрозд, И. В. Плаксина // Владимир : Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (ВлГУ), 2017. 456 с.
5. Жиркова З. С. Основы педагогического проектирования: учеб. пособие. Москва : Акад. Естествознания, 2014. 129 с.
6. Климов Е. А. Психология: учебник для средней школы. Москва : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. 288 с.
7. Колесникова И. А. Педагогическое проектирование: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений / И. А. Колесникова, М. П. Горчакова-Сибирская. Москва : Академия, 2005. 288 с.
8. Леонтьев Д. А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностей регуляции деятельности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология, 1997. № 1. С. 20-27.
9. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 108-118.
10. Моисеев А. М. Качество управления школой: каким оно должно быть. Москва : Сентябрь, 2001. 159 с.
11. Слободчиков В. И. Образовательная среда: реализация целей образования в пространстве культуры. Москва : Новые ценности образования: Культурные модели школ. Вып. 7, 1997. С. 185-205.
12. Щедровицкий Г. П. Система педагогических исследований (методологический анализ) / Г. П. Щедровицкий, Н. И. Непомнящая, В. М. Розин, Н. А. Алексеев // Педагогика и логика. Москва : Касталь, 1993. С. 16-200.
13. Ясвин В. А. Школьная среда как предмет измерения: экспертиза, проектирование, управление. Москва : Народное образование, 2019. 448 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Gibson D. Jekologicheskij podhod k zritel'nomu vosprijatiju. Moskva : Progress, 1988. 464 s.
2. Davydov V. V. Teorija razvivajushhego obuchenija. Moskva : IN-TOR, 1996. 506 s.
3. Davydov V. V. Novomu vremeninovoe obrazovanie / V. V. Davydov, V. P. Lebedeva // Uchitelju o psihologii. Moskva : CKFL RAO, 1996. S. 4-8.

4. Drozd K. V. Proektirovanie obrazovatel'noj sredy shkoly kak pedagogicheskaja innovacija: nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie: ucheb.-metod. posobie / K. V. Drozd, I. V. Plaksina // Vladimir : Vladimirskij gosudarstvennyj universitet im. A. G. i N. G. Stoletovyh (VIGU), 2017. 456 s.
5. Zhirkova Z. S. Osnovy pedagogicheskogo proektirovanija: ucheb. posobie. Moskva : Akad. Estestvoznaniya, 2014. 129 s.
6. Klimov E. A. Psihologija: uchebnik dlja srednej shkoly. Moskva : Kul'tura i sport, JuNITI, 1997. 288 s.
7. Kolesnikova I. A. Pedagogicheskoe proektirovanie: Ucheb. posobie dlja vyssh. ucheb. zavedenij / I. A. Kolesnikova, M. P. Gorchakova-Sibirskaja. Moskva : Akademija, 2005. 288 s.
8. Leont'ev D. A. Ot social'nyh cennostej k lichnostnym: sociogenez i fenomenologija cennostej reguljarii dejatel'nosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologija, 1997. № 1. S. 20-27.
9. Maslou A. Samoaktualizacija // Psihologija lichnosti. Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. S. 108-118.
10. Moiseev A. M. Kachestvo upravlenija shkoloj: kakim ono dolzhno byt'. Moskva : Sentjabr', 2001. 159 s.
11. Slobodchikov V. I. Obrazovatel'naja sreda: realizacija celej obrazovanija v prostranstve kul'tury. Moskva : Novye cennosti obrazovanija: Kul'turnye modeli shkol. Vyp. 7, 1997. S. 185-205.
12. Shhedrovickij G. P. Sistema pedagogicheskikh issledovanij (metodologicheskij analiz) / G. P. Shhedrovickij, N. I. Nepomnjashhaja, V. M. Rozin, N. A. Alekseev // Pedagogika i logika. Moskva : Kastal', 1993. S. 16-200.
13. Jasvin V. A. Shkol'naja sreda kak predmet izmerenija: jekspertiza, proektirovanie, upravlenie. Moskva : Narodnoe obrazovanie, 2019. 448 s.

Н. В. Лебедева

УДК 377

<https://orcid.org/0000-0001-8260-3371>

Андрагогическая позиция преподавателя дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы

Для цитирования: Лебедева Н. В. Андрагогическая позиция преподавателя дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 94–104. DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-94-104

В статье рассматриваются вопросы профессиональной компетентности преподавателя дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы с учетом требований современности. Модернизация всей образовательной системы России актуализирует и реформирует дополнительное профессиональное образование специалистов социальной сферы. Однако одним из препятствий на пути развития данного образовательного сегмента является использование модели традиционного вузовского обучения с преобладанием теоретической подготовки. Вместе с тем главным познающим и профессионально развивающимся субъектом системы дополнительного профессионального образования является взрослый человек, что требует андрагогического подхода к его обучению. В статье раскрывается понятие андрагогической позиции, обосновываются её основные содержательные составляющие: социальная позиция (системы взглядов, убеждений и ценностных ориентаций, ценностного отношения к профессии, профессионально-педагогической направленности), андрагогическая компетентность (андрагогические знания и умения, которые реализуются преподавателем на основе осознанного использования образовательной стратегии), андрагогическое взаимодействие (многообразие функциональных позиций и профессиональных ролей преподавателя дополнительного профессионального образования). На основе теоретико-методологического анализа профессиональной деятельности преподавателя делается вывод о многомерности понятия андрагогической позиции преподавателя дополнительного профессионального образования в пространстве концепции интерактивности отношений.

Ключевые слова: андрагогическая позиция, андрагог, компетентность, дополнительное профессиональное образование, социальная сфера.

N. V. Lebedeva

Andragogical position of the teacher of additional professional education of social sphere specialists

The article deals with the issues of professional competence of the teacher of additional professional education of social sphere specialists, taking into account the

requirements of modern times. The modernization of the entire educational system of Russia actualizes the reform of additional professional education of social sphere specialists. However, one of the obstacles to the development of this educational segment is the use of a model of traditional higher education with a predominance of theoretical training. At the same time, the main cognizing and professionally developing subject of the system of additional professional education (DPO) is an adult, which requires an andragogical approach to his training. The article reveals the concept of andragogical position, justifies its main content components: social position (systems of views, beliefs and value orientations, value attitude to the profession, professional and pedagogical orientation), andragogical competence (andragogical knowledge and skills that are implemented by the teacher on the basis of conscious use of educational strategy), andragogical interaction (variety of functional positions and professional roles of teachers). Based on the theoretical and methodological analysis of the professional activity of an andragogue teacher it is concluded that the concept of andragogical position of a teacher of additional professional education is multidimensional in the space of the concept of interactivity of relations.

Keywords: andragogic position, andragog, competence, additional professional education, social sphere.

Стремительное развитие современной науки и общества, затрагивающее все без исключения составляющие жизни человека XXI века, актуализируют роль непрерывного образования и как составную его часть систему дополнительного профессионального образования. Каким сегодня должно быть образование для взрослых? Каковы критерии эффективности данного образования? В поисках ответа на вопросы, необходимо рассмотреть профессиональный портрет преподавателя дополнительного профессионального образования.

Одной из составляющих профессионализма преподавателя, работающего со взрослой аудиторией, является его позиция. С помощью данного понятия можно системно представить стороны жизнедеятельности человека, особенности проявления личности субъекта.

Е. А. Климов, рассматривая позицию, включал в нее гражданское и творческое отношение к профессии, уважительное отношение к коллегам, участникам совместной деятельности, а также высококритичное отношение к себе [Климов, 2006, с. 108].

Раскрывая суть андрагогической позиции, М. Т. Громкова характеризует ее как видение преподавателем собственного места в образовании взрослых. Андрагогическая позиция предопределяет характер взаимодействия в педагогическом процессе, технологию формирования целей, освоения содержания, овладения методом [Громкова].

Андрагогическая позиция должна рассматриваться как частный случай педагогической позиции, но она имеет свои специфические характеристики структурные элементы. Рассмотрим их.

Во-первых, следует отметить, что в основании андрагогической позиции преподавателя дополнительного профессионального образования лежит его социальная позиция. Социальная позиция состоит из системы взглядов, убеждений и ценностных ориентаций, ценностного отношения к профессии, профессионально-педагогической направленности. Нельзя не согласиться с мнением М. Т. Громковой, что андрагогическая позиция преподавателя исходит, прежде всего, из его собственного воззрения на мир, то есть из того, что принято называть мировоззрением, из понимания своего взаимодействия с миром. Она проявляется как осознание собственного жизненного опыта, как сознание преподавателя, включающего систему потребностей, норм, способностей, их взаимосвязи и регуляции [Громкова].

Социальная позиция преподавателя-андрагога в условиях современности проявляется и в принятии своей миссии – «вести взрослого» к открытому обществу, что требует развития соответствующих методологических основ его деятельности, и, в частности, понимания сущности идей непрерывного образования как процесса, осуществляющегося на протяжении всей жизни человека, и видения своей роли в данном процессе.

Социальная позиция преподавателя дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы представляет

собой систему отношений личности: к своей профессии преподавателя, работающего в системе дополнительного профессионального образования, аудиторию которого представляют социальные работники, педагоги, психологи, к их работодателям как основным заказчикам обучения, к коллегам, к самому себе, основанной на многообразной профессиональной идентичности [Лебедева, 2017, с. 128].

Преподаватель дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы должен иметь идентичность с такими общностями, как научно-исследовательское сообщество, сообщество преподавателей дополнительного профессионального образования, профессиональное сообщество специалистов социальной сферы.

Таким образом, социальная позиция преподавателя дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы многомерна. Это взаимосвязь интеллектуальных, волевых, эмоционально-оценочных отношений к миру, педагогической и андрагогической деятельности, в частности, которые являются источником его активности.

Во-вторых, педагогическая позиция связана с андрагогической компетентностью. Андрагогическая компетентность преподавателя может быть раскрыта через андрагогические знания и умения, которые реализуются преподавателем на

основе осознанного использования образовательной стратегии, а также через его личностные качества, являющиеся неотъемлемой частью профессиональной компетентности.

С. Г. Вершловский составными компонентами андрагогической компетентности преподавателя системы дополнительного профессионального образования считает: понимание им образования взрослого человека как способа его творческой самореализации; знание особенностей взрослого как субъекта профессиональной и образовательной деятельности; владение образовательными технологиями, соответствующими особенностям взрослого обучающегося и др. [Вершловский, 2013, с. 277].

С. И. Змеёв, описывая компетентностную модель андрагога на основании выделенных функций в его деятельности, включает в неё помимо системы знаний, требующихся преподавателю, определенных умений и навыков по осуществлению диагностики, создания учебно-методических материалов, работы с профессиональной литературой, ряд личностных качеств (эмпатию, терпимость, тактичность) и ценностных ориентаций (уважение личности, представление о ней как о саморазвивающемся, самоценном субъекте, осознание учения как способа жизнедеятельности) [Змеёв, 2007, с. 191].

Необходимо подчеркнуть наличие у преподавателя дополнительного профессионального образова-

ния как важной составляющей его профессионализма сформированную коммуникативную компетентность, которая обеспечивает не только качество и эффективность учебно-образовательного процесса дополнительного профессионального образования за счет профессионально-коммуникативных умений и навыков, ценностно-смысловой направленности личности преподавателя, информационно-коммуникативных знаний, коммуникативного самоконтроля, поведенческой рефлексии, но и содействует самовыражению и самореализации всех субъектов образовательного процесса.

Важной составляющей компетентности преподавателя-андрагога дополнительного профессионального образования, работающего с аудиторией специалистов социальной сферы, является полное представление о специфике профессиональной деятельности своих слушателей [Лебедева, 2018, с. 79]. Каждая должность специалиста социальной сферы имеет свои особенности. Динамичное развитие отрасли социального обслуживания, введение в действие Федерального закона от 29.12.2014 года № 442-ФЗ «О социальном обслуживании граждан в Российской Федерации», а также Федерального закона «О независимой оценке квалификации», профессиональных стандартов для специалистов социальной сферы требует от преподавателя дополнительного професси-

онального образования как нормативно-правовых знаний, их применения на практике в деятельности учреждений/организаций социальной сферы, так и профессиональных знаний в области социальной работы. Аудитория слушателей, работающих в данных учреждениях/организациях, сегодня ждет от преподавателя дополнительного профессионального образования конкретных знаний в области современной социальной сферы, которая характеризуется постоянной модификацией алгоритмов выполнения действий, многообразием документов, а также методических рекомендаций по разработке и внедрению инновационных технологий социального обслуживания населения. Помимо этого, у специалистов-практиков существуют передовые идеи, творческие и креативные мысли по совершенствованию социальных технологий, которые требуют специальных знаний для фиксации и документирования их в формате методических материалов с целью распространения передового опыта на другие учреждения/организации социальной сферы.

Андрагогическая позиция преподавателя включает и такое понятие как интеллигентность, комплекс, состоящий из чувства справедливости, понятия чести, совести, порядочности, благородства, умения ценить в другом человек другого человека; вариативность мышления; цивилизованные мане-

ры поведения; самокритику; чувство социальной справедливости, а также развитие чувства нового, стремление к созиданию.

Таким образом, преподаватель современной организации дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы – это специалист высокой квалификации, владеющий комплексом специализированных знаний, умений и навыков в социальной, экономической, политической областях, а также личностных качеств, которые способствуют эффективности обеспечения качества образовательной деятельности со слушателями с учетом специфики их образовательных запросов и личностных особенностей. Однако сегодня в России отмечается недостаточное количество квалифицированных преподавателей дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы и отсутствие системы подготовки преподавателей дополнительного профессионального образования для обучения данной категории специалистов.

Следующей важной составляющей андрагогической позиции педагога дополнительного профессионального образования являются его роли и функции в андрагогическом процессе. Так, П. Джарвис определяет следующие роли андрагога в учебном процессе: учитель учителей, маркетолог, менеджер, аттестующий, автор учебных материалов и программ, фасилитатор,

наблюдатель, помощник, тренер, советник, ментор, контролер, администратор [Коряковцева, 2015, с. 421].

Представители деятельностно-ролевого подхода (Н. Н. Букина, А. М. Митина) выделяют роли андрагога в соответствии с теми или иными взаимосвязанными между собой сферами андрагогической деятельности. В предметно-содержательной сфере преподаватель дополнительного профессионального образования – это обучающий, носитель профессиональных знаний, специалист в определенной области социальной сферы (например, социального управления, технологий социальной работы с различными категориями граждан, социальной психологии, педагогики). Другая сфера деятельности преподавателя дополнительного профессионального образования – самоорганизационная, заключающаяся в ролевых позициях лектора, преподавателя, выполнение которых требует владения профессиональной способностью планировать, готовить и осуществлять образовательную деятельность в аудитории специалистов социальной сферы. Следующая сфера – организационная, обеспечивается разнообразием ролей: модератора, фасилитатора, тренера, тьютора. Важным показателем профессионализма преподавателя дополнительного профессионального образования является его способность соединять указанные сферы в интегральной ролевой позиции [Лебедева, 2017, с. 82].

В материалах Совета Европы, содержащих концепцию образования взрослых, также затрагивается вопрос, касающийся роли преподавателя-андрагога в современном мире. Отмечается, что она принципиально отличается от традиционной, нацеленной на трансляцию и распространение формального знания. Сегодня высококвалифицированный преподаватель-андрагог – это «инженер, архитектор, разработчик концепции образования (и обучения) взрослых, консультант, советник, спутник обучающихся» [Лебедева, 2017, с. 68]. С учетом этого преподаватель-андрагог дополнительного профессионального образования должен обладать эмпатией и отзывчивостью к потребностям и ожиданиям взрослых обучающихся; способностью определять и оценивать потенциал слушателей, используя его для продвижения личности в образовании.

С. И. Змеёв указывает, что андрагог в соответствии с современными запросами к системе образования взрослых – это специалист в области управления, обучения, консультирования, специалист по реабилитации, коррекционной, социальной работе для взрослого обучающегося [Змеёв, 2007, с. 56].

Преподаватель дополнительного профессионального образования помогает содействовать специалисту социальной сферы в решении разных жизненных проблем, как своему социальному партнеру и одновременно реализовывает выс-

шие смыслы и цели своей социальной деятельности.

Анализ проблемы взаимодействия преподавателя и слушателя показывает, что вопрос готовности преподавателя работать со взрослой аудиторией всегда стоял остро. С. И. Змеёв справедливо считает, что данный процесс до сих пор не организован структурно [Змеёв, 2007, с. 56]. По-прежнему актуальными являются вопросы, как обучать взрослому человеку, как работать преподавателю со взрослым обучающимся, что значит взрослый человек и его образование.

Для понимания значения *взаимодействия* для андрагогической позиции преподавателя дополнительного профессионального образования обратимся к его толкованию в философии, психологии и педагогике. Взаимодействие относится к базовым философским категориям, отражающим процессы влияния одного субъекта на другого, их изменение и взаимную обусловленность. Взаимодействие является разновидностью внутренних или внешних, опосредованных или непосредственных связей, при этом свойства субъектов могут быть познаны или проявляют себя только во взаимодействии с другими субъектами.

В психологии взаимодействие рассматривается как взаимное влияние людей друг на друга в процессе общения.

Анализ практики употребления термина взаимодействия в педаго-

гических работах дает основание определить его как процесс общения в системе «воспитатель-воспитанник» с целью формирования личности. Оно не должно носить авторитарный характер, так как в его основе лежит принцип равенства отношений. При этом способность к учебно-профессиональным коммуникациям рассматривается в современной науке как универсальная компетенция и является показателем успешности во многих сферах, как профессиональных, так и жизненных [Tarkhanova, 2018]. Но для преподавателя дополнительного профессионального образования данный вид компетентности является также и профессиональным, и напрямую влияет на результат решения профессиональных задач.

Андрагогическая позиция преподавателя дополнительного профессионального образования позволяет выстраивать андрагогическое взаимодействие в системе преподаватель-слушатель, включающее адаптивное управление, партнерство, соуправление, самоуправление, со-творчество. Однако современные системы управления процессом обучения в образовательных организациях для взрослых не отвечают новым требованиям к содержанию образования и гуманитарной парадигме. Родилась потребность в андрагогическом взаимодействии, гибком образовательном процессе организации до-

полнительного профессионального образования.

Как подчеркивает С. Д. Резник, в современном образовательном пространстве «обучение приобретает характер обмена мнениями. Преподаватель перестает быть хранителем и передатчиком научных знаний, он помогает ориентироваться в мире постоянно обновляющейся информации. Равноправное общение становится обязательным условием подлинных субъектных отношений» [Резник, 2011, с. 75]. Диалоговое общение и совместная деятельность являются ведущими факторами развития самосознания слушателя, за счет чего обеспечивается субъектное взаимное межличностное отражение отношений. Самосознание слушателя также выступает и в качестве внутреннего личностного условия, и предпосылки активности в обучении, основы саморегуляции и самоуправления [Тарханова, 2013, с. 31].

Г. С. Жукова, Е. В. Комарова, Н. И. Никитина характеризуют андрагогическое взаимодействие как особый вид профессионально-педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава дополнительного профессионального образования, который обуславливает необходимость комплекса знаний: медико-физиологических, психологических, акмеологических, педагогических, социокультурных, а также толерантности, такта для эффективного решения задач достижения качества обучения слушателей

по дополнительным профессиональным программам [Жукова, 2013, с. 45].

Андрагогическая позиция преподавателя дополнительного профессионального образования позволяет создавать ситуации диалога, развивающей способность думать над проблемой при существовании нескольких точек зрения. Стратегия воздействия в формате диалога способствует переосмыслению различных позиций, ведь в момент взаимодействия участники образовательного процесса равны и одновременно взаимосвязаны. Атмосфера партнерства и уважения друг к другу является и средством собственного развития участников обучения в условиях дополнительного профессионального образования [Лебедева, 2017, с. 46].

Деятельность специалиста социальной сферы в образовательном процессе под влиянием такого рода отношений развивается в особом направлении, обретая новый ценностно-смысловой контекст, порождает ситуации творческого самовыражения, «надситуационной» активности, способствует возникновению дивергентного характера мыслительной активности. Знания, которые специалист социальной сферы получает в процессе непосредственного общения со своими коллегами, приобретают для него личностную значимость, практическую достоверность и убедительность.

Преподаватель дополнительного профессионального образования в

процессе андрагогического взаимодействия уделяет внимание личным контактам специалистов социальной сферы в образовательном процессе, рассматривая их как важные каналы коммуникации, через которые участники обучения получают новые идеи.

При андрагогическом взаимодействии преподаватель дополнительного профессионального образования реализует также и междисциплинарный подход, который дает возможность учитывать специфику каждой отдельной группы слушателей в зависимости от занимаемых ими должностей (руководитель, специалист, психолог, социальный работник), содержания дополнительной профессиональной программы, отборе образовательных технологий, а также позволяет учитывать половозрастные, профессиональные и личностные особенности слушателей. С учетом данной специфики перед преподавателями дополнительного профессионального образования стоят такие задачи, как:

- оценка и изучение личностного ресурса слушателей с целью эффективного использования его в образовательном процессе;

- обеспечение психологической и социально-педагогической поддержки взрослых обучающихся;

- предоставление слушателям комплекса профессиональных и общекультурных знаний в соответствии с профессиональными стандартами специалистов в области социальной сферы, а также лич-

ностными образовательными запросами слушателей;

- вовлечение слушателей в деятельность по проектированию учебно-образовательного процесса, его реализации, оценке результатов.

Обобщая вышесказанное, констатируем, что функционально-ролевые позиции преподавателя дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы многообразны. Современная ситуация в дополнительном профессиональном образовании делает ведущими такие его роли как тьютор, фасилитатор, консультант. От преподавателя требуется их гармонизация, гибкость, чтобы предотвратить конфликт ролей.

Преподаватель дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы как непосредственный участник не является учителем, он всегда участник, посредник, человек. В результате этого профессиональная позиция преподавателя-андрагога дополнительного профессионального образования в образовательной реальности находится в пространстве концепции интерактивности отношений: отношений к субъектам, к собственной деятельности, к себе как к профессионалу и человеку, а также в плоскости отношений между субъектами, что предоставляет возможность создать новый концептуальный аппарат взаимного обогащения «образования по-взрослому».

Библиографический список

1. Вершловский С. Г. К вопросу об андрагогической компетентности специалистов, обучающих взрослых // Образование человека через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. 2013. Т. 11. № 1. С. 277-281.
2. Громкова М. Т. Педагогическая позиция преподавателя. Режим доступа: http://www.znanie.org/journal/n2/st_ped_po_z.html. (Дата обращения: 20.02.2020).
3. Жукова Г. С. Квалиметрический подход в системе дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы : монография / Г. С. Жукова, Е. В. Комарова, Н. И. Никитина. Москва : Изд-во РГСУ, 2012. 186 с.
4. Змеев С. И. Андрагогика: Основы теории, истории и технологии обучения взрослых = Androgogy: foundations of theory, history and technology of adult technology. Москва ; Per Se, 2007. 272 с.
5. Климов Е. А. Психология профессионализма: избр. психол. труды. Москва : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2006. 400 с.
6. Коряковцева О. А. Непрерывное образование как средство социализации взрослого человека / О. А. Коряковцева, И. Ю. Тарханова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 8. С. 132-135.
7. Лебедева Н. В. Андрагогическая модель обучения специалистов социальной сферы в системе дополнительного профессионального образования: монография. Москва : Белый ветер, 2017. 256 с.
8. Лебедева Н. В. Диверсификация дополнительного профессионального образования кадрового состава специалистов социальной сферы : монография. Москва : ИДПО ДТЭСЗН, 2018. 251 с.
9. Резник С. Д. Становление системы подготовки научно-педагогических кадров в России // Alma mater (Вестник высшей школы), 2011. № 1. С. 74-79.
10. Тарханова И. Ю. Социальные эффекты дополнительного профессионального образования // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 2. С. 126-130.
11. Tarkhanova I. Yu. The development of universal competences of the adult population through education / I. Yu. Tarkhanova, O. A. Koryakovtseva // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences Edited by: Prof. Valeria Chernyavskaya and Prof. Holger Kuße. 2018. С. 1989-1996.

Bibliograficheskij spisok

1. Vershlovskij S. G. K voprosu ob andragogicheskoj kompetentnosti specialistov, obuchajushhih vzroslyh // Obrazovanie cheloveka cherez vsju zhizn': nepreryvnoe obrazovanie v interesah ustojchivogo razvitija, 2013. T. 11. № 1. S. 277-281.
2. Gromkova M. T. Pedagogicheskaja pozicija prepodavatelja. Rezhim dostupa: http://www.znanie.org/journal/n2/st_ped_po_z.html. (Data obrashhenija: 20.02.2020).
3. Zhukova G. S. Kvalimetricheskij podhod v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovanija specialistov social'noj sfery: monografija / G. S. Zhukova, E. V. Komarova, N. I. Nikitina. Moskva : Izd-vo RGSU, 2012. 186 s.

4. Zmeev S. I. Andragogika: Osnovy teorii, istorii i tehnologii obuchenija vzroslyh = Androgogy: foundations of theory, history and technology of adult technology. Moskva ; Per Se, 2007. 272 s.
5. Klimov E. A. Psihologija professionalizma: izbr. psihol. trudy. Moskva : MPSI ; Voronezh : MODJeK, 2006. 400 s.
6. Korjakovceva O. A. Nepreryvnoe obrazovanie kak sredstvo socializacii vzroslogo cheloveka / O. A. Korjakovceva, I. Ju. Tarhanova // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2015. № 8. S. 132-135.
7. Lebedeva N. V. Andragogicheskaja model' obuchenija specialistov social'noj sfery v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovanija: monografija. Moskva : Belyj veter, 2017. 256 s.
8. Lebedeva N. V. Diversifikacija dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovanija kadrovogo sostava specialistov social'noj sfery : monografija. Moskva : IDPO DTSZN, 2018. 251 s.
9. Reznik S. D. Stanovlenie sistemy podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov v Rossii // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly), 2011. № 1. S. 74-79.
10. Tarhanova I. Ju. Social'nye jeffekty dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovanija // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2013. T. 2. № 2. S. 126-130.
11. Tarkhanova I. Yu. The development of universal competences of the adult population through education / I. Yu. Tarkhanova, O. A. Koryakovtseva // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences Edited by: Prof. Valeria Chernyavskaya and Prof. Holger Kuße. 2018. S. 1989-1996.

УДК 37.017.4

Т. В. Макеева
В. Н. Гурьянчик

<https://orcid.org/0000-0001-6003-5430>

<https://orcid.org/0000-0001-9963-4510>

Особенности развития гражданского образования в России и Германии

Для цитирования: Макеева Т. В., В. Н. Гурьянчик Особенности развития гражданского образования в России и Германии // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 105–115. DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-105-115

В статье представлены результаты научного исследования авторов по вопросам гражданского образования в контексте работы с молодежью. Данная проблема приобретает актуальность в связи с имеющимися в обществе противоречиями в вопросах формирования гражданского самосознания у представителей молодого поколения. Именно в рамках гражданского образования как формального, так и неформального, формируются лично значимые качества и установки. Такое образование способствует активизации процесса гражданской социализации молодежи, усвоения социокультурного опыта в политической, профессиональной, экономической и правовой сферах. Авторы рассматривают гражданское образование с точки зрения пяти основных взаимосвязанных и взаимодополняющих подходов: культурологического, этнопедагогического, лично-ориентированного, аксиологического и компетентностного. Особый интерес представляет сравнительный анализ основных аспектов гражданского образования в России и европейских странах, в связи с этим обобщается полученный авторами опыт изучения неформального образования в ходе педагогической стажировки в Федеративной Республике Германии. В России и Германии существуют различные подходы в молодежной политике этих стран, относительно приоритетов гражданского и патриотического воспитания. Также существует различие в трактовке таких понятий как «патриотизм» и «гражданское образование». В практике российской системы работы с молодежью акцентируется внимание на патриотическом воспитании, которое реализуется в различных проектах, касающихся Великой Отечественной войны. В Германии в основе гражданского образования – воспитание активной гражданской позиции, критического отношения к событиям прошлого, устойчивых демократических убеждений и уважения прав и интересов окружающих людей независимо от их национальности, расы, политических и религиозных воззрений. Неформальное гражданское образование представлено здесь как ориентация на социально-культурную ситуацию в современной Германии и Европе, которая в целом определяет спектр вопросов и дисциплин, востребованных в процессе овладения молодежью необходимыми профессиональными компетенциями.

© Макеева Т. В., Гурьянчик В. Н., 2020

Ключевые слова: гражданское образование, гражданское общество, гражданское самосознание, молодёжь, компетентностный подход, неформальное гражданское образование, субъектоцентризм, этнопедагогический подход.

T. V. Makeeva, V. N. Guryanchk

Features of the development of civic education in Russia and Germany

The article presents the results of a scientific study of authors on civic education in the context of work with youth. This problem is becoming relevant in connection with the contradictions in society regarding the formation of civic consciousness among representatives of the young generation. It is within the framework of civic education, both formal and non-formal, that personally significant qualities and attitudes are formed. Such an education contributes to the activation of the process of civilization of young people, the assimilation of sociocultural experience in the political, professional, economic and legal fields. The authors consider civic education in terms of five basic interrelated and mutually supportive approaches: cultural, ethnopedagogical, personality-oriented, axiological and competency-based. Of particular interest is a comparative analysis of the main aspects of civic education in Russia and European countries, in connection with this, the experience gained by the authors in studying non-formal education during a pedagogical internship in the Federal Republic of Germany is generalized. In Russia and Germany, there are various approaches to the youth policy of these countries, regarding the priorities of civic and patriotic education. There is also a difference in the interpretation of such concepts as “patriotism” and “civic education”. In the practice of the Russian youth work system, attention is focused on patriotic education, which is being implemented in various projects related to the Great Patriotic War. In Germany, civic education is based on fostering an active citizenship, a critical attitude to past events, strong democratic convictions and respect for the rights and interests of those around us, regardless of their nationality, race, political and religious views. Non-formal civic education is presented here as an orientation toward the socio-cultural situation in modern Germany and Europe, which generally determines the range of issues and disciplines demanded in the process of mastering young people by the necessary professional competencies.

Keywords: civic education, civil society, civic identity, young people, competency-based approach, informal civic education, subject-centrism, ethnopedagogical approach.

Кризисное состояние, в котором сегодня находится Россия, заставляет задуматься о том, в какую сторону будет развиваться страна: тоталитаризм или демократия. При этом выбор вектора дальнейшего развития определяется не только

правлящими политиками, но и самим обществом. При этом особое внимание все акторы политического процесса уделяют развитию именно гражданского общества в России. Как отмечает Л. Г. Титова, «Новые требования предъявляются

временем к политической культуре граждан, сознательно и активно участвующим в политическом процессе в качестве соорганизаторов, соправителей, способных понимать масштабы преобразований и участвовать в них» [Титова, 2018, с. 11].

В настоящее время устоявшегося понятия «гражданское общество» не существует. Например, Е. В. Галкина так определяет это понятие: «Под гражданским обществом следует понимать совокупность негосударственных общественных институтов и отношений, которые позволяют личностям и их группам реализовывать частные и групповые интересы, которые им гарантированы Конституцией и защищены законом» [Галкина, 2008, с. 13]. Другими словами, можно сказать, что гражданское общество подразумевает, прежде всего, активную социальную позицию граждан без прямого вмешательства государства. Таким образом, «гражданское общество – это сообщество активных граждан, которые добровольно объединяются в различные организации и устанавливают между собой разнообразные отношения для реализации своих интересов» [Плетнева, 2018, с. 271].

Данные определения позволяют выявить ключевую сторону гражданского общества – самостоятельное, прогрессивное развитие социума, обеспечивающее стабильное и

поступательное движение без участия государства как политической силы и ограничивающее властную монополию последнего. Кроме того, эти определения базируются на ряде принципов: системность, как основа гражданского общества; невмешательство государства и независимость институтов гражданского общества от государства; законность [Архангельская, 2017, с. 40].

Однако гражданское общество само по себе не может сформироваться, для этого необходимы определенные условия. Одним из таких ключевых условий является система гражданского образования, которая призвана обеспечивать гражданскую социализацию молодежи. К сожалению, современное российское общество нельзя в полной мере назвать гражданским, так как сами граждане нашей страны не сформировались как таковые, не чувствуют ответственности как за собственную жизнь, так и за судьбу Отечества.

В этой связи проблема формирования гражданского самосознания у представителей молодого поколения посредством гражданского образования является действительно актуальной. Именно в рамках гражданского образования как формального, так и неформального, формируются личностно значимые качества и установки: честь, долг, справедливость, ответственность, сопричастность к судьбе страны, со-

циально-политическая активность и др. Такое образование способствует активизации процесса гражданской социализации молодежи, усвоения социокультурного опыта в политической, профессиональной, экономической и правовой сферах.

Реализация гражданского образования осуществляется в рамках пяти основных взаимосвязанных и взаимодополняющих подходов: культурологического, этнопедагогического, личностно-ориентированного, аксиологического и компетентностного.

Сторонники культурологического подхода в качестве приоритетов в гражданском образовании определяют «воспитание и образование, направленное на формирование нравственной, правовой и политической культуры учащихся, предполагающее знание, уважение и выполнение человеком моральных и правовых норм» [Габидуллин, 2012].

Этнопедагогический подход в гражданском образовании подразумевает формирование толерантного восприятия социальных, этнических, культурных и конфессиональных различий.

В основе личностно-ориентированного подхода лежит постулат о приоритете интересов личности перед государственно-общественными интересами. Личность, ее права и свободы, законные интересы и достоинства со-

ставляют основу субъектоцентризма в рамках данного подхода.

Гражданское образование в рамках аксиологического подхода на основе развития общегражданских ценностей личности должно способствовать консолидации общества в единый социальный организм.

Компетентностный подход в первую очередь выделяет практическую способность и готовность выпускника высшего учебного заведения к активной социальной деятельности посредством аналитических, адаптивных и деятельностных умений и навыков социального взаимодействия.

Еще в 2005 г. был разработан Меморандум «Актуальные задачи гражданского образования», в котором были закреплены положения, формирующие соответствующие компетенции: учебная, исследовательская, социального выбора, социального действия [Меморандум, 2003, с. 75]. К сожалению, данный документ так и не был принят в России.

Формирование мировоззрения личности является процессом сложным и многогранным, требующим от субъекта образовательной деятельности не только усвоения научных знаний об общественных и гражданских ценностях, но и интериоризации их в систему личностных ценностей и установок. Гражданское образование представляет собой совокупность социально-

правовых, коммуникативных и личностно-деятельных компетенций, формирующих социокультурный, морально-нравственный и гражданско-правовой облик современного гражданина. Можно сказать, что гражданское образование представляет собой «процесс подготовки личности к ответственному участию в демократическом развитии общества, основанном на уважении прав человека, равенстве, справедливости. Оно формирует гражданскую позицию, чувство любви к своему Отечеству, патриотические чувства» [Морозов, 2017, с. 292].

Безопасное и социально устойчивое развитие современного общества во многом связано с развитием системы гражданского образования. Обширные знания об обществе, роли и месте человека в социуме составляют основу такого образования во многих европейских странах.

В Федеративной Республике Германии радикальная реформа школьного образования, начатая в 1970 г., предусматривала в том числе и соответствие целей обучения «потребностям общественного развития, их социальной значимости» при опоре «на общепризнанные представления о человеческих ценностях, включая соблюдение равенства прав и возможностей гражданина, уважение к его человеческому достоинству, выполнению им общественного долга и права на ра-

циональную критику» [Bildungsbericht, 1970].

Развитие системы образования в Германии в начале XXI в. происходило совершенно в другом образовательном пространстве и при других парадигмальных подходах. Речь, прежде всего идет о «признании мировым сообществом непрерывного образования важнейшим ресурсом общественного развития и инструментом социальной трансформации, новой педагогической парадигмой, фактором изменения общественного сознания и средством адаптации человека к изменяющейся среде обитания» [Писарева, 2019, с. 124].

Полученный в ходе педагогической стажировки опыт позволяет говорить о том, что в России и Германии существуют различные подходы в молодежной политике этих стран, относительно приоритетов гражданского и патриотического воспитания. Как отмечает А. М. Ермаков: «В России специалисты по работе с молодежью делают акцент на патриотическом воспитании, которое реализуется в различных проектах, касающихся Великой Отечественной войны. Нередко от подростков и молодежи требуется обращение к истории собственной семьи, получение информации о подвигах старшего поколения, героически боровшегося с фашизмом и одержавшего победу. Российские педагоги широко прак-

тикуют такие формы работы, как квесты, сочинения, подготовка презентаций. В Германии во главу угла поставлены воспитание активной гражданской позиции, критического отношения к событиям прошлого, устойчивых демократических убеждений и уважения прав и интересов окружающих людей независимо от их национальности, расы, политических и религиозных воззрений» [Ермаков, 2016, с. 365].

В Германии понятия патриотизма практически не существует, так как во многом с ним связаны негативные стороны германской истории XX века. Послевоенная история многих стран Европы, в том числе и Германии, отражает процесс демократизации всех социально-политических процессов, изменение качественного состава общества на миграционных волнах. Это нашло отражение и в представлении о самом понятии «гражданин». Например, в Германии нет понятия «немецкий народ», которое соотносится исключительно с титульной нацией. Вместо этого существует понятие «народ Германии», включающее в себя всех граждан страны независимо от их этнической принадлежности. Общественное сознание германского народа, его гражданское самосознание направлено на «укрепление демократического образа мыслей, умения выносить самостоятельные суждения о текущей политике, давать нрав-

ственные оценки политическим действиям других людей, организаций и государства, формирование готовности действовать вопреки большинству, если сделанный выбор морально оправдан, в духе права на сопротивление, провозглашенного в Основном законе» [Ермаков, 2019, с. 47-48].

Следует отметить, что в работе с молодежью во всех учебных заведениях как формальной, так и неформальной формы, прослеживается «ориентация на социально-культурную ситуацию в современной Германии и Европе, которая в целом определяет спектр вопросов и дисциплин, востребованных в процессе овладения будущими специалистами необходимыми профессиональными компетенциями» [Макеева, Соколова, 2015, с. 83].

Что же касается неформального гражданского образования в Германии, то оно представлено широким спектром не только учебных заведений (например, Евангелистская академия г. Франкфурт-на-Майне), но и общественных организаций, учебных центров, музеев и пр.

Многоступенчатость процесса формирования гражданственности определяется уровнями образования. Система дошкольного образования направлена на формирование и развитие у ребенка общей культуры, интеллектуальных, эстетических и нравственных качеств. В данном случае речь идет о вовле-

чении ребенка в познавательный процесс, развитие у него мотивации к дальнейшему изучению окружающего мира посредством ценностно-рациональных действий без ориентации на конкретный формализованный результат. На этом этапе важно акцентировать внимание на духовном, культурном и нравственном аспектах воспитания.

В рамках среднего (полного) общего образования формирование качеств личности осуществляется как в мотивационно-деятельностной сфере, так и в духовно-нравственной. «Первоначальные качества, присущие «портрету выпускника школы», – это любовь к своей Родине, народу и традициям, осознание своей идентичности и сопричастности к истории своей страны. Воспитание личности с высокой морально-нравственной системой ценностных ориентаций является необходимым условием создания развитого общества» [Акулич, 2017, с. 68]. Другими словами, на этом этапе у школьников, особенно у старшеклассников, формируется гражданская идентичность и не только в системе школьного, но и дополнительного образования [Быкова, Гущина 2019].

Воспитательная работа в системе высшего образования проявляется как в виде прямого и целенаправленного воздействия на обучающихся посредством организации

и проведения различного рода воспитательных мероприятий, так и в латентном виде. Педагог всегда остается воспитателем и, прежде всего, на учебных занятиях.

Проведение любого вида занятия требует от преподавателя использования разнообразных методик воспитательного воздействия. Воспитательный инструментальный педагогический позволяет скрыто воздействовать на сознание и чувства обучающихся как в организационно-методическом, так и в содержательном аспекте занятия. При этом совершенно не важно по каким дисциплинам (естественнонаучным, техническим или гуманитарным) проводится занятие.

Организационный компонент занятия включает в себя следующие стороны воспитательного воздействия: личная примерность и требовательность; сочетание требовательности с уважением личного достоинства и вежливостью; личная организационная готовность преподавателя; позитивная педагогическая направленность и пр.

Важное значение в ходе проведения занятий имеет его содержательная сторона, которая позволяет педагогу демонстрировать не только профессиональные, но и гражданские качества: патриотизм, идейность, верность своему долгу и профессии, позитивный педагогический идеал, гуманистическую

направленность, общую и педагогическую эрудированность и т. д.

Однако, не следует спекулировать патриотизмом, вкладывая в него отнюдь не безопасный смысл, граничащий с великодержавием, шовинизмом. Гражданственно-патриотическое воспитание в России в большей степени отражает именно патриотическую сторону, где прошлое формирует чувство гордости за страну, как правило, нивелируя трагические, неудобные для руководства страны исторические факты, события или целые эпохи. В этой связи С. Г. Осьмачко справедливо отмечает: «Оно (государственно-патриотическое воспитание) в свою очередь стремится к формированию у граждан любви и преданности к государству, за которым стоит лидер, органы власти, бюрократия, соответствующие ведомства и традиционные отношения. Любовь к Родине подменяется (дополняется) благонадежностью, что может быть опасно и вредно в случае рассогласования интересов власти и народа. Навязывание ценности благонадежности в обратном значении ведет к подавлению инакомыслия, санкциям в адрес тех, кто «не умеет Родину любить» [Осьмачко, 2009, с. 95-96].

Воспитательное воздействие методического компонента занятия проявляется через демонстрацию активных методик вовлечения обучающихся в познавательную дея-

тельность, его уместную эмоциональность, переживание и заинтересованность в педагогическом взаимодействии, культуру речи педагога. Ираклий Андроников заметил по этому поводу: «Слово написанное и слово сказанное неравнозначны. Ибо важно не только то, что сказано, но и как сказано. И в этом смысле слово, звучащее богаче воспроизведенного на бумаге. Интонация открывает далекие перспективы смысла, делает речь более убедительной, многозначной» [Шилов, 1977].

Таким образом, активная жизненная позиция педагога, его позитивный педагогический идеал способствуют формированию у студентов таких нравственных черт личности как ответственность, добросовестность, долг, честь, целеустремленность, уважение, справедливость и т. д. При этом нет необходимости специально выдумывать какие-то мероприятия непосредственно в рамках воспитательной работы. Преподаватель уже реализует воспитательное воздействие проводя занятия со студентами, конечно, при условии, что он целенаправленно готовится к этому, понимает свою не только обучающую, но и воспитательную функцию.

Отсюда вытекает главная цель педагога – формирование качеств гражданина своей страны, способного жить в современном неустойчивом обществе, активно реализовывая свою индивидуальность.

А основной целью образования в России должно быть формирование всесторонне развитой личности гражданина, ориентирующей в сложных переплетениях социально-экономической, правовой и политической сферах общества, готовой к активной адаптации в социуме и самостоятельному выбору своего жизненного пути. Несомненно, что достижение этих целей возможно

лишь с учетом как культурно-исторических традиций российского общества, так и накопленного зарубежного педагогического опыта в рамках гражданского образования для избежания ситуации образовательной изоляции и скатывания в опасную пропасть гражданской социализации лишь на основе этнической идентичности.

Библиографический список

1. Акулич М. М. Стратегия воспитания в современном российском образовании / М. М. Акулич, И. В. Ильина, М. Ю. Семенов // Педагогика. 2017. № 9. С. 62-71.
2. Архангельская Л. Ю. Становление гражданского общества в России: краткий статистический анализ // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 5 (29). С. 39-46.
3. Быкова Е. С. Формирование гражданской идентичности обучающихся старшего школьного возраста в условиях системы дополнительного образования / Е. С. Быкова, Т. Н. Гущина // Педагогика и психология современного образования: теория и практика. Материалы 73-й научно-практической конференции. 2019. С. 109-115.
4. Габидуллин И. Ф. Гражданское образование как основа российского общества // Казанский педагогический журнал. 2012. № 3 (93). С. 27-32.
5. Галкина Е. В. Становление гражданского общества в современной России: политологический анализ: монография. Ставрополь: ООО «Мир данных», 2008. 263 с.
6. Ермаков А. М. Гражданское образование в современной Германии: антифашистский дискурс // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 1 (106). С. 44-48.
7. Ермаков А. М. Третий российско-германский форум специалистов, работающих с молодежью: гражданское образование и культура памяти в современной Германии // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 1. С. 365-370.
8. Макеева Т. В. Особенности организации учебной деятельности по подготовке социальных работников в Германии / Т. В. Макеева, М. В. Соколова // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: материалы VII Международной научно-практической конференции. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2015. С. 81-83.
9. Меморандум «Актуальные задачи гражданского образования России» // Демократическая школа. 2003. № 1. С. 75-82.

10. Морозов В. В. Гражданское образование и социализация личности // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 5. С. 289-300.
11. Осьмачко С. Г. Социальная политика и государственный патриотизм // Информационные войны, 2009. № 1 (9). С. 94-96.
12. Писарева Л. И. ФРГ: методология исследования теории и практики общего образования в ретропрогностическом контексте // Педагогика. 2019. № 3. С. 116-125.
13. Плетнева М. В. Гражданское общество в современных реалиях // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 268-274.
14. Титова Л.Г. Образование в контексте политики // Социально-политические исследования. 2018. № 1. С. 5-20.
15. Шилов Л.А. Голоса, зазвучавшие вновь: Записки звукоархивиста. Москва : Просвещение, 1977. 128 с.
16. Bildungsbericht '70. Bericht der Bundesregierung zur Bildungspolitik. by Germany (West). Bundesregierung, Bonn, 1970. 156 s.

Bibliograficheskij spisok

1. Akulich M. M. Strategija vospitaniya v sovremennom rossijskom obrazovanii / M. M. Akulich, I. V. Il'ina, M. Ju. Semenov // Pedagogika, 2017. № 9. S. 62-71.
2. Arhangel'skaja L. Ju. Stanovlenie grazhdanskogo obshhestva v Rossii: kratkij statisticheskij analiz // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2017. Т. 7. № 5 (29). S. 39-46.
3. Bykova E. S. Formirovanie grazhdanskoj identichnosti obuchajushhhsja starshego shkol'nogo vozrasta v uslovijah sistemy dopolnitel'nogo obrazovanija / E. S. Bykova, T. N. Gushhina // Pedagogika i psihologija sovremennogo obrazovanija : teorija i praktika. Materialy 73-j nauchno-prakticheskoi konferencii. 2019. S. 109-115.
4. Gabidullin I. F. Grazhdanskoe obrazovanie kak osnova rossijskogo obshhestva // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. 2012. № 3 (93). S. 27-32.
5. Galkina E. V. Stanovlenie grazhdanskogo obshhestva v sovremennoj Rossii: politologicheskij analiz : monografija. Stavropol' : ООО «Mir dannyh», 2008. 263 s.
6. Ermakov A. M. Grazhdanskoe obrazovanie v sovremennoj Germanii: antifashistskij diskurs // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2019. № 1 (106). S. 44-48.
7. Ermakov A. M. Tretij rossijsko-germanskij forum specialistov, rabotajushhij s molodezh'ju: grazhdanskoe obrazovanie i kul'tura pamjati v sovremennoj Germanii // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2016. № 1. S. 365-370.
8. Makeeva T. V. Osobennosti organizacii uchebnoj dejatel'nosti po podgotovke social'nyh rabotnikov v Germanii / T. V. Makeeva, M. V. Sokolova // Sistemogenez uchebnoj i professional'noj dejatel'nosti: materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Jaroslavl' : JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2015. S. 81-83.
9. Memorandum «Aktual'nye zadachi grazhdanskogo obrazovanija Rossii» // Demokraticeskaja shkola. 2003. № 1. S. 75-82.
10. Morozov V. V. Grazhdanskoe obrazovanie i socializacija lichnosti // Social'no-gumanitarnye znaniya, 2017. № 5. S. 289-300.
11. Os'machko S. G. Social'naja politika i gosudarstvennyj patriotizm // Informacionnye vojny. 2009. № 1 (9). S. 94-96.

12. Pisareva L. I. FRG: metodologija issledovanija teorii i praktiki obshhego obrazovanija v retroprognosticheskom kontekste // Pedagogika. 2019. № 3. S. 116-125.
13. Pletneva M. V. Grazhdanskoe obshhestvo v sovremennyh realijah // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2018. № 1. S. 268-274.
14. Titova L. G. Obrazovanie v kontekste politiki // Social'no-politicheskie issledovanija. 2018. № 1. S. 5-20.
15. Shilov L. A. Golosa, zazvuchavshie vnov': Zapiski zvukoarhivista. Moskva : Prosveshhenie, 1977. 128 s.
16. Bildungsbericht '70. Bericht der Bundesregierung zur Bildungspolitik. by Germany (West). Bundesregierung, Bonn, 1970. 156 s.

В. Б. Токарева

УДК 37.013.77

<https://orcid.org/0000-0003-2303-0723>

Внутриличностная ответственность как ключевая социальная компетенция субъектов образовательного процесса

Для цитирования: Токарева В. Б. Внутриличностная ответственность как ключевая социальная компетенция субъектов образовательного процесса // Социально-политические исследования. 2020. № 1 (6). С. 116–123. DOI 10.20323/2658-428X-2020-1-6-116-123

Федеральные государственные образовательные стандарты различных уровней ориентированы на субъектно-деятельностный подход и компетентностный образовательный результат. Современный обучающийся является как объектом так и субъектом образовательного процесса. Он не только воспринимает воздействия внешних условий и обстоятельств, с которыми сталкивается, но и получая информацию, преобразует ее в своем сознании. В связи с этим исследование внутриличностной ответственности субъектов образовательного процесса является актуальным. Статья посвящена основным характеристикам внутриличностной ответственности в образовательной деятельности, где интернальность во взаимосвязи с рефлексией студента анализируются как главенствующая позиция при принятии решения и при регуляции своей активности. Автор приводит доказательства в пользу того, что ответственность является одним из факторов формирования личности и способствует развитию таких жизненно важных качеств как субъектность, рефлексивность, способность контролировать свои усилия, стремление достигать запланированных результатов. Анализируются результаты эмпирического исследования с применением опросников «Уровень субъективного контроля» и «Дифференциальный тип рефлексии»; описываются выявленные взаимосвязи общей интернальности и системной рефлексии. По результатам исследования формулируется вывод о том, что принятие ответственности за события в жизни необходимо субъекту обучения для координации поведения не только в образовательной деятельности, но других сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: внутриличностная ответственность, экстернальный локус контроля, интернальный локус контроля, социальная субъектность, универсальные компетенции.

V. B. Tokareva

Internal responsibility as a key social competence of subjects educational process

Federal state educational standards of different levels are oriented towards subject-activity approach and competent educational result. Modern learner is both object and subject of educational process. He not only perceives the effects of the external conditions and circumstances he faces, but also receives information, transforms it in his mind. Therefore, the study of the intra-personal responsibility of the subjects of the educational process is relevant. The article is devoted to the main characteristics of intra-personal responsibility in educational activities, where internality in relation to student reflexion is analyzed as the dominant position in decision-making and in regulation of their activity. The author provides evidence that responsibility is one of the factors of personality formation and contributes to the development of such vital qualities as subjectivity, reflexivity, ability to control their efforts, desire to achieve planned results. The results of empirical research are analyzed using questionnaires "Level of subjective control" and "Differential type of reflection"; Described are revealed relationships of internality and systemic reflection. According to the results of the study, the conclusion is formulated that taking responsibility for events in life is necessary for the subject of training to coordinate behavior not only in educational activities, but other spheres of life.

Keywords: intra-personal responsibility, external locus of control, internal locus of control, social subjectivity, universal competencies.

Введение

Современная социальная ситуация развития выдвигает принципиально иные требования к социализации личности. Взрослеющий человек занимает всё более субъектную позицию по отношению к себе, своей системе социальных отношений, тем социальным ролям и функциям, которые он выполняет в обществе [Гущина, 2019, с. 53-54]. Для высоких социальных достижений необходим опыт личной ответственности. В юношеском возрасте сенситивным видом деятельности для формирования ответственности является учебная деятельность. В обучении начинающему субъекту образовательного процесса необхо-

димо иметь ряд особых компетенций, которые позволяют выделить-ся ему из целого ряда обучающихся. Особый род компетенций представляют – метакомпетенции, как интегративная характеристика субъекта, которая включает в качестве базового качества рефлексию, как механизм высших уровней развития познания [Метаева, 2006, с. 56-61].

В современной дидактике высшего образования такие компетенции называются универсальными и рассматриваются с точки зрения единства требований к обучению и оценке потенциала человеческих ресурсов [Груздев, 2018, с. 691]. Идея выделения универсальных

компетенций отталкивается от американской традиции дифференциации профессиональных навыков на soft-skills (мягкие навыки) и hard-skills (жесткие навыки). Долгое время считалось, что hard skills должны доминировать в этой диаде, под их формирование была настроена вся система высшего профессионального образования. Но в начале нынешнего века американские ученые доказали, что от 75 до 85 % профессионального успеха зависит именно от soft skills и только 25-15 % – от hard skills [Груздев, 2018, с. 691]. Иными словами, soft skills представляют собой набор таких личностных характеристик, которые способствуют эффективному взаимодействию и сотрудничеству между людьми, участвующими в деловом процессе.

Именно осознание значимости универсальных компетенций над профессиональными перевернуло в течение последних 20-ти лет всю систему западного высшего образования. Что касается российских образовательных организаций профессионального образования, большинство из них до сих пор ориентированы, прежде всего, на формирование у будущих специалистов профессиональных (hard) компетенций, несмотря на то что ведущую роль в индивидуальных и корпоративных профессиональных достижениях в современном пост-индустриальном обществе обеспечивается «надстроечными» (soft) умениями.

В российской традиции, под универсальными (общими) компетенциями понимается способность человека устанавливать связи между знанием и реальной ситуацией, осуществлять принятие верного образовательного направления и вырабатывать алгоритм действий по его реализации в условиях неопределенности, являющийся основанием для других, более конкретных и предметно-ориентированных составляющих [Тарханова, 2018, с. 1989-1996]. В самом общем виде универсальные компетенции можно определить как неспецифичные для работы в определенной профессии или отрасли, но очень важные для работы, образования и жизни в целом.

В основе личностной ответственности субъектов образовательного процесса лежит целый ряд метакогнитивных или универсальных компетенций: способность к рефлексии, самоорганизация и самоуправление, продуктивные межличностные коммуникации.

Одной из метакомпетенций В. С. Чернявская в своем исследовании выделяет локус контроля [Чернявская, 2012, с. 75-79], в данном исследовании на основе методики М. М. Кашапова «Самооценка метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности» [Кашапов, 2005, с. 65-70], а также методики определения интернальности и экстернальности А. К. Осницкого [Осницкий, 1996, с. 124] автор доказывает взаимосвязь данных

опросников и полагает, что уровень субъективного контроля как интегративная способствует разрешению противоречия – быть активным или нет в деятельности, а также содействует принятию результативных решений.

Слово «локус» с латинского означает «место» или «локальность». Локус – это то локальное положение, где субъект может концентрировать свою психическую энергию относительно ответственности, образуя две полярности – внешнее (экстернальность) и внутреннее (интернальность), тем самым воздействуя на природу принятия решения.

Концепция Дж. Роттера состоит в том, что она имеет дело с механизмами индивидуального контроля [Яницкий, 2012, с 82-97]. Тем не менее, представление о социальном характере ценностно «ориентированной изнутри» личности – существенный аспект интернальности, поскольку свидетельствует о значимости проявления способности человека ко внутренней ценностной опоре и внутренне мотивированному поведению, причем, в масштабах массового сознания. Исходя из этого мы можем говорить, что интернальный локус контроля можно охарактеризовать как внутриличностную ответственность и рассматривать как основополагающий фактор при принятии решения, дальнейших действий в жизненных ситуациях, осознание своего авторства в отношении чувств, мыслей,

поведения в различных обстоятельствах.

В современной науке рассматриваются разные подходы к пониманию понятия «внутриличностная ответственность» и часто данное понятие отождествляется с интернальным локусом контроля. Такой позиции относительно внутриличностной ответственности придерживаются, например, Г. В. Семенова, Р. Х. Шакуров, Э. Фромм. В своем исследовании мы также отождествляем данные понятия, говоря о том, что они имеют одинаковую природу, меру и глубину.

Методы исследования

Для диагностики внутриличностной ответственности нами была применена методика «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткинда [Реан, 2001, с. 224], а также опросник «Дифференциальный тип рефлексии», разработанный с целью диагностики типа рефлексии как устойчивой личностной черты, разработанный Д. А. Леонтьевым, Е. М. Лаптевой, Е. Н. Осиным и А. Ж. Салиховой. В исследовании приняли участие 50 человек, студенты ЯГПУ им. К. Д. Ушинского по специальности «Организация работы с молодежью» и «Социальная работа» в возрасте от 19 до лет до 21 года.

Многие учёные, трактуя взаимосвязь способов существования субъекта и его рефлексии, выделяют два аспекта. Например,

С. Л. Рубинштейн видит сущность первого аспекта в том, что человек, находясь внутри жизни и осуществляя оценку событий, относит её непосредственно к явлениям протекающих процессов. В этом случае рассмотрение жизненного сценария не происходит над самой жизнью. Данную точку зрения также разделяет В. В. Розанов, говоря в этом случае о бессознательном субъекта. В первом случае его сознание не направляет активность субъекта, а только присутствует как пособие для деятельности, координируя причины и протекая как природный процесс. Второй аспект характеризуется прерыванием природного процесса и более высокой степенью осознанности, где сознание приобретает ведущую роль: оно выбирает способы реагирования, соотносит возможности человека для выполнения того или иного действия. Представленные аспекты раскрывают также сущность феномена локуса контроля, где экстернальный локус контроля говорит о том, что субъект деятельности будет приписывать свои успехи и неудачи случайности, не осознавая своей роли в деятельности, а интернальный локус контроля у субъекта, наоборот, будет говорить об обратном – осознавая свои действия и рефлексирова, субъект будет порождать активность, направляя её в определенное русло.

Интерпретация результатов

Выявленная взаимосвязь общей интернальности и системной рефлексии ($U=0,34$, $p= 0,05$) подтверждает теоретические предположения о взаимодействии двух процессов у субъекта, наделяя оба процесса первостепенной важностью в принятии решений и в последующих действиях. В образовательном процессе необходимо прикладывать усилия для получения знаний, умений и навыков, поэтому, осознавая ответственность за происходящее, субъект образовательного процесса выстраивает дальнейшие действия, направляя свою активность по определённой поведенческой траектории.

Низкий уровень интроспекции показывает обратную взаимосвязь с интернальным локусом контроля, которая может объясняться тем, что при приглушённой сосредоточенности субъекта образовательного процесса на своих переживаниях, собственных состояниях, возрастает чувство внутриличностной ответственности за отрицательные события, ситуации. По этой причине при дальнейших неудачах субъект образовательного процесса будет пытаться абстрагироваться от негативных эмоций, стараясь действовать более активно, концентрируясь на возможности проявить себя.

Под рефлексией мы понимаем способность ума наблюдать за собственными мыслями, и таким образом влиять на их ход. При этом наблюдение даёт возможность про-

изводить дальнейшие умственные действия, в том числе и определять место испытуемого на шкале ценностей. Отсюда следует и ценность самой рефлексии в гуманистической педагогике. Наличие обратной взаимосвязи высокого уровня интернальности в производственной сфере и интроспекции сниженного уровня у студентов ($U = -0,337$, $p = 0,05$) также доказывает, что при меньшей концентрации на своих переживаниях студент будет принимать ответственность на себя, а, следовательно, действовать более осознанно на основе самостоятельности и инициативы. Данная взаимосвязь может означать, что субъект образовательного процесса имеет внутриличностную ответственность в учебной сфере и посредством отвлечения от внутренних переживаний может осваивать при этом профессиональные компетенции, необходимые для дальнейшего карьерного роста.

В современном обществе, когда всё большее значение имеет непрерывное образование, отношения между педагогом и обучающимися, студентами разных возрастов, слушателями курсов переподготовки, способствуют самоактуализации и самореализации, освоению и активному применению инновационных технологий, а также использованию известных способов взаимодействия на новом уровне. Поэтому одним из немаловажных процессов в образовательной деятельности студентов является межличностное

общение, от которого зависит комфорт не только самих студентов, но и преподавателей. Прямая взаимосвязь высокого уровня интернальности в сфере межличностных отношений и системной рефлексии ($U = 0,308$, $p = 0,07$) говорит о готовности субъекта образовательного процесса брать на себя ответственность при взаимодействии с окружающими, чувствуя себя способным вызывать уважение и симпатию к другим людям.

Заключение

Анализ результатов эмпирического исследования позволяет сделать вывод, что, развиваясь, субъект образования не только воспринимает воздействия внешних условий и обстоятельств, с которыми он сталкивается, но и получая информацию, преобразует ее в своем сознании. Поэтому в образовательной деятельности одним из немаловажных факторов развития субъекта является формирование личной ответственности. Построение программы саморазвития, анализ собственного продвижения не только в познании нового, но и в переходе на качественно иной уровень личностного развития, раскрытие собственных возможностей и понимание ограничений – все это позволяет повысить мотивацию учебной деятельности обучающихся. Личностная ответственность предполагает убеждение, что большинство важных событий в жизни человека являются результатом собственных

действий, ими можно управлять, и, таким образом, принимать ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом.

Ещё одним важным выводом из проведенного исследования является то, что образование по своей природе рефлексивно и, следовательно, субъекту образовательного процесса приходится формировать, осмыслять и описывать задачи с последующим решением и определением правильности такого решения. Системная рефлексия может выступать как средство обратной связи для педагога и студента, что в дальнейшем позволит выделить соответствующие продуктивные механизмы взаимодействия двух

субъектов образовательного процесса. Принятие ответственности, в свою очередь, дает субъекту образовательного процесса возможность применить усилия и действовать в соответствии с намеченными целями. В зависимости выбранного источника ответственности будет строиться дальнейшая деятельность субъекта образовательного процесса. Внутриличная ответственность как свойство обеспечивающее привитие не только самостоятельности, но и надежности, и обязательности имеет влияние на дальнейшую жизнь субъекта образовательного процесса и его взаимоотношения с социумом.

Библиографический список

1. Гущина Т. Н. Социальное развитие обучающихся в изменяющемся мире // Социальная ответственность в изменяющемся мире Сборник научных статей. Ярославль, 2019. С. 53–59.
2. Кашапов М. М. Разработка методики самооценки метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности / М. М. Кашапов, Ю. В. Скворцова // Ярославский психологический вестник. Выпуск 14. М. – Ярославль : Изд-во «Российское психологическое общество», 2005. С. 65–70.
3. Метаева В. А. Рефлексия как метакомпетентность // Педагогика. № 3. 2006. С. 56–61.
4. Осницкий А. К. Психология самостоятельности = методы исследования и диагностики. Москва – Нальчик : Психологический институт РАО ; Нальчик : Эль-Фа, 1996. 124 с.
5. Реан А. А. Практическая психодиагностика личности : учебное пособие. Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та, 2001. 224 с.
6. Чернявская В. С. Развитие мета-компетенций у студентов: кросс-технологии / В. С. Чернявская, В. Р. Малахова // Сборник научных трудов Sworld по материалам международной научно-практической конференции. Т. 11. № 2. 2012. С. 75–79.
7. Яницкий М. С. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности / М. С. Яницкий, А. В. Серый // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, № 19, 2012. С. 82–97.

8. Erling E. Measuring the academic skills of university students: E valuation of a diagnostic procedure. *Assessing Writing* / E. Erling, J. Richardson, 2010, Vol. 15. No. 3, 2012. p. 177–193.

9. Gruzdev M University Graduates' Soft Skills: the Employers' Opinion / M. Gruzdev, E. Kasakova, I. Kuznetsova, I. Tarkhanova // *European Journal of Contemporary Education*, 7(4), 2018. p. 690–698.

10. Tarkhanova I.Yu., The development of universal competences of the adult population through education / I.Yu. Tarkhanova, O.A. Koryakovtseva // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences – VOLUME LI – 18TH PCSF*, 2018. p. 1989–1996.

Bibliograficheskij spisok

1. Gushhina T. N. Social'noe razvitie obuchajushhihsja v izmenjajushhemsja mire // *Social'naja otvetstvennost' v izmenjajushhemsja mire Sbornik nauchnyh statej. Jaroslavl'*, 2019. S. 53–59.

2. Kashapov M. M. Razrabotka metodiki samoocenki metakognitivnyh znanij i metakognitivnoj aktivnosti / M. M. Kashapov, Ju. V. Skvorcova // *Jaroslavskij psihologicheskij vestnik. Vypusk 14. M. – Jaroslavl' : Izd-vo «Rossijskoe psihologicheskoe obshhestvo»*, 2005. S. 65–70.

3. Metaeva V. A. Refleksija kak metakompetentnost' // *Pedagogika. № 3. 2006. S. 56-61.*

4. Osnickij A. K. Psihologija samostojatel'nosti = metody issledovanija i diagnostiki. Moskva – Nal'chik: Psihologicheskij institut RAO ; Nal'chik : Jel'-Fa, 1996. 124 s.

5. Rean A. A. Prakticheskaja psihodiagnostika lichnosti: uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPb. un-ta, 2001. 224 s.

6. Chernjavskaja V. S. Razvitie meta-kompetencij u studentov: kross-tehnologii / V. S. Chernjavskaja, V. R. Malahova // *Sbornik nauchnyh trudov Sworld po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, T. 11. № 2, 2012. S. 75–79.

7. Janickij M. S. Osnovnye metodologicheskie podhody k izucheniju cennostno-smyslovoj sfery lichnosti / M. S. Janickij, A. V. Seryj // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. № 19. 2012. S. 82-97.*

8. Erling E. Measuring the academic skills of university students: E valuation of a diagnostic procedure. *Assessing Writing* / E. Erling, J. Richardson, 2010, Vol. 15. No. 3. 2012. p. 177–193.

9. Gruzdev M University Graduates' Soft Skills: the Employers' Opinion / M. Gruzdev, E. Kasakova, I. Kuznetsova, I. Tarkhanova // *European Journal of Contemporary Education*, 7(4), 2018. p. 690–698.

10. Tarkhanova I.Yu., The development of universal competences of the adult population through education / I.Yu. Tarkhanova, O.A. Koryakovtseva // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences – VOLUME LI – 18TH PCSF*, 2018. p. 1989–1996.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронина Евгения Андреевна – кандидат экономических наук, экономист центра финансового обеспечения департамента образования и науки города Москвы. 107061, Россия, г. Москва, ул. Буженинова, д. 44.

E-mail: ewgenija5588@mail.ru.

Воронкова Ольга Алексеевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук». 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5.

E-mail: olga.voronkova1001@mail.ru.

Гурьянчик Виталий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150001, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: vit-gurjanchik@yandex.ru.

Зайцев Александр Владимирович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17.

E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru.

Квасникова Марина Александровна – аспирант ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, д.108/1.

E-mail: marina.yaroslavl@gmail.com.

Лебедева Наталья Васильевна – доктор педагогических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической и внебюджетной деятельности Института дополнительного профессионального образования работников социальной сферы города Москвы. 105066, Россия, г. Москва, 1-й Басманный переулок, 10.

E-mail: lebedeva1512@yandex.ru.

Макеева Татьяна Витальевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150001, Россия г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: makeeva.tatyana@inbox.ru.

Пефтиев Владимир Ильич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, д.108/1.

E-mail: keu08@yandex.ru.

Страдина Елена Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры дополнительного образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, д.108/1.

E-mail: stradinaea@yandex.ru.

Титова Людмила Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры иностранных языков естественно-научных факультетов ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова». 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14.

E-mail: titova-nauka-fmf@mail.ru.

Токарева Валентина Борисовна – старший преподаватель социальной педагогики и организации работы с молодежью ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический универ-

ситет им. К. Д. Ушинского». 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, д.108/1.

E-mail: valya.tokareva@bk.ru.

Ясвин Витольд Альбертович – доктор психологических наук, профессор департамента психологии института педагогики и психологии образования ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет». 123022, Россия, г. Москва, Столярный пер., 16, корп. 1.

E-mail: vitalber@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Voronina Evgenia Andreevna – candidate of economical sciences, economist of the financial support center of the department of education and science of Moscow. 107061, Moscow, Buzheninova street, 44.

E-mail: ewgenija5588@mail.ru.

Voronkova Olga Alekseevna – candidate of political sciences, senior researcher at the institute of sociology of the federal research sociological center of the Russian academy of sciences. 117218, Moscow, Krzhizhanovsky street, 24/35, building 5.

E-mail: olga.voronkova1001@mail.ru.

Peftiev Vladimir Ilich – doctor of economical sciences, professor of the economical theory and management department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya street, 108/1.

E-mail: keu08@yandex.ru.

Guryanchik Vitaliy Nikolaevich – candidate of historical sciences, associate professor of the department of social pedagogy and youth work organization of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya street, 108/1.

E-mail: vit-gurjanchik@yandex.ru.

Zaitsev Alexander Vladimirovich – doctor of political sciences, associate professor, professor of the department of philosophy, cultural studies and social communications, Kostroma state university. 156005, Kostroma, Dzerzhinsky street, 17.

E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru.

Kvasnikova Marina Aleksandrovna – postgraduate student, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya street, 108/1.

E-mail: marina.yaroslavl@gmail.com.

Lebedeva Natalia Vasilievna – doctor of pedagogical sciences, associate professor, deputy director for educational, methodological and extrabudgetary activities of the Institute for continuing professional education of social workers in the city of Moscow. 105066, Moscow, 1st Basmanny lane, 10.

E-mail: lebedeva1512@yandex.ru.

Makeeva Tatyana Vitalievna – candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, head of the department of social pedagogy and youth work organization of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya street, 108/1.

E-mail: makeeva.tatyana@inbox.ru.

Stradina Elena Aleksandrovna – candidate of political science, associate professor of the department of additional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya street, 108/1.

E-mail: stradinaea@yandex.ru.

Titova Lyudmila Anatolyevna – candidate of economic sciences, associate professor of the department of foreign languages of natural science faculties of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov. 150003, Yaroslavl, Sovetskaya street, 14.

E-mail: titova-nauka-fmf@mail.ru.

Tokareva Valentina Borisovna – senior teacher of social pedagogy and youth work organization of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya street, 108/1.

E-mail: valya.tokareva@bk.ru.

Yasvin Witold Albertovich – doctor of psychological sciences, professor of the department of psychology of the institute of pedagogy and psychology of education of the Moscow city pedagogical university. 123022, Moscow, Stolyarny lane, 16, building 1.

E-mail: vitalber@yandex.ru.

Научный журнал

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

2020 – № 1 (6)

Главный редактор – М. В. Новиков

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Редактор К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Объем 16 п. л., 7,6 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 25. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 10.04.2020

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44